

ISSN 2949-5121 (print)

2024 / № 2

ISSN 2949-5148 (online)

СОВРЕМЕННЫЕ ФИЛОСОФСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Название журнала до сентября 2023 г.: Вестник Московского государственного
областного университета. Серия: Философские науки

Рецензируемый научный журнал. Основан в 1998 г.

Журнал «Современные философские исследования» включён в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по следующим научным специальностям: 5.7.1 – Онтология и теория познания (философские науки); 5.7.2 – История философии (философские науки); 5.7.6 – Философия науки и техники (философские науки); 5.7.7 – Социальная и политическая философия (философские науки).

The peer-reviewed journal was founded in 1998

“Contemporary Philosophical Research” is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation into “the List of reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a Ph.D. Candidate or Doctorate Degree” (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation) on the following scientific specialties: 5.7.1. – Ontology and theory of cognition (philosophical sciences); 5.7.2. – The history of philosophy (philosophical sciences); 5.7.6. – The philosophy of science and technology (philosophical sciences); 5.7.7. – Social and political philosophy (philosophical sciences).

ISSN 2949-5121 (print)

2024 / № 2

ISSN 2949-5148 (online)

CONTEMPORARY PHILOSOPHICAL RESEARCH

Учредитель журнала «Современные философские исследования»
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Государственный университет просвещения»

————— Выходит 4 раза в год —————

Редакционная коллегия

Главный редактор:

Бондарева Я. В. — д-р филос. наук, проф., Государственный университет просвещения

Заместитель главного редактора:

Губман Б. Л. — д-р филос. наук, проф., Тверской государственный университет

Ответственный секретарь:

Майкова В. П. — д-р филос. наук, проф., Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана (Мытищинский филиал)

Члены редакционной коллегии:

Беркут В. П. — д-р филос. наук, проф., Военная академия РВСН им. Петра Великого Министерства обороны Российской Федерации;

Виноградов А. И. — д-р филос. наук, проф., Мурманский арктический государственный университет;

Евстифеева Е. А. — д-р филос. наук, проф., Тверской государственный технический университет;

Ильин В. В. — д-р филос. наук, проф., Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана;

Кондаков А. М. — д-р пед. наук, проф., член-корреспондент Российской академии образования, Институт мобильных образовательных систем (ИМОС);

Костадинович Д. — д-р наук, доц., Университет Ниша (Сербия);

Кравченко В. В. — д-р филос. наук, проф., Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет);

Курабцев В. Л. — д-р филос. наук, проф., Государственный университет просвещения;

Лебедев С. А. — д-р филос. наук, проф., Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова;

Микосиба М. — д-р наук, почётный профессор, Университет Тиба (Япония);

Михалкин Н. В. — д-р филос. наук, проф., Московский государственный психолого-педагогический университет;

Синенко В. Я. — д-р пед. наук, проф., академик Российской академии образования, Новосибирский институт повышения квалификации и переподготовки работников образования;

Янич М. — д-р наук, проф., Университет Ниша (Сербия)

ISSN 2949-5121 (print)

ISSN 2949-5148 (online)

Рецензируемый научный журнал «Современные философские исследования» — печатное издание, в котором публикуются статьи российских и зарубежных учёных по вопросам онтологии и теории познания, истории философии, философии науки и техники, социальной и политической философии.

Журнал адресован преподавателям высшей школы, докторантам, аспирантам и всем, кто интересуется вопросами философии.

Журнал «Современные философские исследования» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС 77-73345.

Индекс журнала «Современные философские исследования» по Объединённому каталогу «Пресса России» — 40724.

Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), его текст доступен в научных электронных библиотеках «eLibrary» (www.elibrary.ru) и «КиберЛенинка» (с 2017 г., www.cyberleninka.ru), а также на сайте (www.philosmgou.ru).

При цитировании ссылка на журнал обязательна. Публикация материалов осуществляется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редколлегии серии. Рукописи не возвращаются.

Современные философские исследования. — 2024. — № 2. — 140 с.

© Государственный университет просвещения, 2024.

Адрес редакции:

г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98

тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru

сайт: www.philosmgou.ru

**Founder of the journal "Contemporary Philosophical Research":
Federal State University of Education**

_____ Issued 4 times a year _____

Editorial board

Editor-in-chief:

Ya. V. Bondareva – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., State University of Education

Deputy editor-in-chief:

B. L. Gubman – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Tver State University

Executive secretary of the series:

V. P. Maikova – Dr. Sci. (Philosophy), Mytischki Branch of Bauman Moscow State Technical University

Editorial board:

V. P. Berkut – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Peter the Great Military Academy of the Strategic Missile Forces of the Ministry of Defence of the Russian Federation;

A. I. Vinogradov – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Murmansk Arctic State University;

E. A. Evstifeeva – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Tver State Technical University;

V. V. Ilyin – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Bauman Moscow State Technical University;

A. M. Kondakov – Dr. Sci. (Education), Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Institute of Mobile Educational Systems;

D. Kostadinović – PhD, Assoc. Prof., University of Niš (Serbia);

V. V. Kravchenko – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Moscow Aviation Institute (National Research University);

V. L. Kurabtsev – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., State University of Education;

S. A. Lebedev – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Lomonosov Moscow State University;

M. Mikoshiba – PhD, Honored Professor, Chiba University (Japan);

N. V. Mikhalkin – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Moscow State University of Psychology and Education;

V. Ya. Sinenko – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Academician of the Russian Academy of Education, Novosibirsk Teachers' Upgrading and Retraining Institute;

M. Janjić – Doctor of Philology, Prof., University of Niš (Serbia)

ISSN 2949-5121 (print)

ISSN 2949-5148 (online)

The peer-reviewed scientific journal "Contemporary Philosophical Research" is a printed edition that publishes articles of Russian and foreign scientists, including but not limited to ontology, theory of cognition, history of philosophy, philosophy of science and technology, and social and political philosophy.

The journal is addressed to university teachers, doctoral students, postgraduate students, and anyone interested in philosophy.

The journal "Contemporary Philosophical Research" is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications (mass media registration certificate No. FS 77-73345).

The subscription index of "Contemporary Philosophical Research" is 40724 in the Press of Russia catalog.

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, and its full texts are available through scientific electronic libraries "eLibrary" (www.elibrary.ru) and "CyberLeninka" (since August 2017; www.cyberleninka.ru), as well as on the journal's site (www.philosmgou.ru).

When citing, the reference to the journal is required. All publications are licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY).

The authors bear all the responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the authors. Manuscripts are not returned.

Contemporary Philosophical Research. – 2024. – No. 2. – 140 p.

© SUE, 2024.

The Editorial Board address:

ul. Radio 10A, office 98, 105005 Moscow, Russian Federation

Phone: +7 (495) 780-09-42 (add. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru

sites: www.philosmgou.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ОНТОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ

- Филиппченко А. Д.* Анализ существующих подходов к определению понятия «сознание» в философии, психологии и когнитивистике 6

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

- Бокарева Т. В., Калигин П. В.* «Странные» особенности красоты русской женщины (по рассказу И. А. Бунина «Чистый понедельник») 17
- Мирошкин М. С.* Символическая экономика бессознательного измерения человеческого тела: историко-философский анализ 23

ФИЛОСОФИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ

- Лебедев С. А., Мазякин М. С.* История научного метода: основные этапы 35
- Молчан Э. М., Янгез Д. И.* Тенденции развития экспериментальной философии 49

СОЦИАЛЬНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

- Арутюнян К. С.* Роль научных школ управления как основы становления философии управления (социально-философский анализ) 57
- Бондарева Я. В., Ильинская С. Г.* Логика смысла российской цивилизации через призму русской философии 64
- Виноградов А. И., Зенов Е. В.* Восприятие феномена толерантности в российской образовательной среде 76
- Гурьянова А. В., Тимофеев А. В.* Об исторической миссии России в контексте цивилизационного подхода 84
- Жаворонкова Г. А.* «Творческая личность»: сущность понятия и характеристики 95
- Кокоева И. А.* Основные структурно-функциональные особенности вуза как источника порождения и механизма трансфера знаний 102
- Майкова О. А.* Темпорализм волонтерской деятельности 110
- Смирнова К. В., Михеев М. И.* Трансформация средств массовой информации в контексте общественного развития: социально-философский анализ 119
- Шимко А. В.* Городские антропологические типы 128

CONTENTS

ONTOLOGY AND THEORY OF COGNITION

- A. Filipchenko.* Analysis of Existing Approaches to Definition of the Concept of “Consciousness” in Philosophy, Psychology and Cognitive Science 6

HISTORY OF PHILOSOPHY

- T. Bokareva, P. Kalitin.* “Strange” Features of Beauty of a Russian Woman
(Based on the Story “Pure Monday” by I. A. Bunin) 17
- M. Miroshkin.* Symbolic Economy of the Unconscious Dimension of the Human Body:
Historical and Philosophical Analysis 23

PHILOSOPHY OF SCIENCE AND TECHNOLOGY

- S. Lebedev, M. Mazyakin.* The History of the Scientific Method: The Main Stages 35
- E. Molchan, D. Yangez.* Trends in the Development of Experimental Philosophy 49

SOCIAL AND POLITICAL PHILOSOPHY

- K. Harutyunyan.* The Role of Scientific Schools in Management as a Basis for Management
Philosophy Establishment (Social and Philosophical Analysis) 57
- Ya. Bondareva, S. Ilinskaya.* The Logic of the Meaning of Russian Civilization Through
the Prism of Russian Philosophy 64
- A. Vinogradov, E. Zenov.* Perception of the Phenomenon of tolerance in the Russian
Educational Environment 76
- A. Guryanova, A. Timofeev.* On Historical Mission of Russia in the Context of
a Civilizational Approach 84
- G. Zhavoronkova.* “Creative Personality”: Essence of the Concept and Its Features 95
- I. Kokoeva.* The Main Structural and Functional Features of the University as a Source
of Generation and Mechanism of Knowledge Transfer 102
- O. Maykova.* Temporalism of Volunteer Activity 110
- K. Smirnova, M. Mikheev.* Media Transformation in the Context of Social Development:
Socio-Philosophical Analysis 119
- A. Shimko.* Urban Anthropological Types 128

ОНТОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ

УДК 130.31

DOI: 10.18384/2949-5148-2024-2-6-16

АНАЛИЗ СУЩЕСТВУЮЩИХ ПОДХОДОВ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ «СОЗНАНИЕ» В ФИЛОСОФИИ, ПСИХОЛОГИИ И КОГНИТИВИСТИКЕ

Филипченко А. Д.

Государственный университет просвещения

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Выявить и описать ключевые признаки и свойства феномена сознания в философии, психологии и когнитивистике.

Процедура и методы. Проанализирован корпус текстов философского, психологического и иного научного содержания; обобщён и структурирован опыт предшествующих школ философской и научной мысли в вопросе описания феномена сознания и определения соответствующего понятия.

Результаты. По итогам обзора существующей литературы и обобщения соответствующего научно-философского опыта в исследуемой области были выявлены наиболее общие подходы к раскрытию содержания понятия сознания, установлены ключевые свойства сознания, принятые различными исследователями данной проблематики как неотъемлемые и необходимые; предложено междисциплинарное определение понятия «сознание».

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования призваны облегчить междисциплинарное взаимодействие в вопросе изучения феномена сознания, конкретизации и уточнения данного понятия.

Ключевые слова: когнитивистика, проблема сознания, психология, сознание, философия сознания

ANALYSIS OF EXISTING APPROACHES TO DEFINITION OF THE CONCEPT OF “CONSCIOUSNESS” IN PHILOSOPHY, PSYCHOLOGY AND COGNITIVE SCIENCE

A. Filipchenko

Federal State University of Education

ul. Very Voloshinoy 24, Moscow Region, Mytishchi 141014, Russian Federation

Abstract

Aim. To identify and describe the main features and characteristics of the consciousness phenomenon in philosophy, psychology, and cognitive science.

Methodology. Analysis of the corpus of philosophical, psychological and other scientific texts was carried out; the experience of previous philosophical and scientific schools in describing the phenomenon of consciousness and defining the corresponding concept was summarized.

Results. Based on the results of the review of the existing literature and the generalization of the relevant scientific and philosophical experience in the field of study, the most common approaches to the disclosure of the concept of consciousness were identified; the main properties of consciousness, accepted by several researchers of this problem as essential and necessary, were established; an interdisciplinary definition of the “consciousness” was proposed.

Research implications. The results of the study are designed to simplify interdisciplinary cooperation in the study of the consciousness phenomenon, its substantiation and clarification.

Keywords: cognitive science, consciousness, philosophy of consciousness, psychology, the problem of consciousness

Введение

Исследование природы сознания представляется одной из классических, но при этом актуальных и запутанных проблем в философии и науке. Данный термин, хотя и используется с завидной регулярностью в обыденной речи, относится к таким, формальное определение которых вызывает особые затруднения и как следствие череду споров в научном и философском сообществах. Ситуация осложняется тем фактом, что раскрыть содержание данного понятия можно изнутри сразу нескольких научно-философских дисциплин.

В соответствии с данной проблемой в работе будет предпринята попытка рассмотреть искомое понятие в междисциплинарном ключе, а именно как часть философского, психологического и современного когнитивно-научного дискурса. История развития вопроса поможет пролить свет на роль сознания, анализ различных подходов позволит выявить существенные его свойства, которые могут служить основой для формирования единого понятия. В конце статьи на основе выявленных свойств будет представлено экспериментальное определение сознания.

Сознание в философии

Важнейшей дисциплиной, в рамках которой рассматривается природа человеческого сознания, является философия. Это связано как с историей возникновения самой проблемы сознания, так и с содержанием данного понятия, его фундаментальным значением для самоопределения человека и осознания им своего места в мире.

Важнейший шаг в осмыслении понятия сознания совершает Сократ, впервые в истории западной мысли обращаясь к проблеме рефлексивного само-

анализа. Знаменитая надпись на стене храма Дельфийского оракула «познай самого себя» подтолкнула развитие его диалектического метода, подробно описанного в произведениях его ученика Платона.

Сократ усматривал в разуме истинную природу человека, его душу в противоположность телу, которое есть лишь инструмент души. В диалоге Платона «Апология Сократа» Сократ рассуждает о том, как в отличие от других людей осознаёт, что в действительности ничего не знает, отводя проблеме саморефлексии особенное место в процессе познания [10, с. 84]. Сократ в произведении не только мыслит, но и мыслит о собственной мысли. В диалоге «Алкивиад I» идея самопознания развивается: Сократ убеждает Алкивиада в необходимости исследовать самого себя через беседу с другим, а также доказывает, что познание себя не есть познание своего тела, но своей души [10]. Добродетельное поведение, которое состоит в реализации человеческой (т. е. разумной) природы, и есть источник истинного счастья [12].

Платон развил идеи великого афинянина. Он также считал добродетельную жизнь источником счастья, но гораздо подробнее описал взаимодействие различных действенных начал человека. Главной добродетелью Платон называл справедливость, которая состоит в том, чтобы желания и страсти подчинялись разуму и сосуществовали в гармонии. В своём «Государстве» он выразил это через четыре главных начала в человеке: разум (главствующее начало); гнев (помогает разуму в достижении необходимого результата); вождение (должно подчиняться разуму и гневу); справедливость (гармоничное и иерархичное сосуществование всех начал) [9, с. 79–420].

Аристотель также считал, что именно разум открывает человеку доступ к на-

чалам научного рассуждения (основным онтологическим и гносеологическим понятиям, базовым законам логики и т. д.), позволяя осуществлять систематическое познание окружающей реальности [2]. В своём знаменитом трактате «О душе» он пишет, что человеческий ум отделяет формы предметов от материи, анализируя и сравнивая их образы в процессе мыслительной деятельности. Здесь же он приводит свою знаменитую характеристику четырёх частей души: растительной (рост и развитие организма), чувственной (восприятие, воображение, движение), рассудительной (способность строить силлогизмы) и нус (привходящий извне вечный и неизменный ум, дающий человеку с помощью интуиции знания о первых началах рассуждения, в том числе законах логики, фундаментальных научных аксиомах, базовых определениях, предшествующих построению силлогистической системы и т. д.) [1].

В целом античный подход к проблеме сознания можно охарактеризовать ярко выраженным логоцентризмом. Неразумная часть души не отрицается, но ей отводится подчинённое положение. Сама сущность человека, центральная часть его души (а, стало быть, и сознания) отведена разуму как главному источнику познания окружающей реальности. Античные авторы стали первопроходцами, наметившими основной вектор исследования данной проблематики, но конечные результаты их философского анализа не дают полного представления о природе столь сложного явления, как сознание.

В Средние века мировоззрение человека, ощущение его роли в бытии подвергается существенным преобразованиям. Место познающего начала человека занимает начало верующее. Именно в контексте отношений с Богом христианская теология начинает трактовать человеческую душу, сознание и личность как потерянную и заблудшую. Возникает представление о «внутреннем» человеке, скрытом в недрах души, запечатлевшем облик Всевышнего, который можно восстановить через ду-

ховную жизнь. В представлении средневековых философов человек помимо тела и души содержит в себе Дух, который от Бога и для Бога. Этот Дух позволяет человеку созерцать знание о Боге, тем самым метафизически возвращаясь в Его лоно. Роль души снижается: теперь она несамостоятельна, а спасение человека зависит от духовной практики. Понятие сознания в Средневековье отсутствует, но его содержание связано с источником веры в Бога, созерцания божественного бытия, спасения человеческой души [14].

Более того, в Средневековье в философский дискурс вводится новая проблематика, не знакомая Античности, но крайне важная для современной трактовки сознания, – проблема свободной воли. Языческое мировоззрение, в том числе и философское, видело мир через последовательность причинно-следственных связей. Природа, люди и даже боги подчинялись неведомой силе – Судьбе, определяющей и направляющей их жизненный путь. Бог Платона и Аристотеля, хотя и намного более близкий христианскому Богу, нежели божественному пантеону язычников, порождал мир по необходимости, а не по воле. Воцарение христианства же перевернуло привычную картину мира, введя в неё феномен *творения*. Божественное творение является проявлением свободной воли Бога, не подчинённой никаким внешним причинам. Бог творит мир из небытия, ограничивая тем самым свою безграничность. И ту же способность (хоть и частично) Он передаёт людям, сотворив их по своему образу и подобию.

Вопрос о свободе воли вносит существенные коррективы в то, что понимается под человеческим сознанием. Сознание порождает осознанность, а осознанность наделяет человеческие поступки персональной ответственностью. Сознание, таким образом, выступает, с одной стороны, источником веры, а с другой – источником свободной воли.

В обновлённом виде проблема сознания возникает уже в философии Нового времени, особенно ярко раскрываясь в тру-

дах Рене Декарта и Джона Локка. Декарт исследовал понятие аподиктической истины, производя в работе «Размышления о первой философии» свою знаменитую феноменологическую редукцию. Начав сомневаться в подлинности всех эмпирических фактов, Декарт приходит к полному отрицанию их аподиктической истинности. Однако сама мысль об этом, по мнению философа, уже подтверждает наличие такой субстанции, как сознание (ибо что будет сомневаться в подлинности мира, если сознание отсутствует?), после чего формулирует свой знаменитый тезис *cogito ergo sum* (мыслю значит существую), где источником мысли выступает сознание (необходимое существование которого и доказывается) [3].

В это же время возникает новое механистическое представление о поведении человека. С активным развитием естественных наук в XVII–XVIII вв. расширяются границы научной картины мира. Явления, изучение которых ещё недавно считалось прерогативой философии или теологии, постепенно находили своё объяснение в новейших теориях физики, химии или биологии. Французский философ-материалист Жюльен Офре де Ламетри в 1747 г. написал работу «Человек-машина», в котором всему многообразию человеческой физиологии придал исключительно механистическое описание. Трактат шокировал современников Ламетри своей революционностью, выраженной в полном разрыве с классическим объяснением человека через связь тела и разумной души. Философ впервые попытался объяснить поведение людей через функции головного мозга и нервной системы, что свидетельствует о зарождении представлений о психике. Сознание же у Ламетри связано с моральным поведением человека и угрызениями совести. Этим явлениям в трактате не дано глубокого объяснения, а потому можно говорить о том, что концепция Ламетри является пока лишь первой попыткой материалистического рассмотрения феномена человека [7].

Джон Локк, чьи работы стали фундаментом англо-саксонского понимания личности и права, в эссе «Опыт о человеческом разумении» построил свою теорию сознания вокруг другого важного понятия – личности. Для Локка личностью обладает то живое существо, которое разумно и рефлексивно, т.е. имеет способность мыслить само себя как отдельный разум. Личность воспринимает себя как некоторое обособленное образование, принимает себя в различные периоды своей жизни как развивающееся самотождественное. Для определения идентичности Я Локк использует специальный термин – *consciousness* (от латинского *con-* (co-) *sientia* (знание)), который станет общепринятым для обозначения сознания в англоязычной литературе. Таким образом, именно самосознание позволяет человеку связывать различный опыт и воспоминания жизни в единую структуру, называемую личностью. Сознание в таком случае можно определить, как некоторый инструмент схватывания набора различных субъективных переживаний и их соединения в общую структуру субъективного рефлексивного опыта [8].

Немецкая школа также оказала существенное влияние на формирование представления о природе сознания. Иоганн Готлиб Фихте в своей работе «Наукоучение» обратил внимание на некоторые несоответствия в классической теории познания, согласно которой знание есть отражение реальности в познающем. Он указал на тот факт, что физическая реальность не может напрямую формировать нефизические знания. Знания не возникают в голове субъекта сами собой при эмпирическом восприятии внешних объектов, а складываются посредством осознанной деятельности данного субъекта, не зависящей напрямую от физического мира [13]. Более того, как впоследствии и Гегель, Фихте попытался рассмотреть сознание как нечто, присущее не только субъектам, но и объективной реальности (в виде некоторого потока создания смыслов). Ведь для решения проблемы несоответствия

физического мира и нефизической информации необходимо предположить, что сознание буквально создаёт эту информацию через свою обособленную деятельность, а значит, в каком-то смысле, сознание формирует саму реальность.

Именно в работах Гегеля и Фихте понятие сознания получает свою наиболее сложную и глубокую интерпретацию. В дальнейшем философы будут в основном углублять уже имеющиеся концепты сознания, исследуя данное явление в отрыве от окружающей реальности, редуцируя его к этой реальности и даже отрицая его наличие.

Подводя итог, можно попытаться охарактеризовать ключевые свойства сознания с точки зрения истории развития философского дискурса.

1. *Рефлексивность.* Практически все философы сходятся во мнении, что принципиальным свойством сознания является рефлексия. Человеческое сознание обращено на само себя, познает себя в процессе интеллектуальной деятельности. Именно в самопознании раскрывается специфическое качество сознания, его важнейшая функция (сознание проявляется и познаётся именно через рефлексивность).

2. *Интеллектуальность.* В представлении философов сознание является важнейшим центром интеллектуальной деятельности. Несмотря на споры вокруг природы познавательной деятельности человека (рационалисты и эмпирики), сознание так или иначе играет в этом познании ключевую роль (активную как источник знания или пассивную как зеркало, отражающее и фиксирующее эмпирическую информацию).

3. *Индивидуальность.* Сознание принципиально является индивидуальным, т. е. отражает субъективный опыт конкретного человека. По этой причине сознание выступает важнейшим центром, через который человек осмысливает свою индивидуальность, конструирует свою личность, осознаёт своё место в социуме и окружающем мире.

4. *Субъективность.* Из предыдущего свойства прямо вытекает субъективность сознания, его принципиальная несводимость к объективной реальности. Это значительно осложняет изучение феномена сознания – его нельзя рассмотреть, как часть физической реальности, изучать его можно лишь как лишённое эмпирического проявления индивидуальное состояние человека (с чем, впрочем, могут поспорить современные нейрофизиологи).

5. *Недетерминированность.* Самым спорным является утверждение о свободе человеческого сознания. Многие философы, особенно христианско-теологического толка, признавали человеческое сознание источником свободных решений, независимых от каузальности окружающего мира. И хотя данное утверждение в наши дни подвергается большим сомнениям, многие философы сегодня сходятся во мнении, что именно сознание является центром принятия сложных человеческих решений, таких как моральный выбор или политические предпочтения (и не столь важно, что данные решения могут быть продиктованы вполне объективными внешними и внутренними факторами).

Сознание в психологии

Психология как отдельная от философии сфера научного знания появляется в конце XIX в. Изначальная проблема, которую пытались решить первые психологи, сводилась к вопросу о природе сознания: является ли сознание чем-то принципиально отличным от тела, или оно есть лишь функция высокоорганизованной материи? Этот вопрос проистекает из философии, но психологи взяли на вооружение новые методы исследования, ставшие доступными в результате экономического, технического и социального прогресса Нового времени.

Эта проблема со временем трансформировалась в дихотомию психического: с одной стороны, из человеческой психики нельзя изъять субъектность, которая связана со свободой, ответственностью, по-

знанием окружающего мира и самого себя. С другой стороны, человеческая психика, развиваясь в процессе эволюции, безусловно является частью биологического мира, а потому содержит в себе чисто рефлекторные, полубессознательные и врожденно-генетические элементы. Субъектно-объектная оппозиция в вопросе сознания никуда не исчезает из психологического дискурса, но встраивается внутрь самой психики (в сознании есть как объективные элементы, связанные с функционированием центральной нервной системы, так и субъектность, имеющая иную природу, нежели физическая реальность, частью которой она, при этом, остаётся) [5].

Первой системной психологической школой можно считать бихевиоризм, возникший на рубеже XIX и XX вв. Основной тезис данной школы – утверждение, согласно которому ментальные состояния субъекта сводятся к феноменам поведения, либо всцело ими описываются. Поведение организма, в свою очередь, является продуктом внешних раздражителей, а потому представляет собой набор рефлексов (реакций на эти раздражители). Бихевиоризм отвергает значимость «ментальных предикатов» («радостно», «смешно», «больно») как не имеющих ценности при изучении психики, и сосредотачивает внимание на изучении внешне регистрируемых процессов поведения [11]. Один из представителей неопозитивизма, Карл Густав Гемпель, утверждал в пользу бихевиоризма, что понятия психологии должны быть сводимы к физическим терминам и утверждениям, иначе они будут неверифицируемы, нефальсифицируемы и в конечном счёте бессмысленны.

Такое пренебрежение субъективной составляющей опыта стало основой строго научного подхода к психологии, но в то же время сильно ограничило область изучения. Концепция бихевиоризма исключает понятие сознания как иллюзорное (или по крайней мере непознаваемое). Но, как уже было замечено ранее, исключать субъективный опыт из психологического исследования – значит изучать лишь одну

из сторон психики человека, тем самым обрекая конечное знание на неполноценность. Такая ограниченность привела к закату бихевиористской школы во второй половине XX в., которая ныне существует лишь в виде исследований особенностей поведения живых организмов.

Другим направлением в психологии, изучавшим природу человеческого сознания, стала отечественная школа деятельностиного подхода, разработанная главным образом Л. С. Выготским, А. Н. Леонтьевым, С. Л. Рубинштейном, Г. П. Щедровицким и др. Сущность теории деятельности можно вкратце сформулировать так: любые психические феномены и социальные отношения человека, включая ментальные состояния, ценности, понятия, складываются в процессе человеческой активности (не физиологической), начиная с самого раннего детства. Любая деятельность направлена на внешний мир, а потому сам субъект нельзя рассматривать как замкнутую в самой себе систему. Именно в процессе внешней и социальной активности в индивидууме формируется интеллектуальная структура отношений с миром, называемая сознанием. Оно выступает, таким образом, как некоторая сфера сосредоточения паттернов поведения субъекта [5].

Принципиально иной подход к определению сознания предложила школа психоанализа, развивавшаяся из трудов Зигмунда Фрейда. Он также исходил из материалистической природы сознания, но отвёл ему кардинально иную функцию, перевернув представление о человеческой психике с ног на голову. Фрейд определяет её как энергию (сообразно с тем, как физики определяют материю как энергию), что позволяет ему связать материю и психику в единую энергетическую структуру. Сознание, таким образом, можно было бы определить как некоторый сгусток энергии, но система Фрейда намного сложнее. Сознательная энергия лишь связывает в осмысленные действия свободную энергию бессознательной части психики («Оно» и «Сверх-Я» в терминологии Фрейда). Тем самым он отводит сознанию

лишь побочную функцию, а действия индивида фактически редуцирует к бессознательному либидо, не подконтрольному человеку [6].

Не вдаваясь в подробности сложной психолого-философской системы фрейдской школы, можно обозначить два важных свойства сознания в психоанализе: во-первых, сознание перестаёт отождествляться с психикой, разделяя психическое человека со скрытыми в ней бессознательными структурами (в предыдущих материалистических концепциях сознание могло редуцироваться к материи, но всё равно заполняло собой всё пространство психики), а во-вторых, оно теряет некоторые свои важные функции, обозначенные в предыдущем разделе (сознание перестаёт быть свободной структурой, но подчиняется бессознательному, а также перестаёт отвечать за субъектность человека).

Хотя в данном разделе были упомянуты лишь самые основные подходы к определению понятия сознания в психологии, уже на основании приведённого выше материала можно попытаться выделить два важнейших свойства сознания, которые открываются нам в перспективе изучения психологии XX в.

1. *Двойственность*. Если философы делили бытие на две части, одной из которых было сознание, то психологи разделили само сознание на две части. Одна из частей связана с физиологическими процессами в организме человека, его поведением, внешним окружением и социальной активностью. Другая связана с субъективным мироощущением человека, сложными ментальными процессами и эмоциями. Вопрос о соотношении и взаимоотношении этих частей и составляет основной предмет споров в психологической науке.

2. *Открытость*. В связи с предыдущим пунктом сознание больше невозможно характеризовать как замкнутую систему. Оно находится в непрерывной связи с внешним миром, ощущениями человека и даже иными уровнями психики. Его становление и формирование происходит не изнутри себя, но в процессе воспитания,

игры, актуализации в обществе, речевых и невербальных актов общения.

Современные когнитивные науки

Во второй половине XX в. возникают новые психологические, философские и нейрофизиологические направления, изучающие сознание. Их принято обозначать понятием «когнитивные науки». Они сосредоточили своё внимание на аспекте приобретения, обработки, хранения и использования знаний живыми организмами и информационными системами. Особый акцент делался на изучение познавательных функций человека: мышления, памяти, восприятия, представления и т. д. В связи с этим их особенностью является использование междисциплинарных результатов, полученных в рамках философии, нейронауки, психологии, информатики, лингвистики [15].

За исключением ставших уже описанными редуccionистского и дуалистического подходов среди англо-саксонских философов возникает новая промежуточная позиция, которую можно назвать антиредуccionизмом.

Суть её можно описать так: мир всецело материален, а сознание есть биологический феномен (развивавшийся в процессе эволюции), но при этом сознание невозможно всецело свести к физическим событиям в мозге. Субъективные впечатления, такие как «квалиа» (термин, которым аналитические философы обозначают конкретный чувственный опыт, невыразимый и непередаваемый иному субъекту), слишком сложны, чтобы их можно было адекватно описать на языке физики или биологии [5]. В отличие от редуccionистов, представители данного направления философии сознания видят в этом несоответствии не иллюзорность сознания, а скорее сложность постановки самого вопроса вокруг взаимодействия материи и субъективных переживаний. Например, Дэвид Чалмерс, сформулировавший простую и сложную проблемы сознания, предполагает, что эта несводимость может являться следствием

как неизвестной ранее природы самой материи, так и неизвестной ранее (но связанной с материей) природой сознания (как гравитация, которая, будучи физическим явлением, не редуцируется к материи) [16].

Интересную концепцию сознания предложил убеждённый материалист Дэниел Деннет. Опираясь на теорию когнитивных модулей психолингвиста и философа Джерри Фодора, Деннет рассматривает сознание как совокупность конкурирующих между собой мысленных процессов, которые он называет «множественными набросками». Эти наброски борются между собой, доминирующая мысль становится центром человеческого «Я» (т. е. самим сознанием) [4]. Похожую идею, но уже со стороны изучения функций мозга предложил нейрофизиолог Джералд Эдельман. Внутрь своей концепции об нейронном дарвинизме (выживаемости наиболее приспособленных клеток головного мозга в процессе жизнедеятельности) он помещает концепт конкуренции между отдельными группами нейронных связей [18].

Важнейшим поворотом в исследовании человеческой психики стало открытие технологии трёхмерного картирования мозга, что позволило значительно расширить представление о нервных связях, функциях и принципах работы центральной нервной системы. Появилась возможность лучше понять мозг в перспективе эволюционного и онтогенетического развития, рассмотреть его физическую работу в связи с психической активностью.

В результате современная когнитивистика стала рассматривать психическую систему человека в её связи с внешним окружением организма (включая как социум, так и условия окружающей среды), физиологическими процессами (включая гормональные, генетические, биологические факторы) и физической деятельностью центральной нервной системы. Таким образом, получают развитие идеи о взаимодействии внешней и внутренней среды организма, формирующем в итоге сознательную активность. Мышление человека в таком случае нельзя свести к

простой вычислительной деятельности (в отличие от искусственного интеллекта), но в неё также необходимо включать: эмоции (как необходимое условие адекватного взаимодействия с окружающей средой, влияющее на конечный результат мыслительной деятельности); интуицию (как дополнительный фактор принятия поведенческих решений); языковой контекст (оказывающий существенное влияние на сознание и самосознание человека) [15].

На основании этого в понятие сознания человека начинают включать несколько новых характеристик [19].

1. **Интенциональность.** Деятельность когнитивных систем всегда подразумевает определённый результат, потому можно говорить о необходимом целеполагании сознания.

2. **Интерсубъективность.** Внутри одного биологического вида всегда существует воспроизводимый когнитивный опыт, что ограничивает замкнутость сознания на самом себе.

3. **Экологичность.** Когнитивная система всегда встроена в конкретный природный и социальный фон, который её окружает.

Когнитивный философ Энди Кларк выделяет ещё одно важное свойство сознания – его предсказательную способность. Мозг никогда не имеет доступа к объекту восприятия напрямую, он всегда воспринимает внешнюю информацию опосредованно (через органы чувств), а сами объекты восприятия обычно не даны в своей физической и смысловой полноте. Мозг достраивает недостающие части изображения, тем самым ликвидируя неполноту информации об объекте. Эта способность основана на сложных операциях с динамической репрезентацией каузальных систем окружающей реальности. При неверном акте дополнения реальности мозг автоматически снижает разногласия с внешними ощущениями [17].

Таким образом, можно утверждать, что современные когнитивные науки приходят к ещё более сложной концепции сознания (как можно заметить из текста выше, сам термин «сознание» постепенно выходит

из научного обращения). Изучение данного феномена предполагает новые открытия как в сфере нейрофизиологии, так и в лингвистике, социологии, информатике, философии ИИ, эволюционной биологии и т. д. Можно дополнить уже имеющийся перечень свойств сознания следующими характеристиками:

1. *Экологичность*. Сознание всегда встроено в окружающую природную и социальную системы. В связи с этим, данные системы начинают оказывать существенное влияние на формирование сознания, а значит, и для поддержания нормального функционирования сознанию требуется включаться в естественную для него среду обитания.

2. *Автономность*. Сознание автономно в том смысле, что для адекватного отображения реальности ему не требуется получать полную информацию об окружающих объектах. Система человеческой психики способна достраивать реальность на основе сложной системы вычислений, памяти и воображения.

Заключение

Подводя итоги, можно констатировать, что понятие сознания является столь сложным и многогранным, что определить его в рамках конкретной науки или философской дисциплины не представляется возможным. Такой загадочный феномен требует детального рассмотрения со всех

сторон, проработки каждого существенного аспекта и характеристики, и работу над этим только предстоит произвести. При этом для выстраивания междисциплинарного взаимодействия по данному вопросу (а также взаимодействия между различными школами мысли внутри одной дисциплины) необходимо уже использовать общее определение, которое должно отражать имеющееся многообразие взглядов и подходов к осмыслению данного понятия. Такое определение должно, во-первых, соответствовать требованию конвенциональности, а во-вторых, быть удобным для практического употребления в рамках исследовательской деятельности.

В данной работе были представлены наиболее общие и фундаментальные свойства сознания, которые выделяли философы и учёные разных времён и направлений. Их можно использовать для разработки подходящей под упомянутые выше критерии дефиниции. Приблизительно такое определение может выглядеть следующим образом: **сознанием** называется сложная многоуровневая когнитивная структура организма, формируемая психикой с учётом особенностей окружающей реальности для её адекватного и полного постижения и принятия комплекса мер по преобразованию данной реальности, а также формирования личного субъективного опыта в рамках данного взаимодействия.

Статья поступила в редакцию 20.12.2023.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аристотель. О душе / пер. П. С. Попова. М.: Рипол-Классик, 2021. 260 с.
2. Аристотель. Сочинения: в 4 т. Т. 2 / общ. ред. З. Микеладзе. М.: RUGRAM, 2022. 688 с.
3. Декарт Р. Рассуждение о методе / пер. С. Я. Шейнман-Топштейна, Г. Г. Слюсарева. М.: АСТ, 2019. 320 с.
4. Деннет Д. К. Виды психики: на пути к пониманию сознания. Интуиция и другие инструменты мышления / пер. П. И. Быстров. М.: Канон+, 2023. 336 с.
5. Косилова Е. В. Философия и психология о сознании // Методология и история психологии. 2009. Т. 4. № 1. С. 25–46.
6. Косилова Е. В. Энергетическая онтология психоанализа // Аспекты: сборник статей по философским проблемам истории и современности. Вып. IV. М.: Современные тетради, 2006. С. 44–57.
7. Ламетри Ж. О. Сочинения / пер. В. Левицкого, Э. А. Гроссмана. М.: Мысль, 1983. 511 с.
8. Локк Дж. Опыт о человеческом разумении / пер. А. Н. Савиной. М.: Азбука, 2022. 864 с.
9. Платон. Государство / пер. А. Н. Егунова. М.: АСТ, 2022. 448 с.
10. Платон. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 1 / общ. ред. А. Ф. Лосева. М.: Мысль, 1990. 860 с.
11. Прист С. Теории сознания / пер. А. Ф. Грязнова. М.: Идея-Пресс, 2000. 287 с.

12. Реале Дж., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней: в 4 т. Т. 1: Античность / пер. С. Мальцевой. СПб.: Петрополис, 1994. 336 с.
13. Фихте И. Г. Второй курс лекций по наукоучению / пер. А. А. Иваненко. СПб.: Владимир Даль, 2021. 416 с.
14. Франц С. В., Дубровская Е. А. Генезис понятия «Сознание» в истории философии: от античности до нового времени // Дискуссия. 2012. № 11. С. 43–50.
15. Черникова И. В. Когнитивные науки и когнитивные технологии в зеркале философской рефлексии // Epistemology & Philosophy of Science. 2011. Т. 27. № 1. С. 101–116.
16. Chalmers D. J. The Conscious Mind: In Search of a Fundamental Theory. Oxford: Oxford Paperbacks, 1996. 432 p.
17. Clark A. Whatever Next? Predictive Brains, Situated Agents, and the Future of Cognitive Science // Behavioral and Brain Sciences. 2013. Vol. 36. № 3. P. 181–204.
18. Edelman G. M. The Remembered Present: A Biological Theory of Consciousness. New York: Basic Books, 1989. 368 p.
19. Ibáñez A., Cosmelli D. Moving beyond Computational Cognitivism: Understanding Intentionality, Intersubjectivity and Ecology of Mind // Integrative Psychological and Behavioral Science. 2008. Vol. 42. № 2. С. 129–136.

REFERENCES

1. Aristotle. De anima (Rus. ed.: Popov P. S., transl. *O dushe*. Moscow, Ripol-Klassik Publ., 2021. 260 p.).
2. Aristotle. Essays (Rus. ed.: Mikeladze Z., ed. *Sochineniya*. Vol. 2. Moscow, RUGRAM Publ., 2022. 688 p.).
3. Descartes R. Discours de la méthode pour bien conduire sa raison, et chercher la vérité dans les sciences (Rus. ed.: Sheinman-Topshtein S. Ya., Slyusarev G. G. *Rassuzhdenie o metode*. Moscow, AST Publ., 2019. 320 p.).
4. Dennett D. An Understanding of Consciousness (Rus. ed. Bystrov P. I., transl. *K. Vidy psihiki: na puti k ponimaniyu soznaniya. Intuiciya i drugie instrumenty myshleniya*. Moscow, Kanon+ Publ., 2023. 336 p.).
5. Kosilova E. V. [Philosophy and Psychology about Consciousness]. In: *Metodologiya i istoriya psihologii* [Philosophy and Psychology about Consciousness], 2009, vol. 4, no. 1, pp. 25–46.
6. Kosilova E. V. [Energy Ontology of Psychoanalysis]. In: *Aspekty: sbornik statej po filosofskim problemam istorii i sovremennosti*. Vyp. IV [Aspects: A Collection of Articles on Philosophical Problems of History and Modernity. Iss. IV]. Moscow, Sovremennye tetradi Publ., 2006, pp. 44–57.
7. La Mettrie J. Essays (Rus. ed.: Levicky V., Grossman E. A. O. *Sochineniya (2-e izdanie)*. Moscow, Mysl Publ., 1983. 511 p.).
8. Locke J. An Essay concerning Human Understanding (Rus. ed.: Savina N. A., transl. *Opyt o chelovecheskom razumenii*. Moscow, Azbuka Publ., 2022. 864 p.).
9. Plato. Res publica (Rus. ed.: Egunov A. N., transl. *Gosudarstvo*. Moscow, AST Publ., 2022. 448 p.).
10. Plato. Essays (Rus. ed.: Losev A. F., ed. *Sobranie sochinenij*. Vol. 1. Moscow, Mysl Publ., 1990. 860 p.).
11. Priest S. Theories of the Mind (Rus. ed.: Gryaznov A. F., transl. *Teorii soznaniya*. Moscow, Ideya-Press Publ., 2000. 287 p.).
12. Antiseri D., Reale G. Il pensiero occidentale dalle origini ad oggi (Rus. ed.: Mal'ceva S., transl. *Zapadnaya filosofiya ot istokov do nashih dnei*. T. 1: *Antichnost'*. St. Petersburg, Petropolis Publ., 1994. 336 p.).
13. Fichte J. Die Wissenschaftslehre Zweiter Vortrag Im Jahre 1804 (Rus. ed.: Ivanenko A. A., transl. *Vtoroj kurs lekcij po naukoucheniju*. St. Petersburg, Vladimir Dal' Publ., 2021. 416 p.).
14. Franc S. V., Dubrovskaya E. A. [Genesis of the Concept of "Consciousness" in the History of Philosophy: From Antiquity to Modern Times]. In: *Diskussiya* [Discussion], 2012, no. 11, pp. 43–50.
15. Chernikova I. V. [Cognitive Sciences and Cognitive Technologies in the Mirror of Philosophical Reflection]. In: *Epistemology & Philosophy of Science*, 2011, vol. 27, no. 1, pp. 101–116.
16. Chalmers D. J. The Conscious Mind: In Search of a Fundamental Theory. Oxford, Oxford Paperbacks, 1996. 432 p.
17. Clark A. Whatever Next? Predictive Brains, Situated Agents, and the Future of Cognitive Science. In: *Behavioral and Brain Sciences*, 2013, vol. 36, no. 3, pp. 181–204.
18. Edelman G. M. The Remembered Present: A Biological Theory of Consciousness. New York, Basic Books, 1989. 368 p.
19. Ibáñez A., Cosmelli D. Moving beyond Computational Cognitivism: Understanding Intentionality, Intersubjectivity and Ecology of Mind. In: *Integrative Psychological and Behavioral Science*, 2008, vol. 42, no. 2, pp. 129–136.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Филипченко Антон Дмитриевич – аспирант кафедры методики преподавания химии, биологии, экологии и географии Государственного университета просвещения;
e-mail: antonfil97@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Anton D. Filipchenko – Postgraduate Student, Department of Chemistry, Biology, Ecology and Geography teaching, Federal State University of Education;
e-mail: antonfil97@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Филипченко А. Д. Анализ существующих подходов к определению понятия «сознание» в философии, психологии и когнитивистике // Современные философские исследования. 2024. № 2. С. 6–16.
DOI: 10.18384/2949-5148-2024-2-6-16

FOR CITATION

Filipchenko A. D. Analysis of Existing Approaches to Definition of the Concept of “Consciousness” in Philosophy, Psychology and Cognitive Science. In: *Contemporary Philosophical Research*, 2024, no. 2, pp. 6–16.
DOI: 10.18384/2949-5148-2024-2-6-16

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

УДК 1(09)

DOI: 10.18384/2949-5148-2024-2-17-22

«СТРАННЫЕ» ОСОБЕННОСТИ КРАСОТЫ РУССКОЙ ЖЕНЩИНЫ (ПО РАССКАЗУ И. А. БУНИНА «ЧИСТЫЙ ПОНЕДЕЛЬНИК»)

Бокарева Т. В.¹, Калитин П. В.²

*Домодедовский лицей № 3 им. Героя Советского Союза Ю. П. Максимова
142000, Московская обл., г. Домодедово, ул. Коломийца, д. 4, Российская Федерация
Московский государственный технический университет имени Н. Э. Баумана
105005, г. Москва, ул. 2-я Бауманская, д. 5, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Выявить антропологические и метафизические особенности бунинского понимания женской красоты по рассказу «Чистый понедельник».

Процедура и методы. Герменевтически, логико-семантически, культурологически и текстологически проанализировать рассказ «Чистый понедельник» в контексте всего литературного творчества И. А. Бунина, а также соответствующие философские и литературоведческие работы ряда авторов: от И. А. Ильина до Максима Д. Шраера.

Результаты. Сделан вывод об антиномично-истинной природе оригинального бунинского взгляда на русскую женскую красоту. «Странная» и несомненная новизна бунинского описания женского тела и женской красоты органически приобрела неожиданную, непредсказуемую формулу Халкидонского православного догмата с его «не слитным, не превращённым, неразделимым, не разлучимым» принципом, имеющим особое значение для русского творческого сознания.

Теоретическая и/или практическая значимость. Гносеологически и эстетически конкретизирован бунинский взгляд на русскую женскую красоту.

Ключевые слова: антиномия, красота, модерн, парадокс, символизм

“STRANGE” FEATURES OF BEAUTY OF A RUSSIAN WOMAN (BASED ON THE STORY “PURE MONDAY” BY I. A. BUNIN)

T. Bokareva, P. Kalitin

*Domodedovo Lyceum No. 3 named after Hero of the Soviet Union Yu. P. Maksimov
ul. Kolomytza 4, Domodedovo 142000, Moscow Region, Russian Federation
Bauman Moscow State Technical University
ul. 2-ya Baumanskaya 5, Moscow 105005, Russian Federation*

Abstract

Aim. To identify the anthropological and metaphysical features of Bunin's understanding of female beauty based on the story “Pure Monday”.

Methodology. The study relies on hermeneutical, logical-semantic, cultural and textual analysis of the story “Pure Monday” in the context of the entire literary work of I. A. Bunin, as well as the corresponding philosophical and literary works of several authors from I. A. Ilyin to Maxim D. Schraer..

Results. A conclusion was made about the antinomically true nature of Bunin's original view of Russian female beauty. The "strange" and undoubted novelty of Bunin's description of the female body and female beauty organically acquired the unexpected, unpredictable formula of the Chalcedonian Orthodox dogma with its "not merged, not transformed, indivisible, inseparable" principle, which has special significance for the Russian creative consciousness.

Research implications. Bunin's view of Russian female beauty is epistemologically and aesthetically concretized.

Keywords: antinomy, beauty, modernity, paradox, symbolism

Введение

С первой же страницы рассказа И. А. Бунин подчёркивает странность своей героини, а также её отношений с героем. Прежде всего, это качество проявляется в отношении героини к самой себе. Так, например, она «зачем-то училась на курсах, довольно редко посещала их, но посещала», и когда герой спросил её, зачем, она ответила: «А зачем всё делается на свете? Разве мы понимаем что-нибудь в наших поступках...»¹. Та же противоречивость проявлялась и в её отношении к вещам. «Ей ничто [было] не нужно: ни цветы, ни книги, ни обеды, ни театры, ни ужины за городом, хотя всё-таки цветы были у неё любимые и нелюбимые, все книги, какие я ей привозил, она всегда прочитывала, шоколаду съедала за день целую коробку... Явной (однозначной! – Т. Б., П. К.) слабостью её была только хорошая одежда, бархат, шелка, дорогой мех...»².

«Странность» и «противоречивость»

Та же странность, или, точнее, противоречивость, сказывалась и во взаимоотношениях героини с героем. «Она раз навсегда отвела разговоры о нашем будущем, ... совсем близки мы все ещё не были; и всё это без конца держало меня в неразрешающемся напряжении, в мучительном ожидании – и вместе с тем был я несказанно счастлив каждым часом, проведённым возле неё»³. Более того, она прямо говорила, что в жёны не годится, но «во всяком

случае вы (герой. – Т. Б. П. К.) у меня первый и последний. Вам этого мало? Но довольно об этом»⁴.

Однажды она «ровно отозвалась из темноты: "– ...Кто же знает, что такое любовь?"»⁵. И когда герой восклицательно ответил ей, что любовь – это счастье, героиня вспомнила мудрость Платона Каратаева («Война и мир»), касающуюся счастья, как воды в бредне: «Тянешь – надулось, а вытащишь – ничего нету»⁶.

Примечательно, что герой оценивает толстовскую цитату как восточную мудрость⁷. Ещё более примечательно, что до этого он оценивает её красоту «какой-то индийской, персидской» – с «великолепными и несколько зловещими в своей густой черноте волосами»⁸.

В другой раз герой вдруг определяет свою пассивность в виде «восточной красавицы с лубочной картинки»⁹. На поверку – органичное, естественное увязывание странной противоречивости героини с восточной культурой, где царит «Бездна-Праматерь, которая «родит и поглощает и, поглощая, снова родит всё сущее в мире, а иначе сказать – тот Путь всего сущего, ко- ему не должно противиться ничто сущее»¹⁰, и где живут «женские души, которые вечно томятся какой-то печальной жадной любви и которые от этого от самого никогда

¹ Бунин И. А. Чистый понедельник // Бунин И. А. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 5. М.: Художественная литература, 1988. С. 460.

² Там же. С. 461.

³ Там же. С. 460.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 463–464.

⁶ Там же. С. 463.

⁷ Там же. С. 464.

⁸ Там же. С. 461.

⁹ Там же. С. 468.

¹⁰ Бунин И. А. Сны Чанга // Бунин И. А. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 4. М.: Художественная литература, 1988. С. 113.

и никого не любят»¹. В результате «Дом (этих душ. – Т. Б., П. К.) ведёт к смерти и стези (их. – Т. Б., П. К.) к мертвецам»², как писал И. А. Бунин в более раннем рассказе «Сны Чанга».

Но автор не ограничивает характеристику своей героини чисто восточной мудростью. Он соотносит её странность и со «странным городом»³ Москвой, с его Охотным рядом, Василием Блаженным и чем-то киргизским в острях башен на кремлёвских стенах – вновь не без лубочной коннотации. Героиня обобщает эту взаимосвязь до «красоты и ужаса»: «допетровской Руси»⁴.

И. А. Бунин последовательно экстраполирует свой взгляд на странную противоречивость героини «Чистого понедельника» и на конкретную характеристику её религиозности. Женщина при всём роскошном, если не языческом образе своей повседневной жизни постоянно посещает кремлёвские соборы и монастыри и даже в трактире Егорова восхищается иконой Богородицы Троеручицы: «Три руки! Ведь это Индия! Вы (обращение к герою. – Т. Б. П. К.) – барин, Вы не можете понимать так, как я, всю эту Москву»⁵. Более того, со странной религиозностью героини Бунин соотносит ключевой момент в понимании её внутреннего мира. Речь идёт о Житии Петра и Февронии, которое и предопределило её конечную, монашескую судьбу и вывело её красоту из странно-противоречивой своеобразности. Она прямо вспоминает при герое ариографический эпизод, когда «вселил к жене его (Павла. – Т. Б. П. К.) дьявол летучего змея на блуд. И сей змей являлся ей в естестве человеческом зело прекрасном»⁶. Нельзя не отметить, что в тексте Жития змей является не про-

сто в естестве человеческом, а в образе любимого мужа, что в какой-то мере оправдывает её измену⁷. Но героиня бунинского рассказа, как видим, не допускает никаких лукавых оправданий.

Понятно, что тогда она уже приняла решение уйти в монастырь, чтобы, в конце концов, однозначно и «безжизненно» освободится от своей странной красоты⁸.

Но глубоко символично, что при самой последней встрече со своей пассивной-инокиней герой сталкивается «со взглядом (её. – Т. Б., П. К.) тёмных глаз в темноту, будто как раз на меня»⁹.

Французский культуролог Ж. Вигарелло характеризовал такой взгляд красивой женщины как сугубо романтический, раскрывающий непостижимость человеческой души [1, с. 163]. Мы же от себя добавим, что этот взгляд, разумеется, не лишён и собственно православной, аскетической составляющей.

Таким образом, достаточно подробная характеристика странной красоты героини «Чистого понедельника» привела нас к выводу о её не просто противоречивой, а жизнеутверждающей содержательности, которая органично связана со старомосковской и в целом восточной ментальностью.

Иначе говоря, Бунин последовательно раскрыл исключительно противоречивую особенность красоты русской женщины в её одновременно отрицательном и положительном принятии человеческой любви и человеческого счастья, что знаменательно и по прямому контрасту оттеняется исключительно-положительной и, можно сказать, нормальной любовью героя рассказа. То же при всей его «неприличной» красоте¹⁰. Нельзя не отметить и очень специфическую, уникальнейшую юродственную определённую и неопределён-

¹ Бунин И. А. Сны Чанга // Бунин И. А. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 4. М.: Художественная литература, 1988. С. 117.

² Там же. С. 118.

³ Бунин И. А. Чистый понедельник // Бунин И. А. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 5. М.: Художественная литература, 1988. С. 462.

⁴ Там же. С. 465.

⁵ Там же. С. 465, 466.

⁶ Там же. С. 467.

⁷ Худошин А. Святые Пётр и Феврония. М.: Терирем, 2013. С. 9–12.

⁸ Бунин И. А. Чистый понедельник // Бунин И. А. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 5. М.: Художественная литература, 1988. С. 469.

⁹ Там же. С. 471.

¹⁰ Там же. С. 461.

ность зараз – женской красоты главной героини.

Без преувеличения мы можем говорить, по сути, о русской природе её прекрасной внешности и души с по-своему аскетическим и жизнелюбивым одновременно началом [5, с. 7–9; 7; 8; 9 и др.].

Попутно напомним, что имя одного из самых известных русских юродов во Христе Василия Блаженного было отмечено в рассказе далеко не случайно и не лубочно.

Вот почему весьма резкая в своей критической однозначности оценка И. С. Шмелёва «Тёмных аллея» и, как следствие, «Чистого понедельника» как «похабной», «гнуснейшей», «порнографической» «**тмы**» [2, с. 434, 478, 514; 3; 6, с. 46, 47] – безусловно, некорректна и выражает не более чем мимолётное эмоциональное настроение автора «Лета Господнего». Мы бы объяснили эту заведомо негативную реакцию действительной и потому непривычной – до читательского эпатажа – новизной бунинского взгляда на женскую красоту. Именно поэтому в своём «Дневнике», как раз в годы создания «Тёмных аллея», он подчеркнул следующее: «То дивное, несказанно-прекрасное нечто совершенно особенное во всем земном, что есть тело женщины *никогда* не написано *никем*. Да и не только тело, надо, надо попытаться. Пытался – выходит гадость, пошлость. Надо найти какие-то другие слова»¹.

Телесность и красота

Как видим, даже сам И. А. Бунин мог признаваться в низменном результате своего взгляда на женское тело и женскую красоту, если хотите, в духе И. С. Шмелёва.

Но мы не можем не признать, что, по крайней мере, в рассказе «Чистый понедельник» его автору удалось найти «странную» – антиномично-истинную – середину в заявленной тематике, естественно далёкую от всякой пахабщины.

С неадекватной однозначностью также подходил к оценке «Тёмных аллея»

современный американский русист Максим Д. Шраер, выделяя исключительно смертоносный характер бунинского описания секса, когда «желание влечёт за собой разрушение, увечья, трагедию смерти» [10, с. 257, 266].

Получается, с чем, кстати, соглашался и А. Н. Толстой (в статье «Ранний Горький»), говоря о Бунине «крутившемся, как овца на приколе, от ужаса смерти»², очевидное сходство с танатологической характеристикой женщины из упоминавшегося выше рассказа «Сны Чанга». Но как и в этом рассказе, так и в анализе Максима Д. Шраера, дело всё равно не ограничивается непротиворечивыми категорическими констатациями. И здесь мало сказать только об антиномической напряжённости между «целомудренным языком русской литературы» и «скрытым модернизмом» И. А. Бунина в описании секса и женского тела, потому что это касается одних общих и формализованных направлений в развитии литературы [10, с. 240, 257].

Мы же отмечаем новаторский антиномично-истинный взгляд Бунина и на сам секс, и на само женское тело вне их исключительно-смертоносной определённости. Не без примечательной переклички со взглядом на секс Ж. Батая, видевшего в нём «сладкое, животное, *священное*» [4, с. 136].

Но наиболее ярко и классически осмыслил бунинское литературное своеобразие И. А. Ильин, между прочим, непосредственный адресат И. С. Шмелёва, который именно с ним делился своим категорическим непринятием автора «Тёмных аллея». Надо сказать, что русский философ в чём-то соглашался с творцом «Лета Господнего», не исключая возникновения «грязного блуда» из «прозрения в бездну» [2, с. 482]. Но обращает на себя принципиальное внимание ильинское выражение «прозрение в бездну».

Дело в том, что И. А. Ильин посвятил творчеству Бунина специальную исследовательскую работу, опубликованную уже

¹ Бунин И. А. Дневники // Бунин И. А. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 5. М.: Художественная литература, 1988. С. 484.

² Толстой А. Н. Ранний Горький // Толстой А. Н. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 10. М.: Худ. литература, 1986. С. 134.

посмертно в 1959 г. В ней И. А. Ильин как раз подчеркнута рассматривает «главную сферу [бунинского] художественного видения»: метафизическую «глубину (или бездну! – Т. Б., П. К.) родового, полового инстинкта», видения чувственных тайн» [4, с. 233–234]. И хотя далее И. А. Ильин настаивает: «Бунин-художник вступает в чувственный мир – и природный, и человеческий, – опьяняясь; опьянённый уходит в него до дна, на самое дно страстное и страшное», тем не менее, тут же он признаёт именно юродственную сущность Бунинского «упоеания жизнью», включающего в себя не только веселие и то же опьянение, но и «самосожигание»¹, понятно, и в виде «странной» красоты героини «Чистого понедельника». Более того, И. А. Ильин прямо утверждает: «Лишь краем своего зрения касается И. А. Бунин [святейших и властных, духовных и божественных] сфер, и не приемлет их целиком». Так русский философ, пусть косвенно, но принципиально соглашается как раз с антиномично-истинной сущностью художественного видения автора «Тёмных аллей». Да, «Тёмные аллеи исчезают в тёмном провале небытия», но исчезают с «любовью», с «жаждой наслаждения...и страхом смерти» [4, с. 269, 266, 268].

В результате бунинская «тёмная бездна человеческой души» как раз в антиномично-истинной, или неслиянной, слиянности сопрягается со светлым, положительным началом и во всём творчестве, и в «Тёмных аллеях», и в рассказе «Чистый понедельник» русского литературного нобелиата [4, с. 265].

Заключение

Так, «странная» и несомненная новизна бунинского описания женского тела и женской красоты органически приобрела пусть неожиданную, да, неожиданную, да, непредсказуемую, но именно антиномично-истинную формулу Халкидонского православного догмата с его «не слитным, не превращённым, не разделимым, не разлучимым» принципом, имеющим особое значение для русского творческого сознания, по утверждению А. В. Карташева [6, с. 108, 100, 118, 83, 98 и др.]. Имеющего особое значение для автора и «Чистого понедельника», и в целом «Тёмных аллей» при всей их тьме, но не столько однозначно негативной, как утверждал И. С. Шмелёв, сколько креационистски, или просто творчески плодотворной – как раз из греховного человеческого ничто!

Статья поступила в редакцию 14.04.2024.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вигарелло Ж. Искусство привлекательности. История телесной красоты от Ренессанса до наших дней / пер. А. Лешневской. М.: Новое литературное обозрение, 2023. 400 с.
2. Ильин И. А. Собрание сочинений. Переписка двух Иванов (1935–1946). М.: Русская книга, 2000. 576 с.
3. Ильин И. А. Собрание сочинений. Переписка двух Иванов (1947–1959). М.: Русская книга, 2000. 528 с.
4. Ильин И. А. Собрание сочинений. Т. 6. Кн. 1. М.: Русская книга, 1996. 560 с.
5. Калитин П. В. Тысячелетнее царство русского юродства. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2018. 216 с.
6. Карташев А. В. Церковь. История России. Статьи и выступления. М.: Пробел, 1996. 304 с.
7. Костадинович Д., Бондарева Я. В. General Scientific Algorithm of Cognition and Forms of Scientific Research // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2022. № 2. С. 15–21.
8. Костадинович Д., Бондарева Я. В. To the Question of the Technique of Scientific Research // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2022. № 1. С. 85–89.
9. Микосиба М., Бондарева Я. В. Russian Religious Philosophy: Faith vs Intellect // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2021. № 4. С. 117–124.
10. Шраер М. Д. Бунин и Набоков. М.: Альпина нон-фикшн, 2023. 464 с.

¹ Толстой А. Н. Ранний Горький // Толстой А. Н. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 10. М.: Худ. литература, 1986. С. 235–236.

REFERENCES

1. Vigarello G. Histoire de la beauté: Le corps et l'art d'embellir de la Renaissance à nos jours (Rus. ed.: Leshnevsky A., transl. *Iskusstvo privlekatel'nosti. Istoriya telesnoj krasoty ot Renessansa do nashih dnei*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2023. 400 p.).
2. Ilin I. A. *Sobranie sochinenij. Perepiska dvuh Ivanov (1935–1946)* [Collected Works. Correspondence between two Ivans (1935–1946)]. Moscow, Russkaya kniga Publ., 2000. 576 p.
3. Ilin I. A. *Sobranie sochinenij. Perepiska dvuh Ivanov (1947–1959)* [Collected Works. Correspondence between two Ivans (1947–1959)]. Moscow, Russkaya kniga Publ., 2000. 528 p.
4. Ilin I. A. *Sobranie sochinenij. T. 6. Kn. 1* [Collected Works. T. 6. Bk. 1]. Moscow, Russkaya kniga Publ., 1996. 560 p.
5. Kalitin P. V. *Tysyacheletnee carstvo russkogo yurodstva* [The Thousand-Year Kingdom of Russian Foolishness]. Moscow, Institute of General Humanitarian Research Publ., 2018. 216 p.
6. Kartashyov A. V. *Cerkov'. Istoriya Rossii. Stat'i i vystupleniya* [Church. Russian History. Articles and Speeches]. Moscow, Probel Publ., 1996. 304 p.
7. Kostadinovich D., Bondareva Ya. V. General Scientific Algorithm of Cognition and Forms of Scientific Research. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy], 2022, no. 2, pp. 15–21.
8. Kostadinovich D., Bondareva Ya. V. To the Question of the Technique of Scientific Research. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy], 2022, no. 1, pp. 85–89.
9. Mikosiba M., Bondareva Ya. V. Russian Religious Philosophy: Faith vs Intellect In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy], 2021, no. 4, pp. 117–124.
10. Shraer M. D. *Bunin i Nabokov* [Bunin and Nabokov]. Moscow, Al'pina non-fikshn Publ., 2023. 464 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Бокарева Татьяна Владимировна – учитель русского языка и литературы Домодедовского лицея № 3 имени Героя Советского Союза Ю. П. Максимова;
e-mail: Bokareva_tanya@list.ru

Калитин Пётр Вячеславович – доктор философских наук, профессор кафедры философии Московского государственного технического университета имени Н. Э. Баумана;
e-mail: petr.kalitin@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Tatyana V. Bokareva – Teacher, Russian Language and Literature, Domodedovo Lyceum No. 3 named after Hero of the Soviet Union Yu. P. Maksimov;
e-mail: Bokareva_tanya@list.ru

Pyotr V. Kalitin – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Department of Philosophy, Bauman Moscow State Technical University;
e-mail: petr.kalitin@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Бокарева Т. В., Калитин П. В. «Странные» особенности красоты русской женщины (по рассказу И. А. Бунина «чистый понедельник») // Современные философские исследования. 2024. № 2. С. 17–22.

DOI: 10.18384/2949-5148-2024-2-17-22

FOR CITATION

Bokareva T. V., Kalitin P. V. "Strange" Features of Beauty of a Russian Woman (Based on the Story "Pure Monday" by I. A. Bunin). In: *Contemporary Philosophical Research*, 2024, no. 2, pp. 17–22.

DOI: 10.18384/2949-5148-2024-2-17-22

УДК 165.8

DOI: 10.18384/2949-5148-2024-2-23-34

СИМВОЛИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИКА БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО ИЗМЕРЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ТЕЛА: ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

Мирошкин М. С.*Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации**125167, г. Москва, Ленинградский пр-т, д. 49, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Проанализировать, основываясь на историко-философском анализе, проблему бессознательного отношения человека к собственному телу в символической форме его восприятия как капитала, через отождествление с которым происходит упраздняющий его полноценное существование процесс самоотрицания в идеально сконструированном образе определения им себя как инобытия Другого.

Процедуры и методы. Полученные в ходе данного исследования результаты базируются как на диалектическом, так и герменевтическом методах с использованием сравнительного анализа, что позволило целостно и системно осмыслить сложившиеся в истории философии основополагающие концепции, отражающие восприятие человеком собственного тела в символически амбивалентной форме в качестве фундаментального инструмента капиталистического производства, используемого для различных нужд и связанных с ними иррациональных желаний.

Результаты. По результатам проведенного исследования был сделан вывод о том, что идеализированный образ человеческого тела в форме капитала бессознательно усваивается в качестве основополагающего источника образования, экономически структурированного антагонистическими взаимоотношениями символического самоопределения человека в качестве обезличенной фигуры Другого, через отождествление с которой он отчуждается от самого себя и от своего подлинно полноценного процесса индивидуации.

Теоретическая и/или практическая значимость. Принципиальная ценность проведенного исследования состоит в том, что глубокомысленный анализ бессознательного измерения человеческого тела отражает сложившиеся в неоднозначной символической форме кризисные процессы в экономике, в частности на уровне индивидуального самоопределения человека как личности, в качестве сформированного субъекта коммодификации и связанных с ним последствий имплицитного образования и эксплицитного распространения антагонистических взаимоотношений.

Ключевые слова: археология, архив, бессознательное, биовласть, диспозитив, Другой, инобытие, коммодификация, негативность, отчуждение, симулякр, тело, человек

SYMBOLIC ECONOMY OF THE UNCONSCIOUS DIMENSION OF THE HUMAN BODY: HISTORICAL AND PHILOSOPHICAL ANALYSIS

M. Miroshkin*Financial University under the Government of the Russian Federation**prosp. Leningradsky 49, Moscow 125167, Russian Federation*

Abstract

Aim. Based on historical and philosophical analysis, to analyze the problem of a person's unconscious attitude to his own body in the symbolic form of his perception as capital, through identification with which the process of self-denial, which abolishes his full existence, occurs in an ideally constructed image of defining himself as the otherness of the Other.

Methodology. The results obtained in the course of this study are based on both dialectical and hermeneutic methods, using comparative analysis, which made it possible to holistically and systematically comprehend the fundamental concepts that have been developed in the history of philosophy, reflecting a person's perception of his own body in a symbolically ambivalent form as a fundamental tool of capitalist production, used for various needs and associated irrational desires.

Results. Based on the results of the study, it was concluded that the idealized image of the human body in the form of capital is unconsciously adopted as a fundamental source of education, economically structured by antagonistic relationships of the symbolic self-determination of a person as an impersonal figure of the Other, through identification with which he is alienated from himself and from his truly complete process of individuation.

Research implications. The fundamental value of the study is that a thoughtful analysis of the unconscious dimension of the human body reflects the crisis processes in the economy that have developed in an ambiguous symbolic form, in particular at the level of individual self-determination of a person as a personality, as a formed subject of commodification and the associated consequences of implicit education and explicit the spread of antagonistic relationships.

Keywords: archeology, archive, unconscious, biopower, dispositive, the Other, otherness, commodification, negativity, alienation, simulacrum, body, human

Введение

Происходящие в период с XIX – начала XX вв. различные трансформации в различных областях экономической жизнедеятельности человека обусловили необратимо происходящие процессы радикального изменения его отношения к самому себе, что, в свою очередь, эксплицитно проявляется в переосмыслении в ценностном плане предназначения со стороны восприятия им своего собственного тела, которое постепенно стало предметом пристального внимания со стороны капиталистически развивающегося общества и связанных с ним всевозможных практик индивидуального самоопределения и самообеспечения. Размываемая симметричность чётких границ определения человеком своей целостной автономии многообразными капиталистическими формами самореализации предполагает процесс бессознательно деконструированной соотнесённости его с самим собой как с инобытием Другого, в многослойно символических образах которого отображается теневая сторона неопределённо сконструированных им желаний быть тождественным во времени самому себе и одновременно отсроченным по отношению к самому себе, тем самым амбивалентно выстраивая свою неаутен-

тичную индивидуацию. Таким образом, сконструированный в капиталистических практиках самоопределения субъект коммодификации уже не является полноценным символом воплощения человечности в результате отрицания им своей первозданной телесной организации посредством интериоризации в отношениях с самим собой и с другими – не оживотворённого образа самоидентификации в форме капитала, через который воплощается неодушевлённое измерение Другого, дискурсивная конструкция которого обращает любого, желающего с ним отождествиться, в лишённое единства расщеплённое целое, предполагающее забвение и распад. Поэтому, как утверждал в своей «Феноменологии духа» (1807 г.) великий немецкий философ Г. В. Ф. Гегель, «первоначальное бытие», олицетворяющее собою «тело есть единство необразованного бытия и образованного бытия и действительность индивида, проникнутая для-себя-бытием», в капиталистических практиках достижения которого человек достигает своего амбивалентного самоопределения как инобытия Другого [5, с. 166].

Бессознательное измерение человеческого тела в диалектической концепции Г. В. Ф. Гегеля

Исторически осмысляемое в рационалистическом ключе идеалистическое учение Гегеля исконно по своей традиционной интерпретации изыскивает истину в форме тождественного самому себе абсолютного разума. Однако неклассическое осмысление философского наследия великого немецкого мыслителя качественно отличается от канонического самим фактом его диалектичности, благодаря которой оно апеллирует не только к разуму, но и к бессознательному измерению человеческого тела. Диалектический процесс как таковой ориентируется на *действительное* воплощение разума, которое может быть осуществлено не иначе как через человеческое тело и обусловленные им потребности, которые образуют уникальную опору для его феноменологически последовательного развёртывания в неопределённо стихийной всеобщности универсума. Вместе с тем, именно разум, сконцентрированный в субстанциональной форме осмысляющего себя сознания человека, является инобытием его телесной организации, через которую происходит полноценный процесс осуществления *самосознания*, олицетворяющего собою, согласно Гегелю, «различение неразличенного», которое возникает в качестве явления негативности, или неопределённости, в соответствии с которой тело противоречиво проявляет себя амбивалентным образом в качестве опосредованно не рефлексированной фигуры, которая получает отрицательное к себе отношение [5, с. 91]. Но поскольку гегелевская негативность получает своё полноценное завершение в абсолютно непротиворечивой форме идеального понятия, то «это значит, что самосознание есть вообще *вожделение*», проявляющее себя эксплицитно через тело, которое полноценно в это понятие не вписывается и им не исчерпывается, будучи временным формообразованием, обладающее собственным символически бессознательным

языком, которое не соответствует идеально сконструированной в тождественном плане модели самоопределения человека в форме для-себя-бытия как возвращающегося к самому себе инобытию [5, с. 94]. Не рефлексированное измерение человеческого тела в качестве несущей опоры бессознательного каркаса, по которому проходят сознательные импульсы мышления, оформляют его в соответствии с не уживчивой в нём идеализированной конструкцией в форме «я», через которое происходит детерминированный процесс идентификации человека как личности. Особенностью диалектической сущности негативности является то, что возникновение бессознательного измерения обусловлено антагонистическим взаимодействием самосознания человека и его тела в символической форме *для-себя-бытия* и *в-себе-бытием* и, как следствие, негармоничной упорядоченностью отношений человека с самим собой и с другими. Иными словами, негативная конструкция гегелевского самосознания олицетворяет собой ни с чем несоизмеримое измерение, через рефлексированный процесс которого всё обращается в своё инобытие, поскольку, как утверждает сам Гегель, «единство его самого в его инобытии», с которым оно нетождественным образом соизмеряется в качестве непрерывно *вожделирующего* становления [5, с. 98].

Поскольку экономическая сфера жизнедеятельности человека в её капиталистической форме исторически развёртывается сквозь призму гегелевской метафизики – отношениями господства и рабства, то именно такие отношения и образуются исконно через противоборство сознания человека с собственным телом, между которыми не происходит установления единства в форме тождества бытия и мышления. Собственное тело человека оказывается в бессознательно отчуждённом состоянии, из которого в неопределённой форме символического измерения оно осмысляется им в качестве производственной единицы, запечатлённой в образе репрессированного бессловесного

двойника, переживания которого не тождественны идеализированному процессу самоопределения в непротиворечивой форме становления абсолютного духа, негативно организованного в сознании конкретного человека в качестве капитала. Неспособный признать самого себя через своё собственное самосознание человек, в свою очередь, не способен укрепиться в собственном теле не иначе как посредством другого самосознания его в нём либо признающего, либо отрицающего. Таким образом, антагонистический уклад человеческих взаимоотношений характеризуется обесценивающими связями в универсальной форме символического противоборства, олицетворяющего собою гегелевское отрицание отрицания, которое как основополагающий принцип цикличного движения и развития несоразмерных друг с другом противоречий лежит в основании капиталистической экономики как таковой. Не признанное исходя из собственного самосознания тело начинает вести депривированное существование, будучи негативной по отношению к нему субстанцией, собственная непосредственность которой становится опосредованной чужеродными для неё символическими отношениями, ставящими её в подчинённое от них положение. Не случайно, согласно Гегелю, символом удовлетворённого самосознания является его поглощённость другим самосознанием, за счёт которого оно способно господствующим образом самоопределяться как для-себя-бытие, которое, будучи просветом негативности, ни с чем кроме самого себя не соотносится и ни на что кроме самого себя не ориентируется, посредством приращения и укрепления своей всеобъемлюще властвующей над всем силы в форме капитала. Поэтому тело человека как в-себе-бытие оказывается в рабской покорности перед для-себя-бытием, поскольку оно его собою символически детерминирует, закрепляя в форме понятия, которое при необходимости может быть переосмыслено или и вовсе упразднено. Но поскольку абсолютным господином, по мысли Гегеля, может

быть только смерть, то устремлённый к абсолютизации для-себя-бытия человек отождествляется с нею в процессе самоотрицания, обуславливающего низведение в-себе-бытия, как своего собственного тела до разменной вещи, которой при необходимости можно пренебречь в результате её обесценивания в глазах другого. Поэтому для-себя-бытие, по мысли Гегеля, есть «движение абсолютной абстракции, состоящее в том, чтобы искоренить всякое непосредственное бытие и быть лишь чисто негативным бытием равного себе самому сознания», для которого «не *бытие*, не то, как оно *непосредственно* выступает, не его погружённость в простор жизни есть сущность, а то, что в нём не имеется ничего, что не было бы для него исчезающим моментом» [5, с. 101, 102].

Изменяющееся во времени тело человека иллюстрирует его временную сущность через интеграцию в исчезающий момент как мгновение, которое определяется Гегелем в качестве *вне-себя-бытия*, заключающего в себе «голое становление, чистое в-себе-бытие» [6, с. 53]. Неподвластное времени для-себя-бытие отражает его в себе как понятие, несоразмерное в силу своей безграничной отрицательности телу, которое, будучи неотъемлемой частью самого человека, являет собою его инобытие в символически зашифрованной форме, олицетворяя тем самым бессознательное усвоение оживотворённого первоначала через отчуждённое к нему отношение. Тем самым сущность бессознательного измерения определяется, согласно Гегелю, тем фактом, что природа как таковая изначально «есть лишь идея в себе», а тело символически является её «замёрзшим интеллектом», который через отрицание отрицания в форме своего инобытия воплощается в качестве капитала и проявляет себя в образе замкнутой в себе неживой субстанции, не способной полноценно интегрироваться в стихию оживотворённого универсума [6, с. 26]. Поэтому в отличие от человеческой субъективности, как утверждает сам Гегель, «животная субъективность заключается именно в том,

что в своей телесности и в своём соприкосновении с внешним миром она сохраняет сама себя, остаётся как всеобщее при самой себе» [6, с. 461]. Через определение себя в качестве капитала человек стремится достичь посредством самоотрицания абсолютного тождества своего идеально сконструированного «я», ценность которого определяется степенью интенсивности заключённой в нём негативной силы, реализованной господствующим образом в символической форме общепризнанного вне времени понятия, знаменующего собой отчуждённый от природы процесс становления амбивалентной субъективности. Таким образом, отождествлённое для-себя-бытие с телом как с капиталом, ценность которого зависит от признания другого самосознания, образует порочный замкнутый круг движения к обретению собственной полноценной самооценности, которое имплицитно оказывается в процессе анонимного обесценивания, и тем самым символизирует диссоциативное состояние, в которое впадает человек, не способный полноценным образом признать и принять себя в своём собственном теле. Именно в этом состоянии проявляется, согласно Гегелю, феномен «несчастливого самосознания», при котором собственное тело человека является негативно воспринимаемой им вещью, находящейся в зависимости от образного представления другого самосознания и оцениваемое с его стороны как полноценное или неполноценное, и поэтому остающееся в неаутентичном состоянии через бессознательно проявляемые для своего хозяина желания.

**Символическое измерение
человеческого тела
в психоаналитической концепции
Ж. Лакана**

Анализируя в своих знаменитых «Семинарах» с позиций структурного психоанализа проблемы человека, именитый французский психиатр и философ Ж. Лакан предпринял попытку глубинного переосмысления его отношений к соб-

ственной соматически организованной опоре, которая стала символически раздробленным основанием отчуждающей функции утилитарного аппарата капиталистического рабства, сконцентрированного и поддерживаемого в форме образованной идеальной инстанции, именуемой «Я» или «Эго». По мысли Лакана, мир человека состоит из онтологически детерминирующих его существование структур Реального, Воображаемого и Символического. Сфера человеческого тела – это и есть топологическая область Реального, состоящая из аутентично сконцентрированных в нём хаотичным образом желаний. Целостность самоидентификации – это Воображаемая сфера, которая обретается человеком в детстве («Стадия зеркала») через усвоенного им в зеркальном отражении образа, с которым он в своих переживаниях пытается отождествиться, но который в силу своей искусственности является сублимированным аналогом его первозданно телесного основания. Человеческое «Я», по мысли Лакана, является не чем иным как симптоматическим образованием, исходя из которого субъект выстраивает антагонистические отношения с собственным телом, возвышаясь через формирование господствующего над ним положения. Сфера Символического – это универсальная область искривлённых смысловых значений, исходящих из неоднозначных отношений между людьми в рамках их языковой действительности, внутри которой образуется идеологически ограничивающее их пространство Другого, где происходит кристаллизация его репрезентаций, а вместе с ними и интериоризация имплицитного насилия над телом каждого связанного с ним субъекта.

Воображаемая связь человека с миром не позволяет ему полностью признать собственное отражение тела в зеркале его временности, поэтому оно включается целиком и полностью в символический порядок экономики, основанный на капиталистически оформленном приращении утилитарных с ним отношений в форме коммодификации, обуславливая таким

образом неоднозначное в различных образах его усвоение, тем самым обрекая его в конечном итоге на фрагментированное запечатление, не соотносимое с реальностью как таковой. Отождествлённый с утилитарным образом капитала человек изначально формирует из него фундаментальный защитный механизм, который обеспечивает ему подконтрольную связь с собственным телом опосредованно через диалектически сформированное признание со стороны Другого, в символическом пространстве которого он самоопределяется в качестве отчуждённого от самого себя субъекта. Символический образ неопределённого Другого образует диалектические отношения, поскольку через них каждый по-своему добивается признания, вступая таким образом в противоборство за сохранение и обеспечение незыблемости идеализированной целостности собственного «я», принося ему в жертву своего безмолвного телесного двойника. Иными словами, ни к чему не сводимый интегративный механизм в форме идеализированной конструкции человеческого это является символической апорией неудовлетворённости своим временным в теле существованием. Поэтому, как утверждает сам Лакан, «судьба Я, по самой природе его, состоит в том, чтобы всегда оказываться перед лицом собственного отражения, лишаящего его владения всем тем, чего он стремится достичь» [8, с. 379], а значит «образ господина, который видит человек в форме зрительного образа, сливается у него с образом смерти» [7, с. 195].

Редуцированный в образе капитала человек отчуждается в нём как в Другом, которому он не в состоянии полноценно соответствовать, но который он приумножает посредством попыток распознавания в нём как в кривом зеркале очертаний воплощения своего раздробленного желания быть признанным в качестве самодовлеющей идеализированной инстанции своего собственного неуживчивого в теле «я». Вовлечённый во взаимоотношения с Другим и ими поглощённый человек больше не принадлежит самому себе как

узнаваемой через своё тело самости, а является унифицированной производной от символически интроецированного дискурса бессознательного влечения к смерти, запечатлённого в фантазмах одержимости ожесточённой борьбой за капитализацию регрессивной идентичности, образующей по мысли Лакана «параноидальную структуру» дезинтегрированного функционирования всеобщих человеческих взаимоотношений [8, с. 512]. Поэтому символическое измерение экономических взаимоотношений, основанных на их капиталистическом формировании, соотносится Лаканом с терроризирующей структурой открытого З. Фрейдом – Эдипова комплекса, травматически упраздняющего непосредственную связь человека с собственным телом через его восприятие в качестве отчуждённого не символизируемого остатка, безмолвно прорывающегося агрессивным образом в форме просвета Реального. Таким образом, параноидальный механизм капиталистических взаимоотношений приводит, по утверждению Лакана, к тому, что «тело как раздробленное, ищущее себя желание, и тело как идеал себя взаимопроецируются и предстают для субъекта как раздробленное тело, в то время как другого он видит в качестве совершенного тела» [7, с. 194]. Иными словами, как дополняет мысль Лакана Ж. Ипполит, её уточняя, «два тела взаимопроецируются друг на друга в том смысле, что разом субъект видит себя как статую и в то же время расчленяется, проецирует расчленение на статую, и так – в бесконечной диалектике», растворяющегося в отчаянных поисках самого себя, человека [7, с. 194].

Археологическое измерение человеческого тела в концепции М. Фуко

Исследуя имманентную человеку структуру синхронического измерения языка, французский философ, теоретик культуры и историк М. Фуко обосновывал его археологическую природу в качестве основания исторически накопленных в рассеянной

форме неупорядоченных отношений разрыва между телом и словами его обозначающими и выражающими через эволюцию экономических практик дисциплинарного над ним контроля. Ограниченность человека обусловлена структурирующим механизмом функционирования языка, который продуцирует образование калейдоскопа символических напластований, исходя из которых происходит образование анонимного авторства в форме универсального контроля над телом, которое оказывается инструментом гетеротопического пространства экономической рефлексии, олицетворяющей собою то, что Фуко называл **биовластью**. Особенности образования биовласти имеют диффузный характер её дифференциального распространения и связываются Фуко с его концепцией «смерти человека», которая символически олицетворяет собою период начала становления картезианского дуализма, обуславливающего процесс опосредованного господства над телом в форме трансцендентального единства феноменологически сфабрикованных интенций инертно функционирующего посредством сомнения субъекта. Констатация умерщвления образа человека выражается в рамках дискурсивной формации его экономической экспликации в форме капитала, который обуславливает способы дискретного во времени самоопределения и обусловленного им существования, ускоряющего неминуемое забвение бликами рассеянных гарантий обретения целостной идентичности.

Экономическая рефлексия тела становится инвариантной формой отношения человека к самому себе как к анаморфическому предмету, доступному только в понимании складывающихся вокруг него образов, символически объективированных в подконтрольном для него механизме сексуального влечения, позволяющего проникнуть в сердцевину не локализуемого желания не иначе, как в форме капитала, который возможно не только эксплуатировать, но и приумножать. Подотчётное человеку в форме капитала тело является

дистанцированным для него знаком фрустрированного измерения, в которое он интегрирован не как его собственник, а как страждущий его освобождения надсмотрщик, пытающийся приобщиться к нему посредством обеспечения практики тотального над ним контроля через технологию аккумуляции символически узаконенной дисциплинарной власти, бессознательно функционирующей как механизм микрофизики власти. По утверждению известного российского философа и исследователя творчества М. Фуко В. Подороги, «микрофизика власти, сфокусированная на теле, всегда в глубине производственных структур, она интенсифицирует пределы и степени капиталистической эксплуатации, так как, вводя жёсткие хотя и «невидимые» технологии послушания, не позволяет отдельному индивиду или группе ставить под сомнение или отвергать формальные свободы капиталистического предпринимательства» [9, с. 294]. Генеалогия капиталистической власти образует телесный диспозитив, в котором кристаллизуются все регламентирующие его функциональность дискурсы и обусловленные ими практики, которые в своей совокупности определяют структуру общественной организации в виде дисциплинарного механизма экономического регулирования всевозможных проявлений человеческих эмоций, чувств и желаний. Образование исторически изменчивых форм экономической самоактуализации человека предполагает и изменчивость его телесных регламентаций, детерминированных архивом символически сконцентрированных в нем дискурсивно фрагментированных событий, что отражает возможность полноценного существования человека не иначе, как памятника, открытого самому себе, как отмечает Фуко, в форме самозабвенного мгновения «в прерывистом безвременье» собственного тела [10, с. 300].

Неуравновешенное взаимопроникновение дискурсивных формаций экономических практик человека изобличает неупорядоченный ритм обладания им собственным телом, формализация которого

определяется символическими рубежами его восприятия как капитала, воспроизводимого и эксплуатируемого во времени в форме вневременного Другого, в отражении которого всякая «субъективация предполагает бесконечную объективацию себя собою – бесконечную потому, что её нельзя достичь раз и навсегда и, следовательно, у неё нет предела во времени», – утверждает Фуко [11, с. 247–248]. Микрофизическое измерение капиталистической власти пронизывающее безмолвные части тела, локализуется в нём анонимным для него образом в форме расширения карательных извне установок, ориентированных на экспроприацию суверенной принадлежности человека самому себе через его коммодификацию, образованной в опосредованных переживаниях им инертного дрейфа символически парализованных копий собственного отражения в зеркале искривлённого дискурсами времени, конституирующего появление Другого в облике смерти. Иллюстрация тела как зеркального Другого обуславливает образование отчуждённых с ним отношений в форме разрыва между множеством несоответствующих ему во времени двойников, указывающих на несоразмерность отражения и того, что отражается, заставляя человека уравнивать невидимое с видимым, тем самым увековечить временное во вневременном, обретая гарантию идентичности в символе капитала, который отделяет живое от мёртвого, повторяя первое во втором, приумножая его. Символически капитал представляет умерщвлённый образ тела, который в неисчислимых повторениях приумножения самого себя отчуждает человека от самого себя, низводя его самоценность к уценённым бликам чаемой вечности находящегося в лабиринтообразной недостижимости Другого. Поэтому, как утверждает Фуко, «*homo oeconomicus* – это не тот человек, который представляет себе свои собственные потребности и предметы, способные их удовлетворить; это именно тот, кто проводит, использует и теряет свою жизнь, чтобы избежать непосредственной угрозы смерти», в опос-

редованной форме обретения себя как капитала отсроченных удовольствий, используемых в качестве нормирующей инстанции власти над самим собой и другими [12, с. 338]. Вместе с тем именно в археологическом измерении существования человека усматривает Фуко его полноту как в единстве с собственным телом, поскольку в нём как во сне составляют свою неразрывную самозабвенную и вневременную полноценность всевозможные желания, где центр авторской субъективности занимают нетождественные по отношению к друг другу и к самим себе события бессознательной пластичности патетических сил, сконцентрированных в диффузном средоточии всевозможным форм исторических дискурсов, а не в символической воле к власти. Таким образом, археологический субъект Фуко – это человек, живущий в соответствии с внутренним зовом суверенного бытия собственного тела, находящегося в автономном измерении производных от него желаний, не зависящих от Другого, в которых неповторимым образом концентрируется и раскрывается в рассеянной форме уникальное пространство сновидной длительности.

Симулированное тело в концепции Ж. Бодрийяра

Искривлённое зеркало соматической аутентичности человека приобретает центральное значение в философских идеях мыслителя постмодернистского толка Ж. Бодрийяра, который предпринял рефлексивную попытку переоценки культурно-экономических слоёв различных областей человеческой жизнедеятельности с последующим выявлением причин сложившихся форм единого гуманитарного кризиса. Особый интерес к социально-экономическим практикам человеческой жизнедеятельности связан у Бодрийяра с представлением о том, что собственное и чужое человеческое тело стало восприниматься полноценным или неполноценным в зависимости от степени его использования в качестве капитала, который приобретает

ценность только тогда, когда олицетворяет собой в символической форме культивированный в своей недоступности избыток нереализованного множества бессознательно сконцентрированных в нём искусственно образованных желаний. Капитал становится универсальным кодифицированным образцом для конструирования собственного тела человека, в зеркале которого оно моделируется в неаутентичной для него форме, исходя из которой он отчуждается от самого себя в попытках нивелировать все имеющиеся у себя изъяны посредством производства знаково-символических отношений, вступая в которые каждый сам себя автоматизирует в качестве фрустрированного субъекта коммодификации для того, чтобы, как скажет Бодрийяр, «довольствоваться (или хотя бы стремиться к этому) *безобидной природностью знаков*» [4, с. 84]. Становление соматической экономики как единственно возможного и необходимого условия обеспечения и приращения множества сконцентрированных в человеке удовольствий обуславливает, по мысли Бодрийяра, процесс восприятия им собственного тела как капиталистически организованного резервуара, в котором интегрированы амбивалентным образом всевозможные желания. Тело, будучи частной собственностью, вступает в процесс капиталистических отношений, образуя амбивалентное измерение, в котором оно, с одной стороны, выступает в качестве инструмента инвестирования, а с другой – в качестве воспроизведения себя в форме потребительной стоимости. Капиталистически эмансипированное тело имплицитно становится центростремительным кодом коммодификации, в котором системно выстраивается его репрезентация в качестве предмета роскоши, который всевозможными усилиями необходимо приобрести и в нём себя увековечить. Тело как сумптуарный предмет, которому человек должен соответствовать, становится по Бодрийяру идеалом, символизирующим патетический достаток, объективированный в эквивалентно потребляемых им ве-

щах, вводящего его в фасцинацинирующее состояние, при котором он воспринимает себя как Другого, которому невозможно соответствовать. Тело как актив, который обесценивается во времени, олицетворяет собой механизм необратимого процесса протекания изменений, в нём происходящих, которые искусственным образом отражаются в ценностных установках человека редуцировать его временно обусловленное состояние в форму капитала, таким образом сделав из него отсроченный символ возможностей, в совокупности образующих идеологически обожевлённую надстройку, благодаря которой «между осуществлением желания и меновой стоимостью существует не противоречие, а, напротив, полное соответствие», – утверждает Бодрийяр [1, с. 344].

Озабоченный собственным телом человек ориентирован на его монополизацию с целью учреждения в нём гедонистической нормы рентабельности, при которой извлекаемая им прибыль в попытках эффективно интегрироваться в себя как в Другого была бы неисчерпаемым инструментом приращения престижного наслаждения, доступного только ему самому. Приспособленное к образу капитала тело проходит процесс сакрализации, при котором его самоценность определяется вложенными в него ресурсами для обеспечения статично неизменной во времени формы, отталкиваясь от которой, человек обеспечивает необходимую степень интенсивности своей экспоненциально приращённой производительности. Административно выстроенное в соответствии с образом Другого собственное тело человека поглощается его зазеркальным измерением, с которым он сам не соизмеряется, но в которое он репрессированными для себя способами интегрируется в качестве инструмента накопления, символизирующего симулированное самосохранение. Кодифицированное по аналогии с капиталом тело переживается человеком в деконструированном для него ритме собственного существования, которое оборачивается для него катастрофическими

формами самоотрицания, каждая из которых является обновлённым шагом на пути к возведённому в культ идеалу Другого, интериоризация которого эксплицитно развёрнута в хронически фрустрированном процессе безвременного самоопределения. Поэтому глубинный смысл отождествления человеком себя через своё собственное тело с капиталом состоит в том, что он, как утверждает Бодрийяр, «пытается отменить смерть путём накопления – да только само время накопления как раз и есть время смерти» [3, с. 264]. Капитал как симулированное тело, которому человек приносит в жертву целостность своей подлинной соматической организации, захватывает и поглощает его своими знаками, символизирующими гипостазированное единство их отсроченного во времени инобытия в форме обезличенного Другого, в центробежном измерении которого оказывается каждый взыскующий его привилегированного признания – не принадлежащий самому себе субъект. Тело как ресурс, который должен быть трансформирован в капитал, способный приносить доход для обеспечения его выживания, свидетельствует о первозданно изобилующих способах своего самосохранения, которые символически демонстрируют стратегию всеобъемлющего процесса его организации как производственной системы знаков, в совокупности кодифицирующих потребность человека самоопределяться в различных формах гедонистического потлача, позволяющего полноценно обеспечить право собственности на отчуждённое наслаждение самим собой. Соматическая сфера как сфера демонстрируемой свободы оказывается в зависимости от её унифицированной способности синхронно воплощать всевозможные желания, тем самым иметь универсальную возможность применения бессознательного измерения в качестве производительной силы удовольствия в форме престижно растрчиваемого времени, которое и является символическим олицетворением человеческого тела как капитала. Поэтому, как отмечает Бодрийяр, «окупившееся в качестве ин-

струмента наслаждения и показателя престижа тело оказывается тогда объектом *работы инвестирования* (заботы, одержимости), каковая вопреки мифу освобождения, которым хотят её прикрыть, представляет собой, конечно, деятельность более глубоко отчуждённую, чем эксплуатация тела в качестве рабочей силы» [2, с. 170–171].

Заключение

В заключение, подводя итоги данного исследования, следует отметить, что капиталистическая идеология является структурно преобразующим телесное измерение человека основанием, определяясь через которое он вступает в противоречивые отношения с собственным телом и тем самым с самим собой, утрачивая через его обесценивание свою аутентично сакральную принадлежность к оживотворённому единству универсальной целостности бытия как такового. Имплицитная специфика телесной коммодификации проявляется в результате переживания человеком самого себя в предметной плоскости производственной деятельности капиталистических практик, основанных на прогрессирующем разложении структуры человеческой субъективности посредством её бессознательно фрагментированной интериоризации в форме всеобъемлюще идеализированного образа Другого, символически предполагающего хроническую неопределённость способов полноценного самоопределения, каждый из которых оборачивается конституированием инобытия, отождествляясь с которым человек раскрывает себя через повторяющийся опыт фрустрированного самоотрицания. Таким образом, капиталистический императив склоняет человека к регрессивной самоактуализации, в результате которой происходит его редукция к трансцендентной фигуре, интериоризация которой происходит через различные акты восприятия им собственного тела как Другого, с которым не представляется возможности полноценного единения. Механизмом функциони-

рования образа тела как Другого служит экспликация бессознательного измерения сконцентрированных в нём деконструированных желаний тем или иным способом символически репрезентировать и нивелировать своё неизменно временное существование посредством капиталистически обеспеченной самоидентификации, утвердить которую пытается отчаянным образом замкнутый на потребительском самовыражении субъект. Таким образом, тело как основание преданности по отношению к самому себе становится неконтролируемым симулякром, в котором человек в силу его обесценивания не способен обрести полноценной опоры в процессе собственной уникально неповторимой индивидуации.

Особым образом данная проблема отражена в диалектической концепции Гегеля, в которой тело предстаёт первоначально неопределённым источником самоопределения человека, в процессе функционирования которого он, создавая системный мир тождественно неизменных понятий, символически выстраивает свою индивидуацию через преодоление противоречивых отношений с самим собой и с другими в попытках достигнуть аб-

солютизированной идентичности в образе тотально властвующего над всем господина. В психоаналитической концепции Ж. Лакана тело является результатом символической самоидентификации человека в бессознательном пространстве сконцентрированных в измерении языковой действительности – образов его собственных желаний, в процессе интериоризации которых он неполноценным образом самоопределяется в течение всего времени своего существования как Другой для самого себя. В археологической концепции М. Фуко тело предстаёт в качестве исторически детерминированного образования дискурсивных практик, обусловленных имманентной им экспликацией анонимной организации нормативной тотальности всепроникающей биовласти. В постмодернистской концепции Ж. Бодрийяра тело человека предстаёт в качестве явления симулированной комбинации гипостазированных симулякров, образованных в капиталистически сформированном пространстве экономических отношений и обусловленных ими практик.

Статья поступила в редакцию 21.09.2023.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака / пер. Д. Ю. Кралечкина. М.: РИПОЛ классик, 2020. 352 с.
2. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры / пер. Е. А. Самарской. М.: Культурная революция: Республика, 2006. 269 с.
3. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть / пер. С. Н. Зенкипа. 5-е изд. М.: Добросвет; КДУ, 2015. 392 с.
4. Бодрийяр Ж. Система вещей / пер. С. Н. Зенкина. М.: РИПОЛ классик, 2020. 256 с.
5. Гегель Г. В. Ф. Система наук. Часть первая. Феноменология духа / пер. Г. Шпета. 3-е изд. СПб.: Наука, 2015. 443 с.
6. Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 2. Философия природы / отв. ред. Е. П. Ситковский. М.: Мысль, 1975. 695 с.
7. Лакан Ж. Работы Фрейда по технике психоанализа (Семинар, Книга I (1953/54)) / пер. М. Титовой, А. Черноглазова. М.: Гнозис: Логос, 2019. 432 с.
8. Лакан Ж. «Я» в теории Фрейда и в технике психоанализа (Семинар, Книга II (1954/55)) / пер. А. Черноглазова. М.: Гнозис: Логос, 2009. 520 с.
9. Подорога В. А. М. Фуко: археология современности. М.: Канон +, 2021. 384 с.
10. Фуко М. Археология знания / пер. М. Б. Раковой, А. Ю. Серебрянниковой. 3-е изд., стер. СПб.: Гуманитарная Академия, 2020. 416 с.
11. Фуко М. История сексуальности 4. Признания плоти / пер. С. Гашкова. М.: Ад Маргинем Пресс: Музей современного искусства «Гараж», 2021. 416 с.
12. Фуко М. Слова и вещи: Археология гуманитарных наук / пер. В. П. Визгина, Н. С. Автономовой. М.: Прогресс, 1977. 488 с.

REFERENCES

1. Baudrillard J. Our une critique de leconomie politique du signe (Rus. ed.: Kralechkin D. Yu., transl. *K kritike politicheskoy ekonomii znaka*. Moscow, RIPOL klassik Publ., 2020. 352 p.).
2. Baudrillard J. La societe de consommation. Ses mythes, ses structures (Rus. ed.: Samarskaya E. A., transl. *Obshchestvo potrebleniya. Ego mify i struktury*. Moscow, Kul'turnaya revolyuciya Publ.; Respublika Publ., 2006. 269 p.).
3. Baudrillard J. L'echange symbolique et la mort (Rus. ed.: Zenkip S. H., transl. *Simvolicheskiy obmen i smert'*. Moscow, Dobrosvet Publ.; KDU Publ., 2015. 392 p.).
4. Baudrillard J. Le systeme des objets (Rus. ed.: Zenkip S. H., transl. *Sistema veshchej*. Moscow, RIPOL klassik Publ., 2020. 256 p.).
5. Hegel G. W. F. System Der Wissenschaft. Erter Theil. Die Phaenomenologie des Giestes (Rus. ed.: Shpet G., transl. *Sistema nauk. Chast' pervaya. Fenomenologiya duha*. St. Petersburg, Nauka Publ., 2015. 443 p.).
6. Hegel G. W. F. Encyklopädie der philosophischen Wissenschaften im Grundrisse (Rus. ed.: Sitkovsky E. P., ed. *Enciklopediya filosofskih nauk. T. 2. Filosofiya prirody*. Moscow, Mysl' Publ., 1975. 695 p.).
7. Lacan J. Le seminaire. Les ecrits techniques de Freud. Livre 1. 1953–1954 (Rus. ed.: Titova M., Chernoglazov A., transl. *Raboty Frejda po tekhnike psihoanaliza (Seminar, Kniga I (1953/54))*. Moscow, Gnozis Publ., Logos Publ., 2019. 432 p.).
8. Lacan J. Le seminaire le moi dans la nheorie de Freud et dans la technique de la psychanalyse. Livre 2 (Rus. ed.: Chernoglazov A., transl. *“YA” v teorii Frejda i v tekhnike psihoanaliza (Seminar, Kniga II (1954/55))*. Moscow, Gnozis Publ., Logos Publ., 2009. 520 p.).
9. Podoroga V. A. *M. Fuko: arheologiya sovremennosti* [Foucault: Archeology of Modernity]. Moscow, Kanon + Publ., 2021. 384 p.
10. Foucault M. L'Archeologie du savor (Rus. ed.: Rakova M. B., Serebryannikova A. Yu., transl. *Arheologiya znaniya*. St. Petersburg, Gumanitarnaya Akademiya Publ., 2020. 416 p.).
11. Foucault M. *Historie de la Sexualite 4* (Rus. ed.: Gashkov S., transl. *Istoriya seksual'nosti 4. Priznaniya ploti*. Moscow, Ad Marginem Press, Muzej sovremennogo iskusstva “Garazh” Publ., 2021. 416 p.).
12. Foucault M. Les Mots et les Choses (Rus. ed.: Vizgin V. P., Avtonomova N. S., transl. *Slova i veshchi: Arheologiya gumanitarnyh nauk*. Moscow, Progress Publ., 1977. 488 p.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Мирошкин Михаил Сергеевич – кандидат философских наук, старший преподаватель Финансового университета при Правительстве Российской Федерации;
e-mail: mirmaker23@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Mikhail S. Miroshkin – Cand. Sci. (Philosophy), Senior Lecturer, Financial University under the Government of the Russian Federation;
e-mail: mirmaker23@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Мирошкин М. С. Символическая экономика бессознательного измерения человеческого тела: историко-философский анализ // Современные философские исследования. 2024. № 2. С. 23–34.
DOI: 10.18384/2949-5148-2024-2-23-34

FOR CITATION

Miroshkin M. S. Symbolic Economy of the Unconscious Dimension of the Human Body: Historical and Philosophical Analysis. In: *Contemporary Philosophical Research*, 2024, no. 2, pp. 23–34.
DOI: 10.18384/2949-5148-2024-2-23-34

ФИЛОСОФИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ

УДК 321.01

DOI: 10.18384/2949-5148-2024-2-35-48

ИСТОРИЯ НАУЧНОГО МЕТОДА: ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ

Лебедев С. А., Мазякин М. С.

Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана

105005, г. Москва, ул. Бауманская 2-я, д. 5, стр. 1, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Раскрыть содержание основных этапов эволюции представлений философов и учёных о научном методе, его сущности и возможностях.

Процедура и методы. На основе материала истории науки и философии реконструированы основные этапы развития представлений о содержании научного метода, его природе, сущности и познавательных возможностях. Показано, что эти изменения были вызваны как содержанием научного знания в разные эпохи, так и социокультурным контекстом.

Результаты. Обосновано положение, что в истории науки и философии никогда не было однозначных представлений среди учёных и философов о научном методе, его природе, сущности и познавательных возможностях. Это имело место на всех этапах истории науки и философии, включая наше время. Основанием такой неоднозначности являются: качественно различная структура научного знания (разные области науки, уровни научного познания, виды научного знания), изменение предметного содержания научного знания, уровень философской рефлексии научного познания. Показано, что в истории методологии науки с самого начала конкурировали две исследовательские программы научного метода: монистическая и плюралистическая. Сторонники монистической программы исходили из идеи существования единого, универсального научного метода, инвариантного по отношению к различным предметам научного познания, сторонники плюралистической парадигмы подчёркивали зависимость содержания научного метода от содержания предмета исследования и указывали на факты использования в реальной науке любой эпохи разных методов познания. Анализ эволюции представлений о научном методе показывает, что в длительной исторической конкуренции монистической и плюралистической парадигм методологии науки победа оказалась на стороне последней. Методологический плюрализм в науке оказался естественным и закономерным следствием предметного и структурного разнообразия научного знания.

Теоретическая и/или практическая значимость. Доказано, что методологический плюрализм в науке является естественным и закономерным следствием предметного и структурного разнообразия научного знания, что методологическая истина в науке столь же конкретна, как и всё остальное научное знание. Осознание этого обстоятельства должно стать необходимым элементом методологической культуры современного учёного.

Ключевые слова: методологический монизм, методологический плюрализм, методология науки, научное знание, научный метод

THE HISTORY OF THE SCIENTIFIC METHOD: THE MAIN STAGES

S. Lebedev, M. Mazyakin

Bauman Moscow State Technical University

ul. 2-ya Baumanskaya 5 bld. 1, Moscow 105005, Russian Federation

Abstract

Aim. To reveal the content of the main stages of the evolution of the ideas of philosophers and scientists about the scientific method, its essence and possibilities

Methodology. Based on the material of the history of science and philosophy, the main stages of the development of ideas about the content of the scientific method, its nature, essence and cognitive capabilities are reconstructed. It is shown that these changes were caused both by the content of scientific knowledge in different eras and by the social and cultural context.

Results. The position is substantiated that in the history of science and philosophy there have never been unambiguous ideas among scientists and philosophers about the scientific method, its nature, essence and cognitive capabilities. This took place at all stages of the history of science and philosophy, including our time. The basis of such ambiguity is a qualitatively different structure of scientific knowledge (different fields of science, levels and types of scientific knowledge), a change in the subject content of scientific knowledge, the level of philosophical reflection of scientific knowledge. It is shown that in the history of the methodology of science, from the very beginning, two competing research programs of the scientific method existed: monistic and pluralistic. Supporters of the monistic program proceeded from the idea of the existence of a single, universal scientific method, invariant with respect to various subjects of scientific knowledge; supporters of the pluralistic paradigm emphasized the dependence of the content of the scientific method from the content of the research subject and pointed to the facts of the use of different cognition methods in real science of any epoch. The analysis of the evolution of ideas about the scientific method shows that in the long-term historical competition between the monistic and pluralistic paradigms of the methodology of science, the victory turned out to be on the side of the latter. Methodological pluralism in science turned out to be a natural consequence of the subject and structural diversity of scientific knowledge.

Research implications. It is proved that methodological pluralism in science is a natural and natural consequence of the subject and structural diversity of scientific knowledge, that methodological truth in science is as concrete as all other scientific knowledge. Awareness of this circumstance should become a necessary element of the methodological culture of a modern scientist.

Keywords: methodological monism, methodological pluralism, methodology of science, scientific knowledge, scientific method

Введение

Научный метод является фундаментальным инструментом, обеспечивающим системный, рефлексивный и обоснованный подход к познанию мира, позволяющим расширить знания об объективной реальности на основе мышления, выдвижения гипотез о реальности, проведения экспериментов и наблюдений с целью сравнения гипотез с чувственной и объективной реальностью, анализа этой информации и применения на практи-

ке¹. Научный метод предполагает также обязательное критическое обсуждение результатов и готовность к пересмотру полученных на основе метода данных. Анализ этапов развития представлений о научном методе позволяет лучше понять не только историческую, но и социально-конструктивную природу научного метода [8].

¹ См.: Лебедев С. А. Краткий словарь по методологии научного познания. М.: Издательство МГТУ им. Н. Э. Баумана, 2017. 99 с.

Представления античных учёных о научном методе

Исследование взглядов античных учёных на научное познание позволяет выявить, что эти представления не только имели своё основание в материальной и духовной культуре того времени, но и были тесно связаны с особенностями античной науки, которая отличалась созерцательным и умозрительным характером. Древнегреческая наука в целом была созерцательной в том смысле, что её развитие опиралось не на экспериментальные исследования реальности, а на чувственное или мысленное созерцание действительности.

Созерцательность античной науки была в значительной степени обусловлена резким разделением физического и умственного труда в античном обществе, где физический труд был связан с рабством, в то время как умственный труд считался обязанностью свободных граждан¹. Это разделение создавало отрицательное отношение к физическому труду, что ограничивало развитие экспериментальных исследований, требующих активного взаимодействия с природой. Философы Античности выработали представление, что созерцание, будь то чувственное или умственное, является главным источником научного познания. Это представление было обусловлено социокультурными особенностями античного общества и убеждением в том, что разум способен «видеть» общие идеи и законы так же, как глаза воспринимают чувственные объекты. Даже само слово «теория», обозначающее научное постижение действительности, переводится как «смотрение», «наблюдение».

Важной особенностью античной науки был выделенный А. С. Ахмановым «принцип разумного обоснования», выражавший требование разумного обоснования любых идей и суждений [1]. Этот принцип стал мощным стимулом для развития мышления и науки в Древней Греции, сти-

мулируя учёных и философов к созданию доказательного знания. Одним из величайших достижений античных учёных на этом пути явилось построение дедуктивных систем знания в математике и логике.

В Древней Греции конкретно-научное знание развивалось в органичной связи с философским знанием, представляя собой «единую систему знания». Уже начиная с милетских натурфилософов и Гераклита прослеживается стремление к объединению многообразия явлений природы в единое целое, к построению «единой системы знания» [6]. Греческие учёные рассматривали мир как целостный организм, где каждое явление гармонично сочетается с другими и подчиняется общим законам. Такой подход выражал их стремление к целостности научного знания как его необходимой черте.

Однако ни один из милетских философов не ставил ясно вопрос о методах и средствах построения научного знания как единой целостной системы. Их основное внимание было сосредоточено на самом мире, а не на способах его познания. «Вера Платона и Аристотеля в возможность построения целостного научного знания с первыми принципами в своей основе во многом опиралась на успешные попытки древних греков в системном построении геометрического знания» [6]. Платон и Аристотель первыми придали проблеме целостности знания ярко выраженный гносеологический характер. Однако анализ возможности построения целостного научного знания привёл их к необходимости решения фундаментальной философской проблемы: каким образом могут быть получены первые принципы науки? Попытки найти решение этой проблемы и привели их к постановке проблемы научного метода.

Сократ первый обратил внимание на индукцию как на один из важных методов научного мышления. Согласно его трактовке, индукция представляет собой метод, при котором для каждого общего понятия (например, «мужество» или «добродетель») сначала предлагается его определение, а затем рассматриваются его конкретные

¹ См.: Лебедев С. А. Краткий словарь по методологии научного познания. М.: Издательство МГТУ им. Н. Э. Баумана, 2017. 99 с.

примеры. Такое сопоставление общего и частного, как правило, приводит к пересмотру первоначального определения как некорректного или неполного, поэтому весь процесс повторяется. Конечная цель индуктивного процесса – сформулировать такое определение понятия, которое охватывало бы все случаи его использования.

Сократ уделял важное место индукции в своей этической концепции, считая, что она является рациональным методом для выявления, прояснения и раскрытия содержания врождённых этических норм. Тем не менее, он чётко сознавал, что сами по себе индуктивные рассуждения не обладают логической доказательностью и, следовательно, не могут гарантировать истинный характер определений общих понятий, получаемых с их помощью. Это понимание стало одним из оснований скептической позиции Сократа относительно возможности постижения этической истины чисто рациональным методом и, вероятно, способствовало его убеждению в том, что, если этическая истина существует, то она имеет врождённый характер.

Проблема индукции приобрела новые аспекты в философских концепциях Платона и Аристотеля. В отличие от Сократа, оба эти философа не ограничивают рассмотрение индукции только в рамках этического знания. Они значительно расширяют область её применения, прямо связывая с обсуждением методов построения любого научного знания как целостной и доказательной системы.

Пытаясь доказать возможность достижения людьми объективно истинного знания, Платон высказывает глубокую идею о том, что сократовские определения так же, как и любые другие, имеют дело не с чувственно воспринимаемыми вещами, а с чем-то иным. Платон утверждает, что определяются не сами вещи, т. к. они постоянно изменчивы и не идентичны самим себе, а идеи, которые и составляют сам предмет знания. Он чётко выделяет различие между вещами и идеями, рассматривая их отношение как двоякое. Согласно Платону, идеи, в отличие от вещей, обла-

дают не пространственным, а идеальным существованием. В «Тимее» он отвергает взгляд, согласно которому идеи находятся в каком-то пространстве, считая его ошибочным: «в концепции Платона отношение между вещами и идеями рассматривается как отношение множеств, между элементами которых существует много многозначное соответствие: с одной стороны, одна и та же вещь в принципе совместима с бесконечным количеством идей и определений (лишь бы они не противоречили друг другу); а с другой стороны – одна и та же идея может быть высказана о многих и при этом разных вещах»[6].

Платон считал, что главная задача научного познания заключается в умении сводить менее общие идеи к более общим и, в итоге, к самым общим – «началам». Платон выделял три основных метода научного познания: интуицию (припоминание), индукцию (подъём ума от чувственных восприятий к общим идеям) и дедукцию (спуск ума от высших родов к менее общему). Индукция хотя и имеет для научного познания определённое значение, по Платону, сама по себе может привести только к мнению, но не к доказательному знанию. Только дедукция, по мнению Платона, является способом превращения мнений, полученных индуктивно, в знание.

Аристотель, продолжая идеи своего учителя Платона относительно дедуктивного построения научного знания, использует при этом подход, коренным образом отличающийся от платоновской концепции врождённых идей. В отличие от Платона, который представлял общее как чистые идеи, существующие в особом мире, Аристотель считает, что идеи – это общее в единичных вещах, а потому оно может быть познано только через восприятие единичных вещей. При этом при рассмотрении индукции Аристотель выделял два её разных аспекта: как специфическую форму умозаключения и как метод познания. Индукция как умозаключение от частного к общему может привести в заключениях своих выводов только к вероятным общим высказываниям (исключая крайне редкие в

научном познании выводы по полной индукции). С другой стороны, индукция как метод является необходимым методом познания, ибо общее в вещах – главная цель науки может быть познана только через его познание в отдельных вещах. Поддерживая концепцию Платона о существовании недоказуемых, но необходимо-истинных «начал» знания, Аристотель предлагает своё решение. Он утверждает, что познание общего в вещах возможно только через его интуитивное видение мыслью учёного, но это доступно только искусённым исследователям, только мудрецам. Оно не доступно мышлению обычного человека. Логика Аристотеля следующая: если научное знание возможно, должны существовать и недоказуемые, но необходимо-истинные первые принципы. Факт научного знания бесспорен, следовательно, необходимо признать существование логически не доказуемых начал знания¹.

Представления учёных Нового времени о научном методе

В Новое время становление современного естествознания было обусловлено потребностями формирования нового типа цивилизации в Европе – индустриального буржуазного общества [9]. Учёные пришли к убеждению, что традиционные методы силлогистических рассуждений неэффективны для научного исследования. «Силлогистика Аристотеля, считавшаяся прежними учёными основным методом истинного познания, не может научить их приёмам открытия законов природы» [6].

Фрэнсис Бэкон стремился предложить позитивный путь исследования природы. Он подчёркивал важность начала научного познания с опытных данных и предлагал разработать правила, позволяющие учёным, основываясь на наблюдениях, обнаруживать законы природы. Бэкон представил новый метод индукции – индукцию через элиминацию, рассматривая его как универсальный.

Однако анализ этого метода показал, что его возможности были преувеличены, и он способен дать лишь проблематичное эмпирическое знание из-за эмпирического характера исходных данных и отсутствия гарантий верности предположений. Таким образом, оба вида индукции – через элиминацию и через перечисление – сталкиваются с одинаковыми трудностями, приводя к эмпирическому и гипотетическому знанию.

В эпоху Нового времени в методологии науки сложились два направления, противостоящие друг другу. Фрэнсис Бэкон представлял эмпиризм и индуктивизм, в то время как Рене Декарт развивал интуиционизм и дедуктивизм. Оба философа признавали важность разработки методов открытия и доказательств научных истин, но существенно расходились в подходах к этому вопросу. И Декарт, и Бэкон оба критиковали Аристотеля и схоластов за использование силлогистических форм в описании научного познания. Однако хотя они были единодушны в отрицании силлогистики как логики научного познания, их взгляды на новую методологию, способную удовлетворить потребности развивающейся науки, расходились.

Бэкон придерживался метода индукции как основного способа получения нового, достоверного и практически полезного знания в науке. В своём произведении «Новый Органон» он предлагал методологию, основанную на наблюдении и эксперименте. Декарт же в своих работах «Правила для руководства ума» и «Рассуждение о методе» предлагал интуицию и дедукцию в качестве главных методов построения истинных и доказательных научных теорий. Согласно Бэкону, настоящий путь науки – это постепенное восхождение от частных наблюдений и опыта к общим аксиомам [4; 6]. Он призывает учёных к использованию систематических наблюдений и экспериментов, считая их основой практически полезной науки, и предлагает метод «построения понятий и аксиом через истинную индукцию» [6].

Идеи Декарта были схожи с взглядами рационалиста Платона, и он также утверж-

¹ Лебедев С. А. Курс лекций по методологии научного познания: учебное пособие. М.: Издательство МГТУ им. Н. Э. Баумана, 2016. 294 с.

дал, что истинное знание не может быть получено опытным путём, а его источником может быть только разум. В отличие от Бэкона, Декарт видит путь получения основного объёма истинного знания только через его дедуктивное выведение из принципов, абсолютно очевидных для разума в силу своей простоты¹. Так же, как и Платон, он предполагал наличие в сознании априорных «начал» знания и утверждал, что все другие знания могут и должны быть дедуктивно выведены из них или построены на их основе.

Вместе с тем в Новое время возникло и третье методологическое направление, представленное Галилеем, Ньютоном, Лейбницем, Кантом и др. Они стремились преодолеть односторонность индуктивизма и дедуктивизма через подчёркивание фундаментальной роли гипотезы и продуктивного воображения в научном познании².

Желание И. Канта опровергнуть познавательный скептицизм Д. Юма, основу которого составляло его доказательство невозможности рационального оправдания индукции как надёжного метода познания, привело его к разработке концепции фундаментального априоризма научного познания. Однако развитие реальной науки продемонстрировало несостоятельность кантовской концепции научного познания (построение неевклидовых геометрий, электродинамики как альтернативы классической механике, неклассической формальной логики и др.). Результатом непримиримого эпистемологического противостояния между эмпиризмом Юма и априоризмом Канта стало выявление центральной проблемы методологии науки: правомерно ли считать эмпирический опыт основой, источником и критерием истинности научного знания? Решение этой проблемы является основным критерием оценки значимости методологиче-

ских концепций. Он остаётся таковым и для современной методологии науки³.

В середине XIX в. в области методологии возникла новая концепция научного метода, противостоящая как эмпирико-индуктивистской, так и априорно-дедуктивистской его интерпретации, которая получила название индуктивно-дедуктивной модели научного познания⁴. Создателями этой модели были В. Уэвелл и Ст. Джевонс. В ней индукция понимается уже не как метод открытия и доказательства научных истин, а только как одна из эвристических процедур создания гипотез эмпирических законов, объясняющих научные факты. Основные положения индуктивно-дедуктивной модели включали:

- признание опытных фактов (наблюдений и эксперимента) в качестве одной из основ дальнейшего развития научного знания;
- признание индукции, движение познания от частного к общему в качестве одного из эвристических средств открытия гипотез эмпирических законов;
- отрицание возможности однозначного логического пути от фактов к законам и теориям;
- признание дедукции в качестве главного критерия правильной индукции, когда из гипотезы закона, полученного с помощью индукции, обязательно логически следуют все исходные факты индуктивного движения мысли;
- подчёркивание фундаментальной роли гипотезы в научном познании [10].

Дальнейшее развитие научного метода было осуществлено представителями позитивистского направления в философии науки, многие из которых были известными учёными (Э. Мах, П. Дюгем, А. Пуанкаре и др.)⁵.

¹ Лебедев С. А. Курс лекций по методологии научного познания: учебное пособие. М.: Издательство МГТУ им. Н. Э. Баумана, 2016. 294 с.

² Лебедев С. А. Философия науки: учебное пособие. М.: Юрайт, 2011. 288 с.

³ См.: Лебедев С. А., Коськов С. Н. Эпистемология и философия науки: классическая и неклассическая: учебное пособие. М.: Академический Проект, 2014. 295 с.; [10].

⁴ Философия науки: учебное пособие / под ред. С. А. Лебедева. М.: Академический процесс. 2004. 736 с.

⁵ Лебедев С. А., Рубочкин В. А. История и философия науки: учебно-методическое пособие.

Представления позитивистов о научном методе

В отличие от родоначальников позитивизма (О. Конт, Г. Спенсер, Дж. Ст. Милль), Мах считал, что сами по себе чувственные восприятия объектов не являются источником научного познания. Соответственно, он отвергал индуктивизм как главную методологическую опору науки. Мах исходил из того, что главным отличием научного познания от обыденного является более значительная экономность научного познания. Она выражается в том, что наука стремится многое свести к единому, большее к меньшему, недостаточно организованную чувственную и объективную реальность к максимально организованной реальности науки. Наука – это, по Маху, придуманный людьми и детально разработанный впоследствии наиболее экономный способ познания мира, систематизации знания о нём, его хранении. В соответствии с таким подходом Мах предлагает принцип отбора наилучшей научной гипотезы: она должна быть наиболее экономной и удобной в практическом применении. Он считал, что при обнаружении несоответствия физической теории фактам, учёный скорее откажется от понятий физики, чем от устоявшихся и более простых понятий геометрии. Правда, вопреки подобным рекомендациям, Эйнштейн при создании теории относительности поступил, как известно, с точностью до наоборот: он предпочёл простоте геометрических (математических) понятий простоту физических допущений, чтобы обеспечить единство физической науки. Но ещё раньше теория электродинамики Максвелла, законы которой были представлены математическими уравнениями, отдала приоритет последним, а не простоте их наглядных моделей. Методы построения Максвеллом электродинамики и Эйнштейном теории относительности чётко свидетельствовали о том, что основой и источником построения научных теорий

не обязательно должны быть данные экспериментов и их обобщения. Источником научных теорий может быть и конструктивное мышление учёных, в том числе и математическое мышление [7].

В конце XIX в. выдающийся математик и физик Анри Пуанкаре выдвинул теорию конвенционализма, считая, что математические гипотезы физических теорий не возникают не в результате обобщения данных наблюдения и эксперимента, а являются продуктом свободного творческого мышления учёного и закреплением его в качестве конвенций.

В начале XX в. появилась третья волна позитивизма, известная как логический позитивизм или неопозитивизм. Его основная задача заключалась в том, чтобы развивать философию науки как логическую методологию, не уступающую по строгости математическому знанию. Неопозитивисты предложили новое понимание предмета философии науки, сосредотачиваясь на логическом анализе языка реальной науки, логической структуре научного знания и логических методах реальной науки в контексте их соответствия идеальным стандартам языка математической логики.

Одним из основателей логического позитивизма был Бертран Рассел, английский логик, математик и философ науки. Другим ключевым фигурантом этого направления был Людвиг Витгенштейн, австрийский логик и философ, известный своим трудом «Логико-философский трактат» (1922), который стал фундаментом для развития этой философии логического позитивизма. В 30-х гг. XX в. идеи логического позитивизма активно разрабатывались А. Айером в Англии. В это же время в Венском университете возник «Венский кружок», объединявший известных математиков, физиков и философов. В Берлине также сформировалось Берлинское общество эмпирической философии.

Одной из главных философских предпосылок логического позитивизма начала XX в. был тезис о полном тождестве структуры мира, научного мышления и научного языка. Была выдвинута гипотеза, что

М.: Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, 2010. 196 с.

мир может быть описан одним сложным истинным высказыванием: «Мы создаём для себя образы фактов» [2, с. 907], «Образ есть модель действительности» [2, с. 907], «Понять предложение – значит знать, что имеет место, когда оно истинно» [2, с. 908], «Мысль есть осмысленное предложение» [2, с. 907]. Совокупность всех истинных предложений о мире исчерпывается наукой и прежде всего естествознанием. К 30-м гг. представители неопозитивизма отошли от своего простого понимания научного языка и математической логики, рассматривая уже лингвистический анализ языка как столь же важный элемент методологии науки, как и язык математической логики.

Наряду с построением логико-математической модели структуры научной теории, логические позитивисты ставили перед собой цель решить ряд других фундаментальных проблем философии науки: создать критерии, определяющие осмысленность любых высказываний, но прежде всего научных – проблема верификации; решить вопрос о том, как различить научное знание от других видов знаний (прежде всего от философских, метафизических утверждений) – проблема демаркации; разработать вероятностную индуктивную логику определения степени подтверждения (степени логической доказательности) научных законов и теорий, и на этой основе предложить учёным алгоритм выбора наилучшей гипотезы.

Логические позитивисты разделяли гипотетико-дедуктивную модель научного познания, согласившись с утверждением о невозможности построения логики открытия научных законов и теорий [5]. Но они предложили методологию обоснования и выбора наилучшей из предложенных гипотез. Необходимо признать существенным вклад логических позитивистов в развитие логики и методологии науки. Уже к 30-м гг. XX в. им удалось доказать логическую истинность, непротиворечивость и абсолютную полноту двух базовых логических теорий – исчисления высказываний и исчисления одноместных пре-

дикатов¹. Впоследствии Черч и Тарский доказали принципиальную неполноту всех других логических теорий, включающих высказывания об отношениях. Это означало, что аксиоматика любой теории оказывается всегда беднее её реального содержания, которое не может быть полностью логически доказательным. В отношении фундаментальных математических теорий также стало ясно, что чисто дедуктивная трактовка их логической структуры является несостоятельной (теоремы К. Геделя о принципиальной неполноте аксиоматики арифметики натуральных чисел и евклидовой геометрии, а также невозможности доказательства непротиворечивости и истинности этих теорий средствами самих этих теорий). Гипотетико-дедуктивная модель научного познания, взятая логическими позитивистами за основу для её последующего уточнения, оказалась неадекватной по отношению к описанию реальных научных теорий, включая математические.

Один из первых, кто предпринял попытку построить логическую методологию науки не как инструмент доказательства научных теорий, а как метод подтверждения их истинности, был Г. Рейхенбах [6]. Согласно Рейхенбаху, истинность всех научных теорий, особенно естественнонаучных и социальных, имеет только вероятностный характер. Для определения степени её истинности он предложил два метода, основанных на подсчёте количества подтверждающих теорию фактов среди всех известных фактов её предметной области. Оба метода используют понимание вероятности как предела относительной частоты в бесконечном виде.

$$p = \lim_{n \rightarrow \infty} \frac{m}{n} \quad (1)$$

Где $\frac{m}{n}$ – относительная частота.

¹ Лебедев С. А. Курс лекций по методологии научного познания: учебное пособие. М.: Издательство МГТУ им. Н. Э. Баумана, 2016. 294 с.

При применении первого метода относительная частота – это отношение числа истинных следствий теории к общему числу всех её следствий. При втором методе это отношение числа логически выводимых из теории фактов к числу всех известных фактов. Однако у данной концепции есть один серьёзный недостаток: при предельно-частотной интерпретации вероятностные утверждения не могут быть окончательно ни подтверждены, ни опровергнуты, т. к. серии наблюдений, используемые для вычисления частоты в бесконечной последовательности испытаний, всегда могут рассматриваться как флуктуации.

Другой подход в методологии подтверждения научного знания был предложен одним из лидеров логического позитивизма Р. Карнапом, который старался построить теорию подтверждения гипотез и теорий, основываясь не на частотном, а на логическом понятии вероятности. При логической интерпретации вероятности она понимается как степень выводимости одного высказывания из другого. Эта степень лежит в интервале между 0 и 1. Логическая вероятность высказывания А по отношению к высказыванию В равна 0, если они противоречат друг другу. Логическая вероятность высказывания А по отношению к В равна 1, если А логически следует из В. Эти два типа отношения между высказываниями являются дедуктивными, и все их возможные варианты описываются в законах обычной дедуктивной логики. Когда же высказывания А и В логически не противоречат друг другу, но в то же время между ними не существует и отношения логического следования одного из другого, тогда между ними имеет место только индуктивное отношение. Цель индуктивной логики и заключается в определении степени частичной логической зависимости между любыми высказываниями, в том числе и между гипотезой и фактами, на которые она опирается. Согласно Карнапу, при прочих равных условиях необходимо из двух конкурирующих гипотез в той или иной науке отдавать предпочтение гипотезе, которая имеет большую сте-

пень логической зависимости от фактов, на которые она опирается. Самым уязвимым местом определения логической вероятности гипотезы является то, что одна и та же гипотеза по отношению к одним и тем же фактам будет иметь разную степень вероятности в разных языках или в разных контекстах обсуждения их логической зависимости друг от друга. Это, конечно, абсолютный релятивизм и субъективизм, да ещё с использованием как бы в насмешку строгого языка математической логики. Какому языку или контексту учёный должен отдавать предпочтение при определении степени индуктивной вероятности между гипотезой и фактами – в решении этого вопроса индуктивная методология хранит полное молчание. Вторым принципиальным недостатком индуктивной логики подтверждения является то, что реально она была построена только для самых простых формальных языков с одноместными предикатами – словами, обозначающими только свойства, но не отношения. Впоследствии было строго доказано, что любые расширения индуктивной логики на более богатые формальные языки принципиально невозможны. Поскольку реальная наука изучает не только свойства, но и отношения между объектами, причём часто многоместные, постольку о применимости логической теории подтверждения к реальной науке говорить не приходится.

Методология постпозитивизма и постструктурализма

Критику основных принципов методологии логического позитивизма дал в середине XX в. К. Поппер, один из основоположников постпозитивизма. Он начал с того, что объявил само понятие индуктивной логики логически противоречивым и бессмысленным понятием типа «деревянного железа».

Согласно Попперу, главная задача методологии науки – разработка теории роста научного знания, не зависящей от его вероятности. Он считает, что сущность научного познания заключается не в обобще-

нии фактов или в подтверждении гипотез фактами, а в смелом выдвижении новых гипотез и в столь же твёрдом стремлении к опровержению ложных. Однозначным и логически абсолютно законным критерием доказательства ложности эмпирических гипотез является установление ложности хотя бы одного их логического следствия. С другой стороны, согласно законам логики любое количество следствий гипотезы, оказавшихся истинными (соответствующих данным наблюдения и эксперимента), не могут считаться не только доказательством истинности гипотезы, но даже степенью вероятности её истинности. Поппер призывает отдавать предпочтение тем гипотезам, которые имели наибольшую вероятность быть опровергнутыми, но при всех многочисленных и серьёзных попытках сделать это, остались не опровергнутыми¹. Конечно, по Попперу, только пока, но в будущем это обязательно случится, потому что, как показывает вся история науки, объективная реальность всегда богаче любой рациональной схемы о ней.

Вот основные положения антииндуктивистской методологии Поппера.

1. Наука начинается не с эмпирических данных, а с формулировки проблем.

2. Учёные решают проблемы, выдвигая множество конкурирующих, часто несостоятельных гипотез – пробных теорий.

3. Пробные теории подвергаются отбору путём исключения ошибочных гипотез.

4. Результатом научного исследования обычно является возникновение новой проблемной ситуации.

5. Прогресс измеряется разницей между старыми и новыми проблемными ситуациями по содержанию.

6. Научные теории требуют систематической критики и стремления к их фальсификации, а не верификации.

7. Выдвижение научных законов и принципов осуществляется не интуитивно, а методом проб и ошибок.

8. Базисные утверждения, являющиеся потенциальными фальсификаторами теорий, принимаются научным сообществом временно на основе конвенций [10].

Главной трудностью концепции Поппера является определение и сравнение содержания теорий. Частичное сравнение теорий, предложенное Поппером, применимо, когда одна теория входит в состав другой в качестве её части. Однако подход Поппера «не работает», когда содержание теорий пересекается. А именно эта ситуация является наиболее распространённой в реальной науке и её истории. Методология Поппера охватывает лишь те ситуации, когда новые гипотезы добавляют дополнительное эмпирическое содержание к существующим теориям. Вторым недостатком методологии науки Поппера заключается в том, что в его модели процесс научного познания представляет собой непрерывную научную революцию, что не согласуется с реальностью динамики науки, где революции случаются достаточно редко, а основное время приходится на длительные периоды функционирования парадигмальной теории².

Лакатос, развивая идеи Поппера, вместо отдельных теорий вводит новый подход к методологии научного знания, более общий конструкт – научно-исследовательскую программу. Каждая такая программа состоит из следующих элементов: жёсткого («метафизического») ядра программы, вспомогательных гипотез, позитивной и негативной эвристики. Этот подход позволяет глубже понять функционирование и динамику научного знания, где научные революции случаются достаточно редко, а в промежутке между ними имеет место непрерывная конкуренция исследовательских программ. В его концепции теоретический базис любой науки обладает относительной самостоятельностью по отношению к её эмпирическому базису.

¹ Лебедев С. А. Философия науки: краткая энциклопедия (основные направления, концепции, категории). М.: Академический проект, 2008. 692 с.

² Микулинский С. Р., Маркова Л. А. Чем интересна книга Т. Куна «Структура научных революций»? // Кун Т. Структура научных революций. М.: Прогресс, 1977. С. 274–292.

Пол Фейерабенд, ученик Поппера, выступил против методологии своего учителя, предложив вместо неё концепцию «эпистемологического анархизма». Он подчеркнул многофакторную детерминацию научного познания и когнитивного поведения учёных, отвергнув идею универсального научного метода [4]. Он отверг также представление о якобы постоянном приближении науки к абсолютной объективной истине, поскольку в науке постоянно имеют место плюрализм и конкуренция в развитии научного знания.

В рамках культурно-исторического подхода была выдвинута концепция научного познания, сформулированная Т. Куном в его работе «Структура научных революций» [3]. По мнению Куна, динамика науки состоит из двух сменяющих друг друга состояний или этапов: эволюционного и научных революций. На эволюционном этапе её динамика определяется господствующей в ней фундаментальной теорией («парадигмой») и связанными с ней общепринятыми методами получения, проверки и обоснования научного знания научным сообществом конкретного исторического периода. Однако, согласно Куну, каждая фундаментальная теория рано или поздно исчерпывает свои когнитивные возможности, что инициирует научную революцию, когда на первый выходит поиск и оправдание новых методов научного познания. Какие это будут методы, заранее никто не знает. Любая революция – это окно в новые возможности, и здесь критерием правильного метода является только успех в его реализации при построении новой парадигмы. Т. Кун выступил оппонентом сразу двух концепций динамики научного знания: теории перманентной революции в науке К. Поппера и кумулятивного роста научного знания Н. Бора. Однако и в его концепции были существенные изъяны: отрицание части общего содержания у старой и новой парадигмы и слишком упрощённое толкование процесса принятия новой парадигмы как гештальт-переключения сознания учёных.

Одной из главных эпистемологических теорий современной методологии науки, особенно в области гуманитарных наук, стал постструктурализм, ставший теоретической основой такого нового течения как постмодернизм. Постструктурализм (Ж. Деррида, Ж. Лиотар и др.) зародился в 70-х гг. XX в. как направление лингвистической философии по переосмыслению и критике структурализма в языкознании. В отличие от структурализма, который считал, что истина и смысл присутствуют внутри текста как его внутренние свойства, постструктурализм утверждает, что они находятся за пределами текста, принадлежат автору или интерпретатору. Истина и смысл текста возникают только в процессе взаимодействия читателя с текстом, отражая общий принцип взаимодействия субъекта с объектом познания¹. Постструктуралисты отвергают, что называется, «с порога», саму идею возможности объективной истины в познании, рассматривая её как продукт тоталитарного сознания и инструмент власти в традиционных обществах.

Анализируя всю сложность современной культуры, постструктурализм и постмодернизм выступают как решительные критики ценностей, выработанных в западноевропейской культуре в период становления классического капитализма в Новое время. С их точки зрения, сама модернистская культура смогла устоять, только создав новую, более привлекательную идеологию, отличную от предшествующей средневековой христианской культуры. Однако к концу XIX – началу XX вв. и в классической (модернистской) науке возник кризис, затронувший все области научного знания. Эта глобальная научная революция привела не только к появлению новых теорий во всех областях науки, но и к осознанию несостоятельности прежней идеологии науки. В результате возникла необходимость в создании новой философии науки, которая была бы более

¹ Лебедев С. А. Философия науки: краткая энциклопедия (основные направления, концепции, категории). М.: Академический проект, 2008. 692 с.

адекватной реальной науке и потребностям её развития.

Постструктурализм если не полностью, то, по меньшей мере, серьёзно подорвал традиционную эпистемологическую веру в возможность достижения наукой объективного и абсолютно-истинного знания в любой области. Антифундаментализм – вот кредо постструктуралистской парадигмы языка, знания и законов их функционирования в обществе.

Заключение

Анализ истории методологии научного познания свидетельствует о существовании с самых первых шагов науки и философской рефлексии её метода двух противоположных методологических парадигм: монистической и плюралистической. Представители монистической парадигмы надеялись найти универсальный метод научного познания, который был бы применим во всех областях науки и служил бы гарантом получения объективно-истинного знания о действительности. С другой стороны, сторонники плюралистической парадигмы исходили из того, что объективная действительность настолько разнообразна в своём содержании, что делает невозможным её познание с помощью некоего универсального метода. Метод научного познания должен быть коррелятивен предмету познания, потому неизбежен методологический плюрализм.

Сторонники монистической парадигмы были вынуждены частично согласиться с этим аргументом сторонников парадигмы методологического плюрализма (Локк, Лейбниц, Юм, Кант, неокантианцы, Гуссерль и др.). С этим согласились даже представители позитивизма, проведя жёсткую демаркационную линию между аналитическим научным знанием (математика, логика) и синтетическим (естествознание и социальные науки). Аналитическое знание получается в науке мышлением с помощью методов формальной логики, а синтетическое – с помощью наблюдения, эксперимента и описания их результа-

тов на эмпирическом языке («языке наблюдения»). Правда, за пределами науки с позиций данного оппортунистического монизма оказались не только философия и гуманитарные науки, но также и все конкретно-научные теории об идеальных объектах. Это затронуло не только евклидову геометрию и классическую механику, но все стандартные теории современного естествознания: теорию относительности, теорию элементарных частиц, квантовую электродинамику, кибернетику, теорию систем, теоретическую химию, теоретическую биологию, современную космологию, синергетику. Методологи позитивизма явно недооценили творческую мощь мышления с его методами по созданию теоретической реальности и её доказательному описанию.

Плюралистическая парадигма методологии науки настаивает на том, что различные области науки обязательно будут различаться методами из-за особенностей своих предметов познания. Это продемонстрировали ещё неокантианцы при рассмотрении методов наук о природе и методов гуманитарных наук («наук о духе»). Современная эпистемология и методология науки требует обращать серьёзное внимание также на различие методов познания на разных уровнях научного познания одной и той же науки, социокультурных и практических контекстов, в которых происходит научное познание. Более того, при решении методологических проблем науки необходимо учитывать не только качественное разнообразие структуры научного знания, наличие в ней различных областей науки, отдельных наук, уровней научного знания в любой науке, но также социокультурные условия и практические задачи научного познания [7; 11]. Современная методология науки настаивает на том, что методологическая истина в науке должна быть столь же конкретной, как и само содержание научного знания.

Статья поступила в редакцию 16.02.2024.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахманов А. С. Логическое учение Аристотеля. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1960. 315 с.
2. Витгенштейн Л. Из книги «Логико-философский трактат» // Философия науки: хрестоматия / отв. ред.-сост. Л. А. Микешина. М.: Прогресс-Традиция, 2006. С. 906–909.
3. Кун Т. Структура научных революций / пер. И. З. Налетова. 2-е изд. М.: Прогресс, 1977. 300 с.
4. Лебедев С. А. Индукция как метод научного познания. М.: Московский университет, 1980. 192 с.
5. Лебедев С. А. Критика гипотетико-дедуктивной модели научного познания // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 1982. № 5. С. 18–28.
6. Лебедев С. А. Научный метод: история и теория. М.: Проспект, 2018. 448 с.
7. Лебедев С. А. Современная философия науки. М.: Проспект, 2023. 312 с.
8. Лебедев С. А. Философия и методология науки. М.: Академический проект, 2021. 626 с.
9. Лебедев С. А. Философия науки: позитивно-диалектическая концепция. М.: Проспект, 2021. 448 с.
10. Лебедев С. А. Философия научного познания: основные концепции. М.: Издательство Московского психолого-социального университета, 2014. 272 с.
11. Лебедев С. А. Философия. Методология. Наука: избранные статьи. М.: Проспект, 2023. 720 с.

REFERENCES

1. Ahmanov A. S. *Logicheskoe uchenie Aristotelya* [Logical Doctrine of Aristotle]. Moscow, Izdatel'stvo social'no-ekonomicheskoy literatury Publ., 1960. 315 p.
2. Wittgenstein L. *Tractatus Logico-Philosophicus*. In: Mikeshina L. A., comp. *Filosofiya nauki: hrestomatiya* [Philosophy of Science]. Moscow, Progress-Tradiciya Publ., 2006, pp. 906–909.
3. Kuhn T. The Structure of Scientific Revolutions (Rus. ed.: Naletov I. Z., transl. *Struktura nauchnyh revolyucij*). Moscow, Progress Publ., 1977. 300 p.).
4. Lebedev S. A. *Indukciya kak metod nauchnogo poznaniya* [Induction as a Method of Scientific Knowledge]. Moscow, Moscow University Publ., 1980. 192 p.
5. Lebedev S. A. [Criticism of the Hypothetico-Deductive Model of Scientific Knowledge]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7: Filosofiya* [Bulletin of Moscow University. Episode 7: Philosophy], 1982, no. 5, pp. 18–28.
6. Lebedev S. A. *Nauchnyj metod: istoriya i teoriya* [Scientific Method: History and Theory]. Moscow, Prospekt Publ., 2018. 448 p.
7. Lebedev S. A. *Sovremennaya filosofiya nauki* [Modern Philosophy of Science]. Moscow, Prospekt Publ., 2023. 312 p.
8. Lebedev S. A. *Filosofiya i metodologiya nauki* [Philosophy and Methodology of Science]. Moscow, Akademicheskij projekt Publ., 2021. 626 p.
9. Lebedev S. A. *Filosofiya nauki: pozitivno-dialekticheskaya koncepciya* [Philosophy of Science: A Positive Dialectical Concept]. Moscow, Prospekt Publ., 2021. 448 p.
10. Lebedev S. A. *Filosofiya nauchnogo poznaniya: osnovnye koncepcii* [Philosophy of Scientific Knowledge: Basic Concepts]. Moscow, Moscow Psychological and Social University Publ., 2014. 272 p.
11. Lebedev S. A. *Filosofiya. Metodologiya. Nauka: izbrannye stat'i* [Philosophy. Methodology. Science: Selected Articles]. Moscow, Prospekt Publ., 2023. 720 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Лебедев Сергей Александрович – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии Московского государственного технического университета им. Н. Э. Баумана;
e-mail: saleb@rambler.ru

Мазякин Максим Сергеевич – аспирант факультета энергомашиностроения Московского государственного технического университета им. Н. Э. Баумана;

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS:

Sergey A. Lebedev – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Prof., Department of Philosophy, Bauman Moscow State Technical University;
e-mail: saleb@rambler.ru

Maxim S. Mazyakin – Postgraduate Student, Faculty of Power Engineering, Bauman Moscow State Technical University;

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Лебедев С. А., Мазякин М. С. История научного метода: основные этапы // Современные философские исследования. 2024. № 2. С. 35–48.

DOI: 10.18384/2949-5148-2024-2-35-48

FOR CITATION

Lebedev S. A., Mazyakin M. S. The History of the Scientific Method: The Main Stages. In: *Contemporary Philosophical Research*, 2024, no. 2, pp. 35–48.

DOI: 10.18384/2949-5148-2024-2-35-48

УДК 101.2

DOI: 10.18384/2949-5148-2024-2-49-56

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ

Молчан Э. М.¹, Янгез Д. И.²¹Государственный университет просвещения

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

²Московский государственный университет спорта и туризма

117519, г. Москва, ул. Кировоградская, д. 21, корп. 1, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Определить основные тенденции развития экспериментальной философии.**Процедура и методы.** Проанализировано современное состояние противоречивых суждений развития экспериментальной философии. Методологией исследования выступает системный анализ проблемы развития экспериментальной философии в науке, а также общенаучные методы теоретического познания, методы системного анализа, сравнения и обобщения зарубежных и российских исследований по проблеме изучения. Экспериментальная философия предполагает эмпирическое изучение методов и концептуальных суждений, подтверждающих эмпирические исследования, основанные на экспериментах и опросах для оценки философской эпистемологической деятельности.**Результаты.** На основании изучения концепций, положительных и отрицательных моделей встаёт вопрос о значимости экспериментальной философии в науке. Выделяются критические замечания в адрес экспериментальной философии: экспериментальным условиям недостаёт структурированной теоретической обоснованности, осуществляется опора на экспериментальные данные; рефлексивные и социальные направления философского анализа размыты; наблюдается неточность истолкования процедурных и оценочных форм философской экспертизы.**Теоретическая и/или практическая значимость.** Результаты исследования вносят вклад в методологическое основание философии. Актуальность детерминирована практической значимостью экспериментальной философии, т. е. применением экспериментальных результатов к методологии в аспекте философских теорий. Это позволит решить дилемму использования интуиции в качестве формы философского доказательства. Авторы приходят к выводу, что экспериментальная философия вправе использовать как интуицию, так рациональный и эмпирический пути в решении научной проблемы. Следовательно, экспериментальная философия предполагает наличие положительного и отрицательного результатов, как противоположных структур в теоретико-методологической совокупности исследований для получения рационально обоснованной модели.**Ключевые слова:** интуиция, метафилософская концепция, положительные и отрицательные модели, рестрикционизм, экспериментальная философия, экспертные знания

TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF EXPERIMENTAL PHILOSOPHY

E. Molchan¹, D. Yangez²¹Federal State University of Education

ul. Very Voloshinoi 24, Moscow Region, Mytishchi 141014, Russian Federation

²Moscow State University of Sport and Tourism

ul. Kirovogradskaya 21 bld 1, Moscow 117519, Russian Federation

Abstract

Aim. To identify the main trends in the development of experimental philosophy.

Methodology. The current state of contradictory judgments in the development of experimental philosophy has been analyzed. The methodology of the research is a systematic analysis of the problem of the development of experimental philosophy in science, as well as general scientific methods of theoretical knowledge, methods of system analysis, comparison and generalization of foreign and Russian studies on the problem. Experimental philosophy involves the empirical study of methods and conceptual judgments confirming empirical research based on experiments and surveys to evaluate the philosophical epistemological activity.

Results. Based on the study of concepts, positive and negative models, the question arises about the importance of experimental philosophy in science. Critical remarks about experimental philosophy are highlighted: experimental conditions lack structured theoretical validity, reliance on experimental data is carried out; reflexive and social directions of philosophical analysis are blurred; there is an inaccuracy in the interpretation of procedural and evaluative forms of philosophical expertise.

Research implications. The results of the research contribute to the methodological basis of social philosophy. The relevance is determined by the practical significance of experimental philosophy, i.e. the application of experimental results to methodology in the aspect of philosophical theories. This will solve the dilemma of using intuition as a form of philosophical proof. The authors conclude that experimental philosophy has the right to use both intuition and rational and empirical ways to solve a scientific problem. Consequently, experimental philosophy assumes the presence of positive and negative results as opposite structures in the theoretical and methodological set of studies to obtain a rationally justified model.

Keywords: intuition, metaphilosophical concept, positive and negative models, restrictionism, experimental philosophy, expert knowledge

Введение

Современные дебаты и критические замечания учёных о том, что экспериментальная философия – это не наука, что она невозможна, говорят об острой актуальности проблемы. Ограничения, порождающие такие высказывания, указывают на то, что методологические подходы, используемые исследователями, не отражают своих философских функций. Однако критика в адрес экспериментальной философии – своего рода оценочное утверждение о предмете или методе, который предназначен для чего-то другого, что и создаёт ошибки в отношении полученного результата. Вначале необходимо разобраться, что представляет собой экспериментальная философия и какова область её применения. Аналитические отчёты указывают на два направления – широкое и узкое понимание структуры концептуальных положений экспериментальной философии. Т. В. Тимошенко и К. Д. Скрипник раскрывают содержание экспериментальной фило-

софии с позиции обобщения эмпирических данных из когнитивных наук с дополнительным условием, что эксперименты были проведены одним и тем же человеком [6]. А. С. Железнов ссылается на широкое понимание концептуальных положений экспериментальной моральной философии, в которой представлены основные идеи нравственности традиционной философии и теоретико-методологическое основание социальных наук [2]. Узкая направленность экспериментальной философии опирается на экспериментальные данные и интуицию. Область изучения экспериментальной философии предопределена положительными и отрицательными моделями исследования сущности и содержания данного направления. Положительная модель обобщает экспериментальные данные и теоретические выводы для достижения прогресса в решении фундаментальных проблем философии. Представители этой модели опираются на интуицию в исследовании противоречащих концепций, конкурирую-

щих между собой. Отрицательная модель ставит под сомнение интуитивный способ получения знаний, т. к. возникает сложность в проверке достоверности полученных данных, ориентированных на опросы, предполагающие философские суждения о конкретных случаях. Некоторые учёные предлагают третью модель, направленную на расширение нашего мировоззрения и формирование механизмов убеждений. Ядром отрицательной модели является рестрикционистский вызов, предполагающий доказательное использование интуиции в экспериментальных исследованиях. Существуют явные различия между отрицательной и положительной моделями, но все исследователи заинтересованы в правильных ответах на философские вопросы. Более того, отрицательная модель не придерживается утверждения о том, что метод кейсов или доказательное использование философских интуиций обязательны или эпистемически ненадёжны. На этом этапе справедливо спросить, может ли неясность в отношении границ и целей экспериментальной философии сама по себе означать ограничение её способности реформировать философию первого порядка или генерировать метафилософское понимание. Если здесь есть основания для критики, то, учитывая аналогичные доктринальные дебаты почти во всех философских дисциплинах, это было бы ограничением философского дискурса в целом, а не ограничением экспериментальной философии конкретно. Однако теоретико-методологическая концепция экспериментальной философии заслуживает внимания, т. к. позволяет использовать эмпирические данные для построения универсальной философской методологии на уровне междисциплинарных знаний.

Необходимо выделить факторы, которые ограничивают тип и силу оценочных утверждений о философских методах, которые оправданы, учитывая эмпирические данные экспериментальной философии. Философы должны чувствовать себя стеснёнными этими доктринальными дебатами ничуть не больше, чем биологи-эволюци-

онисты постоянно растущим числом концепций видов (в настоящее время их около 27) [4]. Ограничения в нефилософских областях позволяют специалистам эффективно использовать экспериментальные методы для оценки эффективности философских концепций. Во-первых, типы нефилософских суждений, которые, согласно эмпирической литературе, требуют прямой обратной связи с обучением, основываются на следовании правилам. Философские теории и суждения обычно преследуют объединяющие и объяснительные цели, а не прогностические или следующие правилам. Если это верно, мы должны отказаться от обобщений в области философии, которые основаны на данных о профессиональных областях, имеющих нерепрезентативные цели и условия успеха. Во-вторых, если рассматривать абстрактные объединяющие направления различных философских теорий, то необходимо обратиться к экспертным оценкам учёных-профессионалов. Эксперты в условиях дефицита обратных связей качественно определяют категориальный аппарат и способны обнаруживать важные причинно-следственные связи, раскрывая содержательный смысл явлений [7].

Внедрение в экспериментальную философию практических методов гуманитарных наук унаследует любые ограничения, применимые к этим методам в целом. Один ограничивающий фактор – сбой репликации. Учёные, участвующие в исследованиях воспроизводимости экспериментальной философии, показали ценность полученных результатов для междисциплинарных наук [11]. Если мы признаем, что многочисленные эмпирические выводы являются подлинными и воспроизводимыми, то существуют ли ограничения их философского и метафилософского применения? Экспериментальная философия предназначена для обнаружения и оценки влияния абстрактных смыслов на когнитивные суждения, в том числе тех, которые возникают в результате доказательного или диалектического использования интуитивного метода. Это может привести к потенциально ошибочному пониманию фило-

софских примеров, т. к. в мнениях есть расхождения. Интеграция поведенческих показателей, данных нейровизуализации и когнитивного обмена информацией с экспериментальными философами поможет улучшить данные самоотчётов, представляющие интерес для метафизики в целом, но существуют логические ограничения, связанные с дополнительными методами. Несмотря на растущий интерес к исследованиям в экспериментальной философии, этот вопрос лежит в основе многочисленных критических замечаний в отношении как положительных, так и отрицательных моделей. Некоторые критики утверждают, что двусмысленные и зондирующие вопросы скорее разжигают словесные разногласия, чем раскрывают искажающие влияния. Другие утверждают, что обзорным исследованиям экспериментальной философии не хватает теоретической обоснованности. Эксперимент лишён теоретической обоснованности, если он включает искусственные условия, которые существенно отличаются от той части реального мира, которую мы пытаемся понять (например, школьное обучение). По мнению этих критиков, вопросы экспериментальной философии искажают фактическое диалектическое применение философами метода кейсов. В связи с этим многие критики утверждают, что исследования экспериментальной философии недостаточны для информирования нас о типах философских прецедентных суждениях, которым диалектически важны как рефлексивные суждения, так и экспертные решения.

Ограничение специфически рестрикционистских проектов экспериментальной философии заключается в рестрикционистских утверждениях о философской методологии, что ограничивает доступ человека к концептуальным ресурсам для построения философских теорий и аргументов. Если в соответствии с рестрикционистским вызовом необходимо относиться к суждениям, полученным в результате различных мысленных экспериментов, как к эпистемологически подозрительным, то это отражается на любых философских концепциях

или теориях, которые зависят от суждений. Различные ограничения или противоречивые теории иногда не позволяют нам строить философские модели изучения, в том числе те, которые можно было бы использовать для изучения проблем в области экспериментальной философии. Существует несколько ограничивающих направлений, которые необходимо учитывать. По сравнению с сознательными ограничениями, концентрирующимися на нерелевантных типах суждений, радикальные ограничения использования разнообразного количества методов посредством индуктивных рассуждений и метафилософских предположений. Такой подход не даёт возможности в полном объёме использовать концептуальные ресурсы. Степень ограничения зависит от существования альтернативных средств поддержания концептуального ресурса. Здесь, нетрудно понять, как ограничение может быть направлено на экспериментальную философию, что приводит к обобщённой и неприемлемой форме скептицизма в суждениях.

Специфическая критика экспериментальной философии

Специфическая критика экспериментальной философии позволяет рассмотреть каждый тип критики отдельно и дать обоснованный ответ на замечания. Однако такое разделение не учитывает синергетические связи между различными критическими замечаниями, как часть общего целого их влияние может быть значительным. Каждое критическое замечание имеет свои ограничения и недостатки, но вместе они создадут разрушительный эффект для структуры экспериментальной философии. Представьте себе, что каждое критическое суждение – это векторы, которые направлены под разными углами к центральной цели. Отдельно взятый вектор обладает незначительным потенциалом, а сумма их совокупностей оказывает значительное воздействие на систему. Например, одна из категорий критического суждения экспериментальной философии – это не-

верная характеристика, когда критики утверждают, что экспериментальные методы не могут достоверно изучать философские вопросы; другая – экспериментаторы не являются достаточно компетентными, чтобы проводить исследования; защита от отражения, где критики указывают на возможные проблемы с самими экспериментами и их интерпретацией. Однако важно понимать, что эти категории являются не изолированными, но взаимосвязанными и влияющими друг на друга. Например, неверная характеристика может повлиять на защиту от экспертизы: если методы экспериментальной философии не могут достоверно изучать философские вопросы, то и экспериментаторы не могут считаться компетентными; или возможные проблемы с экспериментами указывают на недостоверность результатов. Таким образом, вместо того, чтобы рассматривать каждую категорию критики отдельно, важно видеть их совокупное воздействие. Такое понимание критических суждений находится в области экспериментальной философии, которая может развивать и усовершенствовать концептуальные положения, учитывать слабые стороны и работать над их устранением.

Гораздо более ранняя экспериментальная философия обеспечивала практическими результатами, ставящими под сомнение доказательное использование философами интуиции в конкретных случаях. Некоторые философы описывают себя как апеллирующих к особым психологическим состояниям – интуиции, – в качестве формы философского доказательства, приводя аргументы в пользу эпистемологической важности этого направления [1].

Основная цель экспериментальной философии – это показать, что интуиция является ненадёжным методом получения знаний, т. к. она подвержена влиянию контекста и даже полностью ошибочна и не применима [9]. Однако есть несколько аргументов против этой точки зрения. Во-первых, можно усомниться в том, правильно ли философы описывают свои собственные методы. Возможно, они не

осознают, что их интуиции основаны на эмпирических факторах. Во-вторых, даже если философы действительно используют аналитический подход, это не означает, что их интуиции являются надёжными. Аналитические утверждения могут быть ложными, если их базовые понятия неправильно определены. В-третьих, если философы используют интуицию только для целей концептуального анализа, это не означает, что они не должны быть подвергнуты критике [3]. Концептуальный анализ может иметь важные практические значения. Таким образом, экспериментальная философия может быть применена к работе философов, т. к. эмпирические методы необходимы для изучения влияния интуиции на концептуальный анализ. Для исследователей важны реализация концепции, а экспериментальная философия предлагает диалог, конструктивные дискуссии о концептуальных анализах. Поэтому экспериментальная философия не только критикует традиционные философские методы, но и является методологическим инструментом их улучшения [8].

Философы стремятся прийти к рефлексивному суждению о конкретном случае, а затем рассмотреть его в свете других суждений (своих собственных и чужих) и более общих теоретических соображений. Они не просто фиксируют свои спонтанные суждения и относятся к ним от третьего лица как к нейтральным наблюдениям, требующим объяснения.

Поскольку экспертная критика занимает особое место в дебатах о метафилософской значимости исследований экспериментальной философии, стоит кратко изложить некоторые возражения, а также ответы на них. Во-первых, приобретённые теории и схемы опытных философов с такой же вероятностью будут вводить в заблуждение, сколько они должны прояснять. Во-вторых, философы-экспериментаторы утверждают, что условиями развития философии являются те же, что и в областях, в которых эксперты заблуждаются относительно качества своих экспертных знаний. Этот аргумент упу-

скает из виду важные различия между философской эпистемологической и нефилософской деятельностью, тем самым подрывая обобщение о благоприятных условиях развития [5]. Тем не менее, можно надеяться на позитивный, эмпирически обоснованный отчёт о развитии экспертизы философского содержания. Такой отчёт необходим для более решительного решения проблемы, связанной с тем, что отличительное содержание работы опытных философов основано на идеологической обработке, а не на объяснительных категориях золотого стандарта [10]. Третье возражение выдвинуто из эмпирических оснований и состоит из наблюдений. Во-первых, оно заключается в изучении аспектов философской компетентности в отрыве от теоретического и практического контекста, в котором такая компетентность первоначально осуществляется. Во-вторых, исследования предполагают чрезмерно упрощённый взгляд на философскую экспертизу. В-третьих, исследования профессиональных философов в области экспериментальной философии в основном ограничивались случаями, имеющими нормативное содержание. В-четвёртых, существуют исследования, которые подтверждают возражение, основанное на экспертных знаниях.

Положительная модель к изучению экспериментальной философии показывает ценность и значимость исследовательской деятельности, а также расширяет наше понимание окружающего мира. Во-первых, экспериментальная философия является ценным инструментом для изучения фундаментальных вопросов о природе реальности, основах этики и смысла человеческого существования. Благодаря методам экспериментов и эмпирическому подходу мы можем получить новые знания и найти ответы на сложные философские проблемы. Во-вторых, выводы экспериментальной философии позволяют нам лучше понять и оценить различные философские традиции и концепции. Мы можем изучить различные учения, методы и идеи с помощью экспериментов и научного ана-

лиза, что позволяет нам расширить свои границы познания и оценить разные точки зрения. В-третьих, экспериментальная философия имеет потенциал для применения в практических областях, таких как этика, политика, наука и технологии. Её выводы и оценки могут помочь нам разрабатывать этические принципы, принимать обоснованные решения и создавать инновационные решения, учитывая философскую перспективу.

Заключение

Экспериментальная философия как одно из направлений философской мысли объединяет два компонента: рациональный и эмпирический. Рациональный предполагает теоретизирование на уровне выдвижения и обоснования концепций, парадигм и теорий, эмпирически раскрывается в экспериментальных исследованиях, совокупностях статистических данных. Рациональный и эмпирический компоненты тесно взаимосвязаны при объяснении конкурирующих, но эмпирически эквивалентных философских моделей. Экспериментальное моделирование и описательные модели позволяют на теоретическом и практическом уровнях эффективно отражать данные о явлениях и предметах, структурировать их в совокупности по направлениям, рационально выстраивать прямые и обратные связи на уровне мировоззренческих универсалий сознания. Экспериментальные исследования и метафилософские изыскания, порождённые экспериментальной философией, создали межпредметные связи, разрушив ограничения областей гуманитарного и естественнонаучного направления, породив даже синтез отдельных наук. Степень такого синтеза предполагает целостность научного знания в совокупном объединении всех элементов наук, но ограничены эмпирической непроверяемостью точности философских теоретических моделей первого порядка.

Статья поступила в редакцию 18.12.2023.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дроздова Д. Н. Использование мысленных экспериментов в современной экспериментальной философии // Рацио. 2018. Т. 19. № 1. С. 53–69.
2. Железнов А. С. Идея нравственности в экспериментальной моральной философии // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2022. Т. 6. № 3. С. 181–207. DOI: 10.17323/2587-8719-2022-3-181-207.
3. Ляпина Я. А. Вычислительная философия как экспериментальная философия // Молодой учёный. 2022. № 15 (410). С. 349–352.
4. Петрухина П. С. Эмпирическая философия: возможности и перспективы на примере философских исследований науки // Цифровой учёный: лаборатория философа. 2022. Т. 5. № 3. С. 66–83. DOI 10.32326/2618-9267-2022-5-3-66-83.
5. Снетков И. Г. Экспериментальная философия как «вызов» традиционной философии и метод исследования повседневности на примере проблемы о свободе воли // «Вызов» в повседневной жизни населения России: история и современность: материалы международной научной конференции, 01–03 апреля 2021 г.: в 2 т. Т. 1. СПб.: Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, 2021. С. 15–20.
6. Тимошенко Т. В. Экспериментальная философия: проблема интуиции // Южный Полус. Исследования по истории современной западной философии. 2020. Т. 6. № 1–2. С. 27–40.
7. Bach T. Why the Empirical Study of Non-philosophical Expertise Does not Undermine the Status of Philosophical Expertise // Erkenntnis. 2021. Vol. 86 (4). P. 999–1023.
8. Boyd R. Rethinking Natural Kinds, Reference and Truth: Towards More Correspondence with Reality, not Less // Synthese. 2021. Vol. 198 (12). P. 2863–2903.
9. Buckwalter W., Stich S. Gender and Philosophical Intuition. In: *Experimental philosophy* / ed. J. Knobe, S. Nichols. Oxford: Oxford University Press, 2014. P. 307–346.
10. Starmans C., Friedman O. Expert or Esoteric? Philosophers Attribute Knowledge Differently Than All Other Academics // Cognitive Science. 2020. Vol. 44 (7). P. 22.
11. Stuart M. T., Colaço D., Machery E. P-curving x-phi: Does Experimental Philosophy have Evidential Value? // Analysis. 2019. Vol. 79 (4). P. 669–684.

REFERENCES

1. Drozdova D. N. [Thought Experiments in Contemporary Experimental Philosophy]. In: *Racio* [Ratio], 2018, vol. 19, no. 1, pp. 53–69.
2. Zheleznov A. S. [The Idea of Morality in Experimental Moral Philosophy]. In: *Filosofiya. Zhurnal Vyshej shkoly ekonomiki* [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics], 2022, vol. 6, no. 3, pp. 181–207. DOI 10.17323/2587-8719-2022-3-181-207.
3. Lyapina Ya. A. [Computational Philosophy as Experimental Philosophy]. In: *Molodoj uchyonyj* [Young Scientist], 2022, no. 15 (410), pp. 349–352.
4. Petrukhina P. S. [Empirical Philosophy: Possibilities and Prospects on the Example of Philosophical Studies in Science]. In: *Cifrovoy uchyonyj: laboratoriya filosofa* [The Digital Scholar: Philosopher's Lab], 2022, vol. 5, no. 3, pp. 66–83. DOI: 10.32326/2618-9267-2022-5-3-66-83.
5. Snetkov I. G. [Experimental Philosophy as a “Challenge” of Traditional Philosophy and a Method of Studying Everyday Life Using the Example of the Problem of Free Will]. In: “*Vyzov*” v *povsednevnoj zhizni naseleniya Rossii: istoriya i sovremennost': materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, 01–03 aprelya 2021 g. T. 1* [“Challenge” in the Everyday Life of the Population of Russia: History and Modernity: Materials of the International Scientific Conference, April 01–03, 2021 g. Vol. 1]. St. Petersburg, Leningrad State University named after A. S. Pushkin Publ., 2021, pp. 15–20.
6. Timoshenko T. V. [Experimental Philosophy: The Problem of Intuition]. In: *Yuzhnyj Polyus. Issledovaniya po istorii sovremennoj zapadnoj filosofii* [South Pole. Studies in the History of Modern Western Philosophy], 2020, vol. 6, no. 1–2, pp. 27–40.
7. Bach T. Why the Empirical Study of Non-philosophical Expertise Does not Undermine the Status of Philosophical Expertise. In: *Erkenntnis*, 2021, vol. 86 (4), pp. 999–1023.
8. Boyd R. Rethinking Natural Kinds, Reference and Truth: Towards More Correspondence with Reality, not Less. In: *Synthese*, 2021, vol. 198 (12), pp. 2863–2903.
9. Buckwalter W., Stich S. Gender and Philosophical Intuition. In: *Experimental philosophy*. Oxford, Oxford University Press, 2014, pp. 307–346.

10. Starmans C., Friedman O. Expert or Esoteric? Philosophers Attribute Knowledge Differently Than All Other Academics. In: *Cognitive Science*, 2020, vol. 44 (7), p. 22.
11. Stuart M. T., Colaço D., Machery E. P-curving x-phi: Does Experimental Philosophy have Evidential Value? In: *Analysis*, 2019, vol. 79 (4), pp. 669–684.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Молчан Эдуард Михайлович – кандидат педагогических наук, доцент кафедры философии Государственного университета просвещения;
e-mail: ed.molchan2015@yandex.ru

Янгез Дмитрий Иванович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин Московского государственного университета спорта и туризма;
e-mail: dimayangez@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Eduard M. Molchan – Cand. Sci. (Pedagogical Sciences), Assoc. Prof., Department of Philosophy, Federal State University of Education;
e-mail: ed.molchan2015@yandex.ru

Dmitry I. Yangez – Cand. Sci. (Historical Sciences), Assoc. Prof., Assoc. Prof., Department of Socio-Economic and Humanitarian Disciplines, Moscow State University of Sports and Tourism;
e-mail: dimayangez@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Молчан Э. М., Янгез Д. И. Тенденции развития экспериментальной философии // Современные философские исследования. 2024. № 2. С. 49–56.
DOI: 10.18384/2949-5148-2024-2-49-56

FOR CITATION

Molchan E. M., Yangez D. I. Trends in the Development of Experimental Philosophy. In: *Contemporary Philosophical Research*, 2024, no. 2, pp. 49–56.
DOI: 10.18384/2949-5148-2024-2-49-56

СОЦИАЛЬНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

УДК 111.1

DOI: 10.18384/2949-5148-2024-2-57-63

РОЛЬ НАУЧНЫХ ШКОЛ УПРАВЛЕНИЯ КАК ОСНОВЫ СТАНОВЛЕНИЯ ФИЛОСОФИИ УПРАВЛЕНИЯ (СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ)

Арутюнян К. С.

*Рязанский государственный радиотехнический университет имени В. Ф. Уткина
390005, г. Рязань, ул. Гагарина, д. 59/1, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Философский анализ, обоснование и выявление специфики научных подходов к управлению как основе становления философии управления.

Методы. Для изучения вопросов, связанных с научными подходами к управлению как основе становления философии управления, использовались системный подход, методы анализа, синтеза источников по проблеме исследования, обобщения и сравнения.

Результаты. В ходе проведённого исследования были выявлены предпосылки становления философии управления как практической философии.

Теоретическая и/или практическая значимость. Научная значимость заключается в формировании авторского подхода к понятию «управленческое сознание менеджеров». Практическая составляющая проведённого исследования – это определение роли философии в формировании теоретических основ управления, необходимых для изменения социальных систем и перехода из состояния неустойчивого развития в состояние стабильности.

Ключевые слова: менеджмент, научные школы управления, управление, управленческое сознание, философия управления

THE ROLE OF SCIENTIFIC SCHOOLS IN MANAGEMENT AS A BASIS FOR MANAGEMENT PHILOSOPHY ESTABLISHMENT (SOCIAL AND PHILOSOPHICAL ANALYSIS)

K. Harutyunyan

*Ryazan State Radio Engineering University named after V. F. Utkin
ul. Gagarina 59/1, Ryazan 390005, Russian Federation*

Abstract

Aim. To conduct philosophical analysis, to present justification, and to identify the specifics of scientific approaches to management as the basis for the management philosophy formation.

Methodology. To study issues related to scientific approaches to management, a systematic approach, methods of analysis and synthesis of sources on the research topic, generalization and comparison were used as the basis for the formation of a management philosophy.

Results. In the course of the analysis, the prerequisites for the formation of the philosophy of management as a practical philosophy were identified.

Research implications. The theoretical relevance consists in the formation of an original approach to the concept of “management consciousness of managers”. The practical component of the study is the determination of the role of philosophy in the formation of the theoretical foundations of management necessary to change social systems and make the transition from a state of unstable development to a state of stability.

Keywords: management, scientific management schools, management, management consciousness, management philosophy

Введение

Актуальность философского анализа управления заключается в необходимости разработки методологических основ управления в условиях информационного общества, а также в изучении подходов зарубежных исследователей в области теории менеджмента и управления, которые применимы к российской действительности. Взаимодействие экономики РФ с зарубежными странами (несколько замедленное, но не остановленное санкциями), процессы глобализации, активное научное и образовательное взаимодействие способствуют тому, что отечественные подходы к управлению наполняются новыми разработками зарубежных исследователей в области менеджмента. Но в этой ситуации необходимо учитывать социокультурный опыт России, её менталитет, традиции, обычаи и эволюцию философских представлений об управлении и менеджменте.

В. С. Диев как один из основателей философии управления как науки справедливо отметил: «Развитие управления как процесса возможно под воздействием философии, т. к. управление можно рассматривать как науку, состоящую из синтеза искусства, знаний, опыта. Предметом исследований в управлении является человек, его природа и проявление в разных ситуациях. Управление – это социальное явление, которое пронизывает всю сферу общественных отношений» [5, с. 6].

Активное развитие управления как социальной деятельности требует новых научных подходов, создания иных инструментов, направленных на получение эффективного управленческого результата. Следует отметить современных российских

исследователей, которые занимаются разными предметными областями управления. Психологические аспекты управления человеческими ресурсами отражены в работах А. Геворкян [15], философские аспекты управления компетентности специалистов проанализированы в трудах А. Бирюкова, И. Брикошиной, Е. Виходчевой, Е. Никитиной) и др. [14].

В теории управления в конце XX вв. – начале XXI вв. в основном руководствуются концепциями, ориентированными на прибыль, производительность труда, но при этом роль индивида, а именно управленческого сознания в принятии эффективных управленческих решений, не исследуется.

В управлении отсутствует идея роли сознания как детерминанта управленческого процесса, что исключает ориентацию на развитие человека, развитие этноса. Управление рассматривается как экономическая функция, но следует отметить, что управление – это функция социализации, социального контроля. В современных работах отсутствует должная гуманитарная составляющая управления. Следовательно, философский анализ научных теорий управления будет являться основой становления философии управления, где предметом исследования является управленческое сознание индивида.

По мнению Н. С. Савкина, «философия управления как практическая философия не только использует законы, принципы, категории философии, но и способствует выявлению общих философских проблем. В свою очередь, практическая философия предоставляет человеку возможность ориентироваться в социальном мире разных

ценностей, культур и цивилизаций и выбрать ту стратегию поведения, которая позволит ему адаптироваться в новых условиях» [11, с. 24].

Анализ научных школ управления как основа становления философии управления

Наибольшее развитие в силу возросшей роли хозяйственных процессов в жизни общества в начале XX в. получили научные школы управления в производственной сфере. Отметим, что эти школы (бихевиористская, гуманистическая, «школа человеческих отношений») в своих концепциях не ограничивались исключительно сферой производства, но активно привлекали данные и подходы других наук – психологии, социологии и т. д.

В историческом становлении и развитии теория управления складывалась в два этапа: 1) *донаучный этап* – этот этап характеризовался набором кумулятивных знаний об управлении до XIX в.; 2) *научный период*, когда происходит накопление знаний (XIX–XX вв.), применяемых на практике.

Научный период теории управления выделял два направления: классическое и гуманистическое. Классическое направление уделяет особое внимание роли человеческого фактора как главного производственного фактора (школа научного управления, административная школа, бюрократическая организация управления – А. Файоль, Ф. Тейлор, Э. Мейо и др.). Гуманистическое направление включает в себя два основных направления: бихевиористская школа и «школа человеческих отношений».

Таким образом, становление управления как науки прошло пять стадий: научная школа; административная школа; школа человеческих отношений; поведенческая школа; количественная школа. В связи с глобализационными процессами, охватывающими все сферы общественной жизни, формирующиеся тенденции информационных угроз и рисков, позволяя выделить информационную школу управления. В этой ситуации управление ин-

формационной безопасностью позволит разрешить назревшие проблемы.

Первые попытки теоретического осмысления менеджмента были предприняты в эпоху становления капиталистического производства. Ф. Тейлор явился родоначальником научного направления и практической системы действий по обеспечению рациональной организации труда [12, с. 256]. В начале XX в. западный мир приходит к становлению сначала эмпирического, а затем и научного менеджмента.

В условиях господства научной рациональности получают развитие модели управления, построенные на принципах научного знания. К числу таких отношений теория рационализации Тейлора.

В классической рациональности, ориентирующейся на принципы и законы науки, на научный разум и техники, управление рассматривается в соответствии с позицией рационализма, характерного для своей эпохи.

Основная заслуга Тейлора заключается в совершенствовании процессов труда, учитывая технический фактор. Он экспериментально доказал роль группового взаимодействия в организации. Вывод Тейлора состоял в том, что правильное управление людьми составляет ключевой вопрос развития хозяйства.

В ряде классической рациональной традиции формировалась и административная теория управления А. Файоля. Управление по Файолю – это использование ресурсов предприятия для достижения поставленных целей [13]. Тейлор и Файоль были представителями классической школы научного менеджмента, выражающей традиции отношений господства механики над человеком и приоритет технических факторов.

В начале XX в. Западный мир приходит к становлению сначала эмпирического, а затем и научного менеджмента.

Предпосылками возникновения менеджмента явились развитие рыночных отношений и переход к индустриальному методу производству, появление классического понимания бюрократической си-

стемы управления (М. Вебер) [4], создание теории организации на основе системного подхода (А. Богданов) [2, с. 123].

Понятие *управление* во многих источниках отождествляется с таким понятием, как *менеджмент*. Менеджмент – это особый тип управления, который в наибольшей степени отвечает потребностям и условиям рыночной экономики, это наука об управлении, совокупность методов, приёмов, функций, принципов управления, которые применяются менеджером в рамках организации, как правило, в экономической сфере, в то время как управление – это социальный процесс, охватывающий все сферы общественной жизни.

Одним из первых основателей философии менеджмента (в западной управленческой мысли) является П. Друкер [6, с. 22–23]. Он провёл разграничение между менеджментом и управлением. Согласно его теории, управление распространяется на все социальные системы, в то время как менеджмент – только на экономическую систему.

Таким образом, в рамках административной и научной школы управления роли человеческого фактора отводилась второстепенная роль. Однако по мере развития производства, роста благосостояния работников, увеличения на предприятиях высококвалифицированных кадров, теории научного и административного управления утрачивают свою актуальность. На смену научной и административной школы приходят «бихевиористская школа» и «школа человеческих отношений».

«Школа человеческих отношений» заложила основы философии управления, включая в себя гуманистический подход, противоположный подходу Тейлора и Файоля. Новый тип управления начал складываться под влиянием усложнения коммуникативной среды производства, которое последовало за внедрением технических инноваций.

Согласно Э. Мейо [3], эффективность управления определялась неформальной структурой и прежде всего малой группой, взаимодействием людей и общим контро-

лем, самодисциплиной, возможностями творческого роста, демократическим стилем руководства.

Таким образом, «школа человеческих отношений» появилась в ответ на неспособность классической школы осознать человеческий фактор в качестве основного элемента организации и управления.

Согласно А. И. Пригожину [10], в открытом мире теоретические знания и практическая мудрость нуждаются друг в друге. Это означает переход от функционального менеджмента к социально ориентированному. К таким гуманизированным теориям управления следует отнести иерархическую теорию потребностей (А. Маслоу) [8, с. 77–105], теорию мотивации (Ф. Герцберга) [7, с. 115], теорию стилей руководства (Д. Макгрегора) [9, с. 436] и др.

Все эти школы формируют психологическое направление. В отличие от «школы человеческих отношений», бихевиористская школа особое внимание уделяла вопросам производства, практики управления, морально-психологическому поведению, стимулированию труда.

Пятая школа менеджмента – это количественная школа, которая возникла благодаря развитию математики, кибернетики и других, смежных с ними областей знаний. Представителем школы количественных методов был Р. Акофф [1], который использовал экономико-математические методы, информационные технологии в изучении проблем управления, развивая теорию эволюционного менеджмента.

Научный потенциал развития управленческих школ создал условия для влияния философии на управление и формирования практической философии – философии управления.

Результаты исследования

Широкомасштабное внедрение новых типов управления стало возможным только во второй половине XX в., когда развитие технологий стало стимулом использования всех производственных возможностей человека. Проанализируем

основные предпосылки становления философии управления как практической философии.

Новый статус работника с учётом глобализационных информационных условий в производственной сфере определяет переход к такой философии управленческого мышления и социокультурным стандартам труда, при которых приоритет переходит от функционального менеджмента к социальному.

Социальный менеджмент позволяет повысить эффективность труда за счёт человеческих ресурсов, энергии и творческого энтузиазма. При нём человеческая социальная составляющая управления становится всё более актуальной, т. к. должна быть направлена на получение результата при принятии управленческих решений.

Дальнейшее развитие управленческих технологий осуществляется в направлении поиска механизмов согласования функционального и социального статуса работников, что связано с внедрением социальных подходов и формированием нового подхода в управлении.

Управление должно учитывать культуру, традиции и менталитет народа, специфику восприятия окружающей действительности. Культурный аспект процесса управления позволяет не только более точно осознавать и воспринимать членами организации цели управления, но и объединяться для решения поставленных задач, что является актуальным для современной экономики. В этих условиях должно формироваться управленческое сознание, которое впоследствии будет определять предмет философии управления.

Основная практическая составляющая управленческого сознания менеджеров – это способность субъекта и объекта не только преобразовывать сложные системы, которые находятся в состоянии динамической неустойчивости, но и вырабатывать эффективные управленческие решения.

Субстратный подход в определении управленческого сознания направлен на знания в сфере управления, управленческие ценности (ценность организации, на-

целенность на эффективность принятия решений), идеи, которые помогут менеджерам не просто самоорганизовываться и самоприспосабливаться к среде, но и изменять среду.

Согласно философским основам теории самоорганизации, управление представляет собой ключевой компонент функционирования и развития любой социальной организации, которая может стремиться к неопределённости и кризисам. В этих условиях очень важны процессы планирования, организации, руководства и контроля совместной деятельности как коллективных, так и индивидуальных действий по достижению целей посредством использования ресурсов. В дополнение к названным функциям стоит отнести **информационную функцию**, т. к. процессы глобализации и информатизации привели к значимым изменениям в целях, задачах, методах и функциях управления.

В современных условиях одним из значимых инструментов глобализации являются информационные технологии и формируемая эффективно развивающаяся с их помощью информационная среда предприятия, создающая условия для повышения конкурентоспособности.

Именно единая информационная среда обеспечивает единство всех видов деятельности организации и служит фундаментом корпоративной системы управления, т. е. она обеспечивает развитие горизонтальных информационных связей между различными подразделениями, а именно между субъектом управления как носителем управленческого сознания и объектом с целью достижения поставленных целей и задач в управлении.

Научная значимость. Понятие управления, как и сама теория управления, является результатом синтеза знаний из различных наук, имеющих дело с системами управления, а с другой стороны это понятие является важным средством интеграции и синтеза научного знания. В результате этого «управленческая парадигма» представляет собой определённый стиль мышления – общенаучный подход, который открывает

возможность использования общенаучных концепций, методов и методик к многообразным задачам управления.

Управление как социальный институт и жизнедеятельность социума создаёт определённую философию. Эта философия задаёт социальный смысл, предназначение, цели и средства, а также принципы и нормы управленческих практик.

Таким образом, в современной действительности процессы управления затрагивают все сферы социальной жизни человека и анализируются с позиций различных наук. Можно с уверенностью сказать, что наука управления, как и любая отрасль знания, требует философского обоснования.

Заключение

В ходе проведённого исследования можно заключить, что основными предпосылками становления философии управления являются:

1) научные школы управления, которые заложили основы управления как практической деятельности;

2) формирование социального менеджмента, где важная роль отводится управленческому сознанию – способности не только преобразовывать сложные социальные системы, но и вырабатывать эффективные модели управленческих решений.

Социальная нестабильность, вызванная глобальными процессами, является неотъемлемым атрибутом управленческой ситуации (по теории самоорганизации). Поэтому основу философии управления как практической философии составляют рациональный подход к принятию решений (управленческое сознание менеджеров) и информация (информационная функция) как носитель знаний.

Статья поступила в редакцию 21.02.2024.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акофф Р. Планирование будущего корпораций / под ред. В. И. Данилова-Данильяна. М.: Прогресс, 1985. 327 с.
2. Богданов А. А. Тектология: всеобщая организационная наука. М.: Ленанд, 2019. 679 с.
3. Бурганова Л. А. Теория управления Э. Мейо. Казань: КГТУ, 2007. 159 с.
4. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии / пер. В. А. Брун-Цеховой. М.: Высшая школа экономики, 2016. 444 с.
5. Диев В. С. Философия управления в мире неопределённости и риска // Сибирский философский журнал. 2022. № 20 (1). С. 5–14.
6. Друкер П. Задачи менеджмента в XXI в. / пер. Н. М. Макаровой. М.: Вильямс, 2007. 276 с.
7. Костенко Е. П. Особенности управленческой концепции Ф. Герцберга // Terra Economicus. 2012. № 2. С. 115–119.
8. Маслоу А. Теория человеческой мотивации / пер. А. М. Татлыбаевой. СПб.: Евразия, 1999. 479 с.
9. Митрофанова И. В. Мотивация и стимулирование труда: эволюция концептуально-методологических подходов // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2019. № 1–1. С. 436–451.
10. Пригожин А. И. Социология организаций. М.: Ленанд, 2015. 255 с.
11. Савкин Н. С. Прикладная философия. Саранск: Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарёва, 2011. 112 с.
12. Тейлор Ф. Научная организация труда / пер. А. И. Зака // Управление – это наука и искусство: сборник / сост. Г. Л. Подвойский. М.: Республика, 1992. С. 224–305.
13. Файоль А. Общее и промышленное управление / пер. А. И. Зака // Управление – это наука и искусство: сборник / сост. Г. Л. Подвойский. М.: Республика, 1992. С. 9–84.
14. Birukov A. Theoretical and Philosophical Approaches of Russian Management thought to the Correlation of Occupational Reasonability and Human Factor [Электронный ресурс] // Solovyov Historical and Philosophical Readings. Russian and Foreign Experience in the System of Humanities Education: History, Modernity, Prospects: SHS Web of Conferences 2021. Vol. 103. URL: https://www.shs-conferences.org/articles/shsconf/abs/2021/14/shsconf_shpr2021_01003/shsconf_shpr2021_01003.html (дата обращения: 10.03.2024).
15. Gevorgyan A. A Theoretical – Practical Analysis of Psychological Aspect of Human Resources Management // Wisdom. 2020. № 1 (14). P. 98–104.

REFERENCES

1. Ackoff R. Creating the Corporate Future: Plan or be Planned for (Rus. ed.: Danilov-Danilyan V. I., ed. *Planirovanie budushchego korporacij*. Moscow, Progress Publ., 1985. 327 p.).
2. Bogdanov A. A. *Tektologiya: vseobshchaya organizacionnaya nauka* [Tectology: A General Organizational Science]. Moscow, Lenand Publ., 2019. 679 p.
3. Burganova L. A. *Teoriya upravleniya E. Mejo* [Control Theory by E. Mayo]. Kazan, KGTU Publ., 2007. 159 p.
4. Weber M. *Wirtschaft Und Gesellschaft. Grundriss Der Verstehenden Soziologie* (Rus. ed.: Brun-Cekhova V. A., transl. *Hozyajstvo i obshchestvo: ocherki ponimayushchej sociologii*. Moscow, Vysshaya shkola ekonomiki Publ., 2016. 444 p.).
5. Diev V. S. [Philosophy of Management in a World of Uncertainty and Risk]. In: *Sibirskij filosofskij zhurnal* [Siberian Journal of Philosophy], 2022, no. 20 (1), pp. 5–14
6. Drucker P. Management Challenges for the 21st Century (Rus. ed.: Makarova N. M., transl. *Zadachi menedzhmenta v XXI v.* Moscow, Vil'yams Publ., 2007. 276 p.).
7. Kostenko E. P. [Features of the Concept of Management by F. Herzberg: Problem of Interaction in Services]. In: *Terra Economicus*, 2012, no. 2, pp. 115–119.
8. Maslow A. A Theory of Human Motivation (Rus. ed.: Tatlybaeva A. M., transl. *Teoriya chelovecheskoj motivacii*. St. Petersburg, Evraziya Publ., 1999. 479 p.).
9. Mitrofanova I. V. [Motivation and Stimulation of Labor: The Evolution of Conceptual and Methodological Approaches]. In: *Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra* [Economics: Yesterday, Today and Tomorrow], 2019, no. 1–1, pp. 436–451
10. Prigozhin A. I. *Sociologiya organizacij* [Sociology of Organizations]. Moscow, Lenand Publ., 2015. 255 p.
11. Savkin N. S. *Prikladnaya filosofiya* [Applied Philosophy]. Saransk, Mordovian State University named after N. P. Ogarev Publ., 2011. 112 p.
12. Taylor F. Scientific Management (Rus. ed.: Zak A. I., transl. *Nauchnaya organizaciya truda*. In: *Upravlenie – eto nauka i iskusstvo* [Management is a Science and an Art]. Moscow, Respublika Publ., 1992, pp. 224–305.
13. Fayol H. General and Industrial Management (Rus. ed.: Zak A. I., transl. *Obshchee i promyshlennoe upravlenie* In: *Upravlenie – eto nauka i iskusstvo* [Management is a Science and an Art]. Moscow, Respublika Publ., 1992, pp. 9–84).
14. Birukov A. Theoretical and Philosophical Approaches of Russian Management thought to the Correlation of Occupational Reasonability and Human Factor. In: *Solovyov Historical and Philosophical Readings. Russian and Foreign Experience in the System of Humanities Education: History, Modernity, Prospects: SHS Web of Conferences 2021*. Vol. 103. Available at: https://www.shs-conferences.org/articles/shsconf/abs/2021/14/shsconf_shpr2021_01003/shsconf_shpr2021_01003.html (accessed: 10.03.2024).
15. Gevorgyan A. A Theoretical – Practical Analysis of Psychological Aspect of Human Resources Management. In: *Wisdom*, 2020, no. 1 (14), pp. 98–104.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Арутюнян Каринэ Сергеевна – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры истории, философии и права Рязанского государственного радиотехнического университета им. В. Ф. Уткина;
e-mail: carin-dop@yandex.ru

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Karine S. Harutyunyan – Cand. Sci. (Philosophy), Assoc. Prof., Assoc. Prof., Department of History, Philosophy and Law, Ryazan State Radio Engineering University named after V. F. Utkina;
e-mail: carin-dop@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Арутюнян К. С. Роль научных школ управления как основы становления философии управления (социально-философский анализ) // Современные философские исследования. 2024. № 2. С. 57–63.
DOI: 10.18384/2949-5148-2024-2-57-63

FOR CITATION

Harutyunyan K. S. The Role of Scientific Schools in Management as a Basis for Management Philosophy Establishment (Social and Philosophical Analysis). In: *Contemporary Philosophical Research*, 2024, no. 2, pp. 57–63.
DOI: 10.18384/2949-5148-2024-2-57-63

УДК 008. 316.722. 572.026

DOI: 10.18384/2949-5148-2024-2-64-75

ЛОГИКА СМЫСЛА РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ

Бондарева Я. В.¹, Ильинская С. Г.²¹Государственный университет просвещения

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

²Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте
Российской Федерации

119571, г. Москва, пр-т Вернадского, д. 82, стр. 1, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Выделить сущность логики смысла российской цивилизационной традиции в сопоставлении с логикой смысла западной цивилизации.

Процедура и методы. Исследование выполнено в рамках локально-цивилизационного подхода с применением сравнительно-сопоставительного и герменевтического методов, а также образно-логического моделирования.

Результаты. Полученные результаты могут послужить основанием для понимания российской логики смысла, её склонности к холистическому типу мышления, имманентному включению аксиологической составляющей, возможности сосуществования одновременно нескольких «истин» и «картин мира» и другим особенностям. Различия в восприятии обусловлены целостностью (в противовес западной атомарности) восприятия и принципиально несхожими типами рациональности. Специфика типа мышления, сформировавшегося в рамках российской цивилизации, обусловлена тем, что присущие ему характеристики не ограничиваются чистой рассудочностью, сохраняя иррациональную компоненту.

Теоретическая и/или практическая значимость. Выделенные особенности российской логики смысла (в сравнении с западной) объясняют, почему для Запада встреча с Иным воспринимается как встреча с «чужим», имплицитно несёт в себе конфликтность и соревновательность, а мир видится как арена борьбы, что рождает метафоры «конflikта цивилизаций», «войны миров» и т. п. В то время как для российской логики смысла Иной – это «другой» (или «ближний»), что непосредственно связано со спецификой православия и понятием соборности.

Ключевые слова: атомарность, Запад, онтологичность, Российская цивилизация, соборность, тип рациональности, целостность

THE LOGIC OF THE MEANING OF RUSSIAN CIVILIZATION THROUGH THE PRISM OF RUSSIAN PHILOSOPHY

Ya. Bondareva¹, S. Ilinskaya²

Federal State University of Education

ul. Very Voloshinoy 24, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

prosp. Vernadsky 82/1, Moscow 119571, Russian Federation

Abstract

Aim. To highlight the essence of the logic of the meaning of the Russian civilizational tradition in comparison with the logic of the meaning of Western civilization.

Methodology. The study was carried out within the framework of a local civilizational approach, using comparative and hermeneutic methods, as well as figurative and logical modeling.

© CC BY Бондарева Я. В., Ильинская С. Г., 2024.

Results. The results obtained can serve as a basis for understanding the Russian logic of meaning, its tendency to a holistic type of thinking, the immanent inclusion of an axiological component, the possibility of coexistence of several “truths” and “world views” at the same time, etc. features. Differences in perception are due to integrity versus atomicity of perception and fundamentally dissimilar types of rationality. The specificity of the type of thinking formed within the framework of Russian civilization is due to the fact that its inherent characteristics are not limited to pure rationality, while maintaining an irrational component.

Research implications. The highlighted specifics of Russian logic of meaning (in comparison to the Western one) explain that for the Western tradition, meeting with the Other implicitly carries conflict and competition, and the metaphors “conflict of civilizations”, “war of the worlds”, etc. In Russian logic of the meaning the Other is “neighbor” which is directly related to the specifics of Orthodoxy and the concept of conciliarity.

Keywords: atomicity, West, ontology, Russian civilization, conciliarity, type of rationality, integrity

Введение

В 2011–2012 гг. в официальных речах первого лица российского государства и Патриарха РПЦ появляется словосочетание «российская цивилизация», страна медленно начинает переориентироваться от парадигмы существования в рамках нации-государства к модели государства-цивилизации. Данный концепт появился ещё в 1990-е гг. в работах некоторых теоретиков (например, Л. Пая [19]) в связи с крахом биполярной системы, однако активно использоваться стал лишь на рубеже тысячелетий в основном китайскими (например, Ч. Вейвень [20]) и индийскими (например, Р. Кумар [18]) авторами. Через 150 лет после выхода работы родоначальника локально-цивилизационного подхода Н. Я. Данилевского «Россия и Европа» [4] была, наконец, осознана справедливость её основных положений. В 2022 г., с момента начала СВО как фазы открытого противостояния с Западом, этот вектор самоидентификации становится определяющим. Однако существование в логике самобытного государства-цивилизации предполагает аутентичное философствование и вообще аутентичный собственной логике культуры тип развития. Для того, чтобы точнее его определить, стартует проект «ДНК России», в котором ключевые положения «своего пути», вводимого курса «Основы российской государственности», точек актуализации программ всего социо-гуманитарного блока дисциплин

определяются в буквальном смысле «всем миром». Для участия в проекте привлекается огромное количество экспертов и преподавателей высшей школы. В напряжённом режиме (путём еженедельных заседаний) работает «Гуманитарный реактор» – дискуссионная площадка на базе РАНХиГС под руководством проректора А. В. Полосина. Функционирует около десятка учебно-методических центров, которые проводят рекордное количество мероприятий, где в полном смысле этого слова *соборно* определяется содержательное наполнение российской самобытности. После 30 лет очарования Западом, когда российские интеллектуалы, говоря словами В. В. Зеньковского, буквально находились «в плену» универалистских концепций, начинается работа по определению *своего пути*.

Россия как общественное и государственно-цивилизационное образование в ходе своей истории сформировала уникальный и самобытный синтез ценностей, имеющих существенные особенности по сравнению со странами Западной Европы и США, принадлежащими к западной цивилизации [13, с. 15]. В российских исследованиях и литературе мир не случайно мыслится как «мир цивилизаций» (Валерия Спиридонова [15] и др.), а в западной как «конфликт цивилизаций» (Сэмюэль Хантингтон) или «война миров» (Герберт Уэллс), поскольку в основу межкультурной коммуникации за-

кладываются принципиально различные типы рациональности.

Сравнительный анализ западного и арабо-мусульманского типов мышления как субстанционального и процессуального осуществил академик А. В. Смирнов в целом ряде работ (например, [14]). Эта градация хорошо работает именно при сравнении этих двух типов.

Западный и российский типы рациональности: ключевые отличия

При сравнении западного и российского типов мышления в самых общих чертах западный тип можно определить как гносеологический и номиналистический, а тот, что присущ российской логике смысла, как онтологический и холистический.

Запад, по свидетельству В. В. Зеньковского, «сознавал себя наследником античной философии» [6, с. 18], будучи связан с нею «языком церкви» и обладая готовой философской терминологией, впал в заблуждение, согласно которому «основной частью философии является учение о познании» [6, с. 19]. Тогда как «у философии не один, а несколько корней», поскольку она «есть там, где есть искание единства духовной жизни на путях её рационализации» [6, с. 19]. Различные формы опыта, как чувственного, так и нечувственного (морального, эстетического, религиозного), ставят вопросы перед человеческой мыслью и требуют их философского разрешения.

Тип рациональности, характерный для цивилизации Запада, имеющий в своей основе западноевропейскую историю, ставший теперь атлантическим (или евро-американским), действительно «базируется на убеждённости в избранности человека благодаря его способности постигать общее в мире через слова, термины, понятия, с помощью которых идёт передача знаний об окружающем мире. Факт онтологической обусловленности рациональности в данном типе мышления “забывается”, а сам мир видится несовершенным по сравнению с теми концептуальными образами,

которые создаёт человек. Этот “несовершенный” мир воспринимается как объект для переустройства в лучшую сторону. Аксиологическая составляющая мышления, в связи с этим, приобретает специфическую направленность. Нравственные и эстетические добродетели непосредственно увязываются с практической полезностью и применимостью¹. Примерами могут служить моральная философия Д. Юма, утилитаризм И. Бентама, Дж. Ст. Милля и др.

В качестве ключевых особенностей русской философии как основы российской типа рациональности А. Ф. Лосев выделял онтологичность и соборность, имея ввиду «социальность как глубочайшее основание всей действительности», «общее животрепещущее социальное тело», требующее от отдельной личности «общественного подвижничества», с традиционной нелюбовью «ко всякому отвлечённому построению» [9, с. 510–511]. Первое качество в какой-то степени роднит российское мировосприятие с философскими системами Востока, которые чаще всего отвергают мысль о переустройстве мира, поскольку полагают, что космосу с момента возникновения изначально присуща гармония. Человек – лишь частица мироздания, поэтому его главная задача (с точки зрения большинства восточных философских систем) – не нарушать наличного совершенства. Способность к рациональному мышлению в таких системах не является доминирующей, поскольку в них присутствует понимание, что слово не может в полной мере выразить мысль. Одна из основных интенций, например, «практики Дао – это знание вещей напрямую, без рассуждений, “знание без слов”. Целостность мысли способствовала нерасчленённости на Востоке науки, религии, философии и литературы², в то время как особенности западноевропейского типа рациональности способствовали развитию интереса к

¹ Леонтьева Е. Ю. Рациональность и её типы: генезис и эволюция: учебное пособие. Воронеж: МОДЭК, 2006. С. 49.

² Там же. С. 51.

исследованиям логических и методологических законов мышления. В Древнем Китае не было слова «индивид» в западном понимании, был только «человек» как «не-что неделимое», являвшееся неотъемлемой частью «великой целостности» и исходной субстанцией для построения общества. И сегодня в Китае человек обязательно включён в целостную систему отношений и невозможен вне её, не являясь при этом индивидом в строгом смысле слова [16].

Самобытная русская культура, православная в своей основе, опиралась на единство откровения и умознания. Познание в данной традиции – это не логически непротиворечивое теоретизирование, а опытная деятельность, основанная на восприятии особого рода – «сердечных чувств». Оно исходит из цельности человеческой личности и в силу этого содержит в себе этическое отношение, оценку и практику [12]. Принцип единства веры и знания получил в русской религиозной философии обоснование ещё в Средневековье как «прозрение» с выделением руководящей и организующей роли веры в tandem с «разумом». Традиция опытно-мистического познания укрепились на Руси со времени распространения идей исихазма и воплотилась в особой его форме – «философии сердца». Методами «сердечного» богословия служили: «видения» Сергия Радонежского, «умная» молитва Нила Сорского, теоретическое развитие исихазма в сочинениях Артемия Троицкого, Максима Грека, Паисия Величковского, священное безмолвие, аскетический подвиг [11].

Когда, согласно В. В. Зеньковскому, в России начала просыпаться философская мысль, она нашла рядом с собой – на Западе – активную философскую жизнь. Поэтому русская философия, сохраняя взаимосвязь с собственной религиозной стихией, была стеснена тем, что «находили русские люди на Западе», целыми поколениями попадая в его интеллектуальный «плен» [6, с. 18]. Тем не менее, Зеньковский выделяет такие характерные особенности русской философии, как её онтологизм и антропо-

центризм, историософичность и нацеленность на идеал «целостности» (или синтетического единства) [6, с. 21–23]. Теория познания в русской философии «отодвигается» на второстепенное место, тогда как доминирующими являются темы судьбы и путей человека, смысла и целей истории.

Алексей Лосев полагал, что расцвет номинализма и вера в механистическое мышление одновременно означают «падение философии» [9, с. 380] на Западе, особенно выделяя в этом отношении противопоставление веры и знания у У. Оккама. Данные тенденции неразрывно связаны с теориями Нового времени, в особенности родившимися на британской почве. Николай Данилевский также обращал внимание на то, что: политическая теория Томаса Гоббса, в основе которой лежит допущение о том, что люди в «естественном состоянии» находятся в положении «войны всех против всех»; экономическая теория Адама Смита, опирающаяся на постулат о конкурентной борьбе; естественно-научная теория Чарльза Дарвина о происхождении видов, базирующаяся на непрерывной борьбе за существование¹, – «односторонни и носят на себе тот же характер преувеличения, как преувеличена их основа в английском народном характере» [4, с. 149]. За сто лет до Томаса Куна Данилевским был подробно рассмотрен процесс накопления знаний в науке вплоть до критического состояния, когда происходит научная революция и одна парадигма вынужденно сменяется другой [4, с. 150–165]. Переходя от естественно-научного знания к наукам общественным, Николай Яковлевич категорически отрицал возможность теоретической «политики» или «экономики», поскольку теории, обогатившие данные науки, несут на себе слишком сильный отпечаток «морфологического начала» породившего их общества. В этом вопросе с Данилевским сложно спорить. Действительно, западные политические и экономические теории Нового времени в массе своей исходят из того, что

¹ В то время как П. А. Кропоткин пишет работу «Взаимопомощь как фактор эволюции».

человек – это атомарный индивидуалист и рациональный эгоист, поэтому ищут более или менее совершенную «механику» обуздания его хищнической природы с помощью правовых инструментов или согласовательных процедур. В то время как соборный принцип принятия решений, принятый в русской традиции, также является демократическим, только принцип такой демократии – иной. Он не навязывает всему обществу «волю большинства», как в западном мире, опираясь вместо принципа «один человек – один голос» на коллегиальный механизм, который даёт в итоге приемлемое для общества решение. И некое приближение к данному принципу западные демократии гораздо позднее попытались внедрить путём принятия решений большинством голосов при учёте мнения и интересов меньшинства.

Российская логика смысла через призму русской религиозной философии

Для характеристики типа рациональности, присущего российской логике смысла, мы обратимся, прежде всего, к взглядам А. С. Хомякова, который «был главой всей группы» старших славянофилов, «её вдохновителем и главным деятелем» [6, с. 181], а также «самого сильного философского ума первой половины XIX в.» [6, с. 27] И. В. Киреевского, в продолжение и развитие статей которого писал свои работы Хомяков, поскольку ключевая идея для творчества обоих мыслителей – пересмотр всей системы культуры, «построение цельного мировоззрения» [6, с. 205], т. е. обоснование философского фундамента с опорой на православное сознание.

По мнению А. С. Хомякова, онтологичность и цельность православного мышления – результат единства Церкви, понимаемого как «единство многочисленных членов в теле живом» [17, с. 5]. Новаторство Хомякова в подходе к проблеме единства заключается в том, что он философски переосмысливает принцип соборности и церковности, придавая им

онтологический и гносеологический статус. Церковь трактуется им не как коллектив единоверцев, но как многоипостасный «духовный организм», целостная духоносная реальность. При этом под внутренней сущностью церковности понимается соборность как её человеческая составляющая. Хомяков решительно поддерживает примат социального целого (прежде всего, русскую общину) и отвергает изолирующий отдельную личность индивидуализм. Идеал социальной жизни заключён для него в Церкви, единство которой опирается на свободный выбор на основе любви.

В теории познания Хомяков (не без влияния Киреевского) пришёл к учению о «живом знании», в котором познание истины не является функцией индивидуального сознания, будучи вверено Церкви. Познавательный процесс, по Хомякову, начинается в вере, воспринимающей реальные данные и передающей их на разбор рассудка. Эти первичные данные (жизненное сознание) предшествуют логическому сознанию и не нуждаются в доказательствах и доводах. В совокупности с рассудком «живое знание» составляет «всецелый разум». Первичность веры не позволяет разуму отделиться от моральной сферы, а отсутствие разделения субъекта познания и познаваемой действительности обеспечивает онтологичность «цельного разума».

Несмотря на отсутствие богословского и философского осмысления соборности и церковности до XIX в., церковная жизнь на Руси особенно со времён Сергия Радонежского была пронизана соборными началами. Вопрос о единстве мира решался через образ Святой Руси, понимаемой как центр его, в котором отражён мир в целом. В противоположность привычному для Средневековья термину «христианский мир» как совокупности всех христианских стран и народов, объединённых под властью императора и Папы, Святая Русь являла собой категорию не национального и географического, а скорее космического и метафизического плана [2].

Текущий момент в западной культуре, пришедшей вследствие крайней степени

развития номиналистической парадигмы в точку самоотрицания культурной традиции (являющейся коллективным достоянием, невозможным в отсутствие идеала), был предвосхищён задолго до настоящих событий. Так, А. Ф. Лосев, слушая тетралогии Рихарда Вагнера «Кольцо Нибелунга» ещё перед Первой мировой войной, осознал, что «та культура, перед которой нас учили с малолетства преклоняться, обречена, дни её сочтены» [9, с. 505]. Причины утраты европейским рационализмом присущей эллинскому мышлению цельности А. С. Хомяков анализирует через рассмотрение череды церковных расколов на Западе, приходя к выводу, что «слово *протестант* не определяет ничего» [17, с. 35].

Первым еретиком, выступившим против «догмата церковного единства» [17, с. 76], первым раскольников, нарушившим единство Церкви, по мнению А. С. Хомякова, стал сам Римский престол: «романизм, в самый момент своего происхождения, заявил себя протестантством» [17, с. 41], поставив себя над Церквями Востока, тем самым проложив путь дальнейшему нескончаемому дроблению целостности, поскольку в данном акте частное мнение было поставлено выше авторитета вселенской Церкви. Хомяков неопровержимо доказывает, что римляне – «рационалисты во всех своих верованиях» и «протестанты с первой минуты своего отпадения», что именно «Рим разорвал всякую связь между познанием и внутренним совершенством», «пустил разум на волю», «гордясь независимостью логического самоопределения» и пролагая дорогу духу «утилитарного рационализма» [17, с. 44–45]. Ущербность мышления, отдавшего, словами Ивана Киреевского, преимущество отвлечённому силлогизму перед Святым Писанием (т. е. основанного на общих посылах, но в отсутствие нормативности приводящего к различным выводам), убедительно представлена в рассуждениях Алексея Хомякова, собранных авторами статьи в таблице 1, составленной на основе первоисточника [17, с. 45].

Таблица 1 / Table 1

**Радикализация самоотрицания в случае мышления посредством силлогизмов /
Radicalization of self-denial in the case of thinking through syllogisms**

Ключевые положения	Римско-католическая церковь («Папство»)	Протестантизм
Молитва за усопших	Церковь молится за усопших, но эта молитва была бы бесполезна, если бы не было промежуточного состояния между раем и адом, следовательно, есть чистилище.	Нет следов чистилища ни в Священном Писании, ни в первобытной Церкви, следовательно бесполезно молиться за усопших.
Заступничество святых	Церковь обращается к заступничеству святых, следовательно, оно полезно и восполняет заслуги молитвы.	Удовлетворение за грехи кровию Христа, усвояемое верою в крещении и молитве, достаточно для искупления человека, следовательно, ходатайство святых бесполезно, следовательно, незачем обращаться к ним с молитвами.
Полезность дел	Вера, по свидетельству апостола Иакова, недостаточна, следовательно, дела полезны.	Одна вера спасает, по свидетельству апостола Павла, а дела бесполезны.

Мы видим, как вначале католический разум присваивает себе право судить о недоступных его пониманию вещах и путём логических умопостроений делает выводы о существовании того, о чём нет свидетельства в Священном Писании (наличии чистилища, возможности заступничества святых, полезности земных дел), затем протестантский разум, тем же самым способом, но уже обращаясь к первоисточнику, опровергает данные выводы.

В то время как в русской философии существовало отличное от западного понимание рациональности, которое, не будучи оформлено концептуально, присутствовало в теоретических построениях самобытников. Для отечественных мыслителей представлялось очевидным, что мир, единый в своей сути, нельзя изучать путём разложения на составные части. Принцип цельности заимствуется ими у отцов церкви, поскольку русская философия была неразрывно связана с православием. Поэтому взгляды аутентичных русских философов представляли собой целостные (в восприятии и познании) системы, тесно связанные с онтологической обусловленностью нашей способности видеть и постигать объективно общее. Наиболее ярко эта особенность проявилась в работах, посвящённых критике западного рационализма. У Ивана Киреевского вера и религиозный опыт являются составной частью рационального мышления, Владимир Соловьёв указывает на религиозный опыт наряду с разумом, Семён Франк подчёркивает, что рациональное познание не исчерпывает всей сущности человеческого разума [2].

Если для Хомякова центральным понятием являлось понятие Церкви, то для Киреевского таковым стало понятие духовной жизни. Недостаток в вере, уклонение вероучения от его первоначальной чистоты побудило Запад, по его мнению, искать опору в отвлечённом мышлении. Для обеспечения единства при этом пришлось уповать на внешний авторитет церкви и прибегать к схоластическим толкованиям её иерархов. Это с неизбежностью привело к Реформации, с ещё большим упованием

на индивидуальный «рассудочный» разум, благодаря чему «философия, возбуждённая протестантизмом», вынужденно ограничивалась «областью разума логического» [8, с. 20]. Родившись в протестантских землях, рациональная философия распространилась на католические, заменив прежнее единомыслие веры «единомыслием отвлечённого разума» [8, с. 23].

По Киреевскому, философия – это не вера и не одна из наук, а «общий итог и общее основание всех наук и проводник мысли между ними и верою» [8, с. 53]. То понятие о разуме, которое утвердилось в новейшей в его время философской шеллинго-гегельянской системе, не могло претендовать, по мнению Киреевского, на «высшую познавательную способность», поскольку ограничивает истину той стороной познаваемости, которая доступна отвлечённо-рациональному способу познания [8, с. 59]. Вследствие своей претензии на возможность обладания высшей истиной философия постоянно вынуждена менять свои формы, называя прежнее своё состояние рассудочным, а новое – разумным. При этом постепенно происходит распад духовной цельности, вызванный автономией разума, утрата взаимодействия с бытием, живой связи с реальностью, поскольку логическое мышление приобретает самостоятельный статус.

Российская логика смысла через призму многозначной логики

Наука, как известно, обязана своим выделением в отдельную сферу возникновению научного доказательства. Феномен науки выделился в Древней Греции благодаря развитию в ней прямой (непосредственной) демократии, точнее, той её особенности, что принятие решений было связано с необходимостью убеждения других людей в их правильности. Эта черта демократической процедуры трансформировалась в научное доказательство, базирующееся на логически непротиворечиво сформулированных утверждениях.

Киреевский находил параллели между логической системой Аристотеля и Гегелевской диалектикой, которая отличается, на его взгляд, лишь «полнотой систематического развития» [8, с. 25]. При этом система Аристотеля «разорвала цельность умственного самосознания», ограничившись «логической деятельностью ума», поскольку добродетель в ней не требовала «высшей сферы бытия», а «состояла в отыскании золотой середины между порочными крайностями», что действовало «разрушительно на нравственное достоинство человека», не давая подняться «выше его личных интересов» [8, с. 32].

Помимо той работы, которую провели старшие славянофилы на пути обоснования органичного сочетания веры с рациональным мышлением, данные идеи развивались и позднее. С. Л. Франк доказывал необходимость апофатического познания «непостижимого» через особое, сверхлогическое преодоление самой категориальной формы земного бытия, которое становится возможным только путём выхода за пределы принципа противоречия, т. е. несогласуемости утвердительных и отрицательных суждений, П. А. Флоренский развивал учение о «целокупной символической реальности», где нет ни чистого бытия, ни чистого мышления, но всё есть единый символ, чувственно выраженный в Космосе и охватывающий все сферы эмпирического бытия. А. Ф. Лосев сформулировал учение о «символической концепции сущности» в рамках своей «философии имени», Н. А. Бердяев рассматривал творчество как разновидность религиозного опыта [2] и мн. др.

Таким образом, русская философия исходила из понимания мира как живого целого, единства в многообразии, воспринимаемого как проекция Божественного Единства, с энергичным присутствием божественного начала. У В. С. Соловьева «положительное всеединство» приобрело всеохватывающее значение, в нём единое существует «в пользу всех», проявляясь в многообразных качествах. В послереволюционный и эмигрантский этапы

оригинальные идеи были привнесены в разработку этих принципов в концепциях П. А. Флоренского, С. Н. Булгакова, В. В. Розанова, Н. А. Бердяева. Органичное понимание церкви, выраженное в соборности, по Бердяеву, снимает антиномию индивидуализма и церковного авторитета. Свобода понимается как условие соборности: только добровольное (свободное) вхождение в «церковную ограду» делает церковь не внешним авторитетом, а соборным началом [2].

Ярким примером того, что прозрения Хомякова и Киреевского в отношении западного мышления оказались пророческими, в настоящее время является аналитическая философия – верш западного рационализма и продолжательница не самых лучших традиций схоластики.

Онтологический тип рациональности (не исключая сферу иррационального), понимание того, что мир больше и сложнее, чем мы о нём думаем, объясняет высокую степень терпимости к Другому, традиционно присущую российской истории. Местоимение-прилагательное «другой» в русском языке образовано от слова «друг», который понимался как «такой же, как и я», «ближний», «равный мне», а в древности – имел значение «сражающийся вместе» (дружина), в то время как в европейской традиции «другой» – это «иной», «ещё один», «прочий» (“another”, “anderer”, “autre”).

Метафизическая иррациональность мышления в российской логике культуры во многом связана с существованием в условиях рискованного, даже авантюрного, земледелия, постоянной необходимости отражения военной агрессии. Эта модель построена не по принципу бинарной оппозиции (истина-ложь, добро-зло), а по принципу допущения третьего, которое может быть охарактеризовано как феномен чуда, «русский авось» и т. п. В языке трансцендентность присутствует (выражается) через двойное отрицание («ничего не»), в категориях «ни там, ни сям» и т. п. В небинарных символах («три дороги»), в парадоксальном выборе («самому погибать,

коня спасти»), в архетипе Преображения. Такого рода отрицания были характерны также и для древнеиндийской философии: «не было ни сущего, ни не-сущего», «не было ни смерти, ни бессмертия» [5, с. 13].

В этом отношении сравнение российского и западного типов рациональности сродни сравнению геометрии Лобачевского и евклидовой геометрии, или же законов квантовой механики и законов Ньютона. По мнению А. Ф. Лосева, «механика Ньютона основана на мифологии нигилизма» и нераздельно связана со специфически новоевропейским учением «о бесконечном прогрессе общества и культуры» [9, с. 31]. Этот вопрос был убедительно обоснован и проиллюстрирован в «Диалектике мифа» на примере того, как вера в механистическое мировоззрение и однородность пространства разрушает, например, веру в оборотней. Однако, борьба «науки» с «мифом», согласно А. Ф. Лосеву, это борьба одной мифологии с другой. «Принцип относительности, говоря о неоднородных пространствах и строя формулы относительно перехода от одного пространства к другому, снова делает мыслимым оборотничество и вообще чудо» [9, с. 33]. Наука всегда мифологична, утверждал Лосев, и страсти вокруг теории относительности – это вековой спор двух мифологий, а выбор между Эйнштейном и Ньютоном – вопрос веры [9, с. 32, 34].

Рационализм в философии – это проявление рассудка, т. е. более низкого уровня мышления, чем разум. Опора только на формальную логику может превратиться в «бегание по кругу» без выхода в онтологию и объективную реальность. В то же время Н. А. Васильев, работая внутри силлогистики Аристотеля, проведя анализ её проблем и используя её внутренние средства, в своей воображаемой логике пошёл гораздо дальше представлений Аристотеля [3]. Он ввёл три типа суждений (положительное, отрицательное и индифферентное), а также дополнительный тип неопределённого суждения (как колебания между двумя возможностями) и сформулировал закон исключённого четвёртого.

Рассмотрим, как многозначная логика, разработанная этим значительно опередившим своё время российским мыслителем более ста лет назад на базе геометрии Лобачевского, переведённая на язык символической и нечёткой логики, отражает принципы российской логики смысла на примере модели включения Иных. Так, в частности, на рисунке 1 показано, почему русско-православная традиция признавала за туземцами право на «их» земли. Это происходило, поскольку в православии все люди – потенциальные братья во Христе не только при обращении, а в принципе – потому что они когда-нибудь могут «прозреть», т. е. принять православную веру. От католической модели её отличает отсутствие формального требования, от протестантской – коллективный, а не индивидуалистический способ включения (подробнее см. [7]).

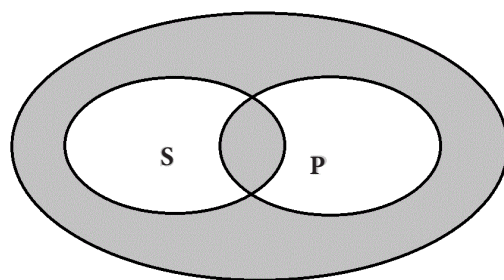


Рис. 1 / Fig. 1. S эквивалентно P там, где они пересекаются, или там, где оба не определены / S is equivalent to P where they intersect, or where both are undefined

Источник: [10, с. 92].

Разработанная уже после смерти Васильева на основе его открытий нечёткая логика ещё яснее демонстрирует принципы вхождения в российскую цивилизацию различных культурных групп: поэтапность, сохранение обычного права, постепенное принятие общецивилизационных норм и ценностей. Нечёткое подмножество – это подмножество элементов, которые имеют одну степень принадлежности. Такие шкалы используют для оценки истинности выражений типа «небольшой», «не очень большой» и т. п. В воображаемой логи-

ке Н. А. Васильева шкалы истинностных значений являются дистрибутивными решётками, а степени принадлежности соответствуют степеням истинности. Если в качестве шкалы принимается отрезок от нуля до единицы, то границы этого отрезка – точки, где нечёткие подмножества становятся чёткими (совершенно не входит, однозначно входит). Во всех иных случаях может быть выражена степень принадлежности (например, степень вхождения в российскую цивилизацию).

Заключение

Для того, чтобы философская мысль находилась «не ниже тех философских форм, которые были в истории», необходимо «уметь использовать все положительные достижения прошлого» и «преодолевать все его отрицательные стороны» [9, с. 496]. По А. Ф. Лосеву, именно история философии должна быть базисом теории познания, помогая понять, «как вырабатывались формы и категории, методы освоения мыслью действительности, методологическая культура» [9, с. 494].

По меткому выражению Н. А. Бердяева, «Русские... мыслят иначе... Русские рассматривают проблемы по существу... Западная душа гораздо более рационализирована, упорядочена, организована разумом цивилизации, чем русская душа, в которой всегда остаётся иррациональный, неорганизованный и неупорядоченный элемент» [1, с. 252–253]. По его же личному признанию, «логика не имела... никогда никакого значения и ничему меня не учила», напротив, для него была характерна «любовь к метафизике». При этом Бердяев

стремился «к погружению в конкретное, к узрению в нём смысла и универсальности» [1, с. 93]. В теории познания Николай Александрович был «против рационализма, который верит в выразимость бытия в понятии, в рациональность бытия» [1, с. 99], полагая, что «рациональный мир с его законами, с его детерминизмом и каузальными связями есть мир вторичный, ... продукт рационализации» [1, с. 101], который раскрывается лишь «рационализированному сознанию».

Обращаясь к «алхимии логики смысла», обоснованной А. В. Смирновым [14, с. 43–52], можно сказать, что русская мысль всегда была и есть идеалистична и целостна, даже когда она касается предельно конкретных вещей, а западная – вечно атомарна, даже если ведёт речь о самых отвлечённых предметах. За разговором или спором по какому-нибудь вопросу не только Н. А. Бердяев, но и любой человек русской культуры склонен видеть решение судеб Вселенной и собственной судьбы. В этом отношении даже русские материалисты и западники – самые отчаянные идеалисты, настолько они охвачены верой в мир собственных умопостроений. Возможно, именно перечисленными особенностями российской логики смысла объясняется непреходящий интерес к русской философии в Японии и Китае¹, при всех прогрессивных реформах по западному образцу никогда не терявших связи со своей традицией и свойственной их собственной логике культуры иррациональностью. Русская философия полнее, чем западная, помогает иным цивилизациям понять себя.

Статья поступила в редакцию 18.04.2024.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердяев Н. А. Самопознание. М.: Книга, 1991. 448 с.
2. Бондарева Я. В., Семаева И. И., Моисейкина Т. А. Онтологические искания в русской религиозной философии XIX – первой половины XX веков // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2018. № 4. С. 49–58. DOI: 10.18384/2310-7227-2018-4-49-58

¹ Только в 2023 г. в Поднебесной состоялось значительное количество конференций по русской философии, а в журнале «Вопросы философии» в номерах №№ 3, 4 были помещены целые рубрики статей китайских исследователей о русской философии.

3. Васильев Н. А. Воображаемая (неаристотелева) логика // Васильев Н. А. Воображаемая логика: избранные труды. М.: Наука, 1989. С. 53–94.
4. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М.: Алгоритм, 2018. 538 с.
5. Древнеиндийская философия. Начальный период / сост. В. В. Бродов. М.: Мысль, 1972. 271 с.
6. Зеньковский В. В. История русской философии. М.: Академический проект, 2011. 880 с.
7. Ильинская С. Г. «Море» Россия (российская идентичность и идея толерантности) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2018. Т. 20. № 4. С. 496–505.
8. Киреевский И. В. О необходимости и возможности новых начал для философии. СПб.: Общество памяти игумены Таисии, 2015. 80 с.
9. Лосев А. Ф. Философия. Мифология. Культура. М.: Политиздат, 1991. 525 с.
10. Максимов Д. Ю. Логика Н. А. Васильева и многозначные логики // Логические исследования / Logical Investigations. 2016. Т. 22. № 1. С. 82–107.
11. Митио Микосиба, Бондарева Я. В. Синтез мистицизма и рационализма как парадокс русской религиозной философии // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2020. № 3. С. 55–62. DOI: 10.18384/2310-7227-2020-3-55-62
12. Митио Микосиба, Бондарева Я. В. Методологические особенности русской религиозной философии // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2020. № 4. С. 64–71. DOI: 10.18384/2310-7227-2020-4-64-71
13. Пантин В. И. Цивилизационные и социально-политические основания современной российской идеологии // Философские науки. 2023. Т. 66. № 3. С. 11–29. DOI: 10.30727/0235-1188-2022-66-3-11-29
14. Смирнов А. В. Логика смысла как философия сознания: приглашение к размышлению. М.: ЯСК, 2021. 448 с.
15. Спиридонова В. И. Контуры многоцивилизационного мира // Проблемы цивилизационного развития. 2022. Т. 4. № 2. С. 5–32.
16. Сяоли Г. «Индивид», «человек», «великая целостность» – понимание терминов в китайской культуре // Вопросы философии. 2023. № 12. С. 82–92.
17. Хомяков А. С. Сочинения: в 2 т. Т. 2. Работы по богословию. М.: Медиум, 1994. 479 с.
18. Kumar R. L'Inde: État-nation ou État-civilisation? // Hérodote: stratégies, géographies, idéologies. 1993. № 10. P. 43–60.
19. Pye L. The Spirit of Chinese Politics. Harvard: Harvard University Press, 1992. 264 p.
20. Weiwei Zhang. The China Wave: The Rise of a Civilisational State. Singapore: World Century Publishing Corporation, 2012. 208 p.

REFERENCES

1. Berdyaev N. A. *Samopoznanie* [Self-Knowledge]. Moscow, Kniga Publ., 1991. 448 p.
2. Bondareva Ya. V., Semaeva I. I., Moisejkina T. A. [Ontological Searches in Russian Religious Philosophy of the 19th – Half of the First 20th century]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki* [Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Philosophy], 2018, no. 4, pp. 49–58. DOI: 10.18384/2310-7227-2018-4-49-58
3. Vasil'ev N. A. [Imaginary (Non-Aristotelian) Logic]. In: Vasil'ev N. A. *Voobrazhaemaya logika* [Imaginary Logic]. Moscow, Nauka Publ., 1989, pp. 53–94.
4. Danilevsky N. Ya. *Rossiya i Evropa* [Russia and Europe]. Moscow, Algoritm Publ., 2018. 538 p.
5. Brodov V. V., comp. *Drevneindijskaya filosofiya. Nachal'nyj period* [Ancient Indian Philosophy. Initial Period]. Moscow, Mysl' Publ., 1972. 271 p.
6. Zenkovsky V. V. *Istoriya russkoj filosofii* [History of Russian Philosophy]. Moscow, Akademicheskij projekt Publ., 2011. 880 p.
7. Ilinskaya S. G. [The Sea of Russian Culture (Russian Identity and the Concept of Tolerance)]. In: *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Politologiya* [Bulletin of the Russian Peoples' Friendship University. Series: Political Science], 2018, vol. 20, no. 4, pp. 496–505.
8. Kireevsky I. V. *O neobhodimosti i vozmozhnosti novyh nachal dlya filosofii* [On the Necessity and Possibilities of New Principles of Philosophy]. St. Petersburg, Obshchestvo pamyati igumen'i Taisii Publ., 2015. 80 p.
9. Losev A. F. *Filosofiya. Mifologiya. Kul'tura* [Philosophy. Mythology. Culture]. Moscow, Politizdat Publ., 1991. 525 p.

10. Maksimov D. Yu. [N.A. Vasiliev's logic and many-values logics]. In: *Logical Investigations*, 2016, vol. 22, no. 1, pp. 82–107.
11. Michio Mikoshiba, Bondareva Ya. V. [Synthesis of Mysticism and Rationalism as a Paradox of Russian Religious Philosophy]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki* [Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Philosophy], 2020, no. 3, pp. 55–62. DOI: 10.18384/2310-7227-2020-3-55-62
12. Michio Mikoshiba, Bondareva Ya. V. [Methodological Features of Russian Religious Philosophy]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy], 2020, no. 4, pp. 64–71. DOI: 10.18384/2310-7227-2020-4-64-71
13. Pantin V. I. [Civilizational and Socio-Political Foundations of Contemporary Russian Ideology]. In: *Filosofskie nauki* [Russian Journal of Philosophical Sciences], 2023, vol. 66, no. 3, pp. 11–29. DOI: 10.30727/0235-1188-2022-66-3-11-29
14. Smirnov A. V. *Logika smysla kak filosofiya soznaniya: priglashenie k razmyshleniyu* [Logic of Meaning as a Philosophy of Consciousness: An Invitation to Reflection]. Moscow, YASK Publ., 2021. 448 p.
15. Spiridonova V. I. [Horizons of the Multicivilizational World]. In: *Problemy civilizatsionnogo razvitiya* [Problems of Civilizational Development.], 2022, vol. 4, no. 2, pp. 5–32.
16. Xiaoli G. [Individual, Human, Great Whole – Understanding of Terms in Chinese Culture]. In: *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy], 2023, no. 12, pp. 82–92.
17. Homyakov A. S. *Sochineniya. T. 2. Raboty po bogosloviyu* [Works. Vol. 2. Works on Theology]. Moscow, Medium Publ., 1994. 479 p.
18. Kumar R. L'Inde: État-nation ou État-civilisation? In: *Hérodote: stratégies, géographies, ideologies*, 1993, no. 10, pp. 43–60.
19. Pye L. *The Spirit of Chinese Politics*. Harvard: Harvard University Press, 1992. 264 p.
20. Weiwei Zhang. *The China Wave: The Rise of a Civilisational State*. Singapore, World Century Publishing Corporation, 2012. 208 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Бондарева Яна Васильевна – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Государственного университета просвещения;
e-mail: bondareva.iana@yandex.ru

Ильинская Светлана Геннадьевна – кандидат политических наук, доцент, главный специалист Управления сетевых и партнерских проектов государственной политики РАНХиГС;
e-mail: svetlana_ilinska@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Yana V. Bondareva – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Head of the Department of Philosophy, Federal State University of Education;

e-mail: bondareva.iana@yandex.ru

Svetlana G. Ilinskaya – Dr. Sci. (Political Sciences), Chief Specialist, RANEPa Office of Network and Partner Projects of Public Policy;

e-mail: svetlana_ilinska@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Бондарева Я. В., Ильинская С. Г. Логика смысла российской цивилизации через призму русской философии // Современные философские исследования. 2024. № 2. С. 64–75.

DOI: 10.18384/2949-5148-2024-2-64-75

FOR CITATION

Bondareva Ya. V., Ilinskaya S. G. The Logic of the Meaning of Russian Civilization Through the Prism of Russian Philosophy. In: *Contemporary Philosophical Research*, 2024, no. 2, pp. 64–75.

DOI: 10.18384/2949-5148-2024-2-64-75

УДК 1:316-044.352

DOI: 10.18384/2949-5148-2024-2-76-83

ВОСПРИЯТИЕ ФЕНОМЕНА ТОЛЕРАНТНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ

Виноградов А. И., Зенов Е. В.*Мурманский арктический университет**183010, г. Мурманск, ул. Спортивная, д. 13, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Определение отношения к феномену толерантности в современной российской образовательной среде и выявление особенностей его функционирования, а также дальнейших перспектив развития системы толерантности в отечественном академическом пространстве.

Процедура и методы. При написании работы использовались как общенаучные методы, так и совокупность методов социально-философского исследования, прежде всего компаративистский подход. Это позволило провести разграничительную черту между российским и западным восприятием толерантности в меняющихся социально-политических условиях.

Результаты. Основным выводом проведённого исследования является выявление и объяснение точек зрения на феномен толерантности в российской образовательной среде с двух сторон: педагогической, предполагающей осмысление проблемы в частности, и философской, рассматривающей толерантность в фундаментальном смысле. В ходе анализа феномена толерантности в академической среде России были выявлены слабые стороны педагогического подхода и предложено философское осмысление вопроса. Особое внимание было уделено трактовке толерантности не только в традиционном смысле, т. е. в противопоставлении «своего» и «чужого», но и в рамках дихотомии «традиционное» и «прогрессивное».

Теоретическая и/или практическая значимость. Выводы исследования могут использоваться в преподавании философии, политологии, культурологии и других университетских курсов.

Ключевые слова: толерантность, образование, политкорректность, уместное, неуместное, свой, чужой, постмодерн, ценности

PERCEPTION OF THE PHENOMENON OF TOLERANCE IN THE RUSSIAN EDUCATIONAL ENVIRONMENT

A. Vinogradov, E. Zenov*Murmansk Arctic University**ul. Sportivnaya 13, Murmansk 183010, Russian Federation*

Abstract

Aim. To determine the attitude towards the phenomenon of tolerance in the modern Russian educational environment and identify the features of its functioning, as well as further prospects for the development of the tolerance system in the domestic academic space.

Methodology. When writing the work, both general scientific methods and a set of methods of socio-philosophical research were used, primarily the comparative approach. This made it possible to draw a distinction between Russian and Western perceptions of tolerance in changing social and political conditions.

Results. The main conclusion of the study is the identification and explanation of viewpoints on the phenomenon of tolerance in the Russian educational environment from two sides: pedagogical, which involves understanding the problem comprehension as a whole, and philosophical, which considers tolerance in a fundamental sense. In the course of analyzing the phenomenon of tolerance in the aca-

demic environment of Russia, the weaknesses of the pedagogical approach were identified, and a philosophical understanding of the issue was proposed. Particular attention was paid to the interpretation of tolerance not only in the traditional sense, that is, in the opposition of “us” and “them”, but also within the framework of the dichotomy “traditional” and “progressive”.

Research implications. The findings of the study can be used in teaching philosophy, political science, cultural studies and other university courses.

Keywords: tolerance, education, political correctness, appropriate, inappropriate, us, them, postmodern, values

Введение

В отечественном образовании есть проблемы, «которые, казалось бы, всегда лежали на поверхности, но именно по этой причине парадоксально выпадали из поля зрения исследователей» [8, с. 69]. Одна из них – это проблема толерантности. Обратить на неё внимание заставила социально-политическая ситуация в мире: сейчас наша страна отстаивает свой особенный путь, и толерантность, будучи одним из ключевых механизмов российского образования, воспринимается как сфера, требующая изменений, которые бы позволили провести разграничительную черту между западной и отечественной формой этого феномена. В современной России концепт «толерантность» ещё с девяностых годов воспринимается как западный, обросший либеральными коннотациями; однако сейчас, в период переосмысления устоявшихся концептов, особо важная роль отводится философскому сообществу, способному определить векторы дальнейшего социального развития.

Толерантность пронизывает жизнь современного россиянина: её формы имеют место в политике, социальной работе, образовании. Но именно в рамках академической среды этот феномен приобретает ярко выраженные черты, оказываясь не просто рядовой составляющей, но основополагающим аспектом самой системы образования. Учитывая, какое внимание уделяется этому феномену со стороны государства и педагогического сообщества, можно определённо сказать, что без него функционирование отечественной образовательной среды было бы очень затруднено. При этом границы толерантности в

российском образовании не всегда очевидны: к кому нужно относиться терпимо и какие проявления терпимости уместны?

Два вида толерантности

В. А. Гуторов отмечает, что в различных мировых обществах выделяется, по сути, два вида толерантности [1, с. 19–20]. Первый, «индивидуальный», условно можно назвать западным. Если общество толерантно в индивидуальном смысле, оно признаёт права каждой отдельной личности на свободу её самовыражения. Этой модели противопоставляется второй, «групповой» вид толерантности, отталкивающийся от признания прав различных групп. Он не предполагает индивидуальных свобод, и в качестве примера автор приводит систему османских миллетов, т. е. специальных кварталов в турецких городах, имевших определённые права на автономию. Мусульмане в империи не пытались подавить иудейское меньшинство, хотя при этом обладали широкими правами в рамках своей группы, искореняя в них ересь и отступничество.

Нам представляется, что система толерантности в российском понимании совместила в себе оба типа: наше общество признаёт права каждой личности, а также считает важной ценностью самоопределение меньшинств. Однако сложилось дифференцированное отношение к различным группам. Демаркация между ними проходит по признаку их отношения к традиционным ценностям: группы, разделяющие эти ценности, поддерживаются и зачастую наделяются частичной внутренней автономией, а отрицающие их не задают

повестку и не являются определяющими для формирования государственной политики. Составляющие их люди могут свободно проявлять свою индивидуальность, но общество не поддерживает их групповую идентичность. Последнее касается в первую очередь меньшинств, например сексуальных, обычно рассматривавшихся как маргинальные. С другой стороны, те меньшинства, которые исторически признавались полноценной частью нашего общества и не выносились на его периферию – показателен пример мусульманской общины – продолжают пользоваться всеми преимуществами не только автономии, но и признания. Более того, религиозные меньшинства способны в некоторой мере задавать государственную повестку: на юридическом уровне они воспринимаются как полноценные группы в составе страны, влияющие на принятие законов, обеспечивающих равенство между его членами. Такой подход к толерантности, в котором прослеживается демаркационная линия между «традиционными» и «новыми» меньшинствами, кажется разумным для крупных государств, большое количество групп в которых требует если не полноценного решения вопроса о равных правах, то хотя бы компромисса, который бы позволил большинству мирно сосуществовать с меньшинствами.

Таким образом, «толерантность» в российском понимании оказывается близка к привычному русскому человеку слову «терпимость», подразумевая именно терпимое отношение к меньшинству, но не наделение его особыми правами. В этом смысле проводится очевидная линия демаркации между российским и современным евроатлантическим пониманием толерантности: на Западе терпимость вышла за пределы просьбы о «признании права на существование», превратившись в инструмент для получения меньшинством всё больших и больших прав, т. е. понимания, уважения и даже признания на общественном уровне. В нашей стране эффективной оказывается другая модель: она обеспечивает возможность сосуще-

ствования различных групп в одном социальном пространстве – например, школы или университета. Эффективность такой модели очевидна не только в процессе обучения, но и на предшествующем этапе, при поступлении в вуз, где основополагающим является принцип меритократии, а не обеспечения меньшинств дополнительными преимуществами вроде льготного места в учебном заведении.

Толерантность сквозь призму «уместного» и «неуместного»

Ряд статей представляет российскую толерантность в особом, уникальном ключе – осмысливается, в частности, формирование в обществе представлений об «уместном» и «неуместном». Так, философ Н. Луман в своей книге «Реальность масс-медиа» предупреждает, что граница между допустимым и табуированным может легко формироваться средствами массовой информации, позиция которых экстраполирует определённую точку зрения – линию мышления, которая создаёт границу между уместным и неуместным для широкой аудитории [4, с. 146]. Результат этих процессов очевиден – размываются границы дозволенного, а отклонения начинают восприниматься как норма.

Это значит, что система толерантности в российской академической среде может столкнуться с предсказуемыми сложностями: с одной стороны, она представляется ясной и понятной, с другой – под влиянием средств массовой информации, создающих новый образ «успешного человека» и всё больше расширяющих рамки дозволенного, она может преобразиться. С таким мнением соглашаются авторы недавних статей: И. З. Чимитова указывает, что изменения в мировой и внутригосударственной системах приводят к необходимости сохранения как стабильности межэтнических отношений [9, с. 110], так и адекватного восприятия терпимости вообще.

Социальные и технологические изменения в современном обществе предполага-

ют, что всё большее количество аспектов нашей жизни становятся уместными, хотя до этого они признавались маргинальными. В этом ключе показательно мнение В. Ф. Петренко, указывающего, что современное общество ориентируется на «идею счастливого случая», согласно которой девушке достаточно удачно выйти замуж, а юноше – построить карьеру чиновника. Молодёжь оказывается люмпенизированной, а отсутствие должных гуманитарных знаний и среди трудовых иммигрантов, и среди коренной молодёжи может вылиться в межнациональное противостояние [6, с. 86]. Толерантность по Петренко выходит за пределы классов и аудиторий: терпимое отношение к собственным слабостям и потребительскому отношению выливается в то, что страдает и качество образования юного поколения. Несмотря на то, что статья была написана более десяти лет назад, её актуальность неоспорима и сейчас: проблема выражается в том, что мораль остаётся на периферии, а гораздо более важная роль отводится практическим навыкам и умению «приживаться». Таким образом, в противопоставлении «уместного» и «неуместного» уместным оказывается «успешный выпускник», нацеленный на получение практической выгоды благодаря развитым практическим умениям.

Жизнь не просто усложняется, но становится комплексной: появляется все больше неочевидных путей для того, чтобы получить общественное признание. Не столько терпимое отношение к некому меньшинству, сколько терпимость к человеческим слабостям и порокам оказывается одной из важных проблем современности. Отечественная образовательная система стремится к терпимости, потому что пресловутая толерантность в отношении обтекаемых «общечеловеческих ценностей» характерна и для нас, и для Запада – несмотря на то, что их рамки не всегда очевидны. Кажется, что ситуация патовая: хочется сказать, что у России уже выработался собственный взгляд на толерантность, с другой, – обращаясь к долгой перспективе, начинает казаться, что «теснота» мирово-

го сообщества приведёт к тому, что если не этнические и сексуальные меньшинства, то наши «студенты-люмпены», о которых писал В. Ф. Петренко, станут группой, которую мы будем восхвалять. Такая переоценка «уместного» может быть связана с изменением в философии образования, поддающейся духу постмодерна: важным становится новое, малоизведенное знание, а вторичным – то, что до этого перехода было традиционным.

Западный подход к толерантности в образовании уже показал, что стремление создать идеальную академическую среду, принципы которой апеллируют к важности «общечеловеческих ценностей», в широком смысле заканчивается многолетними дебатами о границах и приемлемости терпимости в образовании, в узком – масштабными социальными движениями, действия которых сопровождаются погромами. При этом меньшинства, становящиеся лидерами таких движений, не только прощаются, но восхваляются, потому что в их активности западный человек видит борьбу против вековой несправедливости.

Особенности толерантности в России

Для выявления корреляции между образованием и толерантностью индивида интересно посмотреть на результаты опроса ФНИСЦ РАН, проведённого в 2020 г.: получение желаемого образования и равная оплата за квалификацию и образование не считаются нашими гражданами приоритетными для создания справедливого общества, занимая четвёртое и десятое места соответственно [5, с. 56]. Представляется, что это указывает на то, что российская общественность или терпимо относится к неравенству в образовании – и денежному, и немонетарному, – или проецирует реальный опыт на то, как должно выглядеть абстрактное «справедливое общество» таким образом, что проблема доступного образования прекращает быть первостепенной. В частности, россиянин относится к отсутствию одинаковых возможностей в

образовании намного терпимее, чем к недоступности здравоохранения.

Кроме того, недавнее исследование показало, что выраженной корреляции между образованием человека и уровнем его толерантности нет – поэтому в России, наравне с европейскими странами вроде Литвы, Венгрии и Чехии, уровень образования почти не влияет на то, насколько человек терпим к меньшинствам (в этом исследовании – к сексуальным и этническим) [7, с. 380]. Авторы работы приходят к выводу, что «российская система образования не способствует в достаточной степени формированию установок толерантного сознания и навыков толерантного поведения» – и всё же трактовать эти результаты стоит не только с социологической, но с философской точки зрения. Нам кажется, что сравнивать уровень толерантности между странами не совсем верно, в том числе потому, что само восприятие слова «толерантность» меняется от культуры к культуре. Для евроатлантического сообщества толерантность есть часть системы принятия, а иногда и перенимания чужого образа жизни, включающая в себя полноценную интеграцию меньшинства в повестку дня. Российская толерантность ориентируется на сосуществование с привычными для нашей культуры меньшинствами и молчаливое принятие тех групп, которые традиционно воспринимаются как «маргинальные».

При этом в академическом дискурсе России толерантность приобретает особую форму: несмотря на то, что в России в последние годы пропаганда толерантности со стороны учёных сходит на нет [3, с. 230], продолжается осмысление того, насколько она вообще уместна в академической среде. Сама постановка вопроса идёт вразрез с западным представлением: в то время как евроатлантическое сообщество считает, что толерантность должна пронизывать научную среду (для этого, в частности, выделяются специальные льготы для меньшинств в школах, вузах и на научных конференциях), российская академическая среда осторожно осмысливает

влияние толерантного подхода, не спеша экстраполировать толерантное отношение на все группы, участвующие в образовательном процессе. Таким образом, научно-образовательное сообщество России не воспринимает толерантность как необходимый аспект своей деятельности: во-первых, терпимое отношение не может в полной мере выполнять функции сдерживающего механизма в сфере, основой которой являются дебаты и спор, а во-вторых, гражданское общество в нашей стране не оказывает на учёных того же давления, что, например, в англосаксонских странах. Чтобы выявить фундаментальную разницу в отношении между академической средой и социальными движениями в России и на Западе, достаточно обратить внимание на волну протестов движения *Black Lives Matter*, превратившихся из уличных выступлений в явление национального масштаба. Массовые протесты затронули в том числе и научно-педагогическую сферу: в США социально-политическая обстановка заставляет учёных, далёких от социологии, социальной философии и политики, выступать против расизма, например, в системе здравоохранения – движущей силой для этого стало, по заявлению самих авторов, убийство рецидивиста Джорджа Флойда, после которого «...мы, исследователи и практикующие врачи-психиатры, почувствовали необходимость действовать» [10].

Сейчас в нашей стране осмысливается, на какую модель должна ориентироваться российская государственная политика в области образования. Общество встаёт перед дилеммой: можно или поддержать идею «твёрдого сплава» личности и убеждений, или учить тому, что личность реализуется в праве выбора того, кем ей быть, – и в таком случае дозволяются экстремумы вроде «социального сёрфинга», дающего возможность ассоциировать себя сразу со множеством социальных сообществ [3, с. 233]. Проблема обретает очевидный философский характер: вариативность посттрадиционных форм воспитания, образования и социализации приводят к тому,

что, во-первых, нужно найти подход к молодёжи, а, во-вторых, обеспечить функционирование образовательной системы на основе принципов, которые бы соответствовали идее продуктивного обучения, в рамках которого именно толерантность воспринимается как один из параметров продуктивности.

Представляется, что толерантность будет оставаться важным аспектом современного российского общества, неоднозначным с философской точки зрения. Показательно, что отечественные педагоги воспринимают феномен толерантности как однозначно положительный: с человеческой, этической точки зрения меньшинства заслуживают уважительного отношения. С этим же соглашается и государство: законы постулируют терпимость и в академической среде, и в обществе в целом. При этом западный опыт показывает, что в вопросе терпимого отношения есть подводные камни – такие, из-за которых научно-педагогическое сообщество в традиционном смысле подрывается: антинаучное может признаваться научным, а границы дозволенного и табуированного размываются настолько, что даже маргинальные группы перестают пребывать на периферии.

Для того, чтобы избежать такого же сценария, отечественной научно-педагогической среде стоит обращать внимание не только на частные проблемы, не только на текущее положение дел в академической среде, считая, что статус-кво будет оставаться панацеей, но и рассмотреть феномен толерантности в компаративном аспекте, провести параллели между западной эволюцией толерантности и подвешенной ситуацией, складывающейся в нашем образовании. Учитывая, что в этом ключе евроатлантическое общество предоставляет пример отрицательного опыта, педагог может извлечь из него урок, обратив внимание на потенциальные негативные последствия эволюции толерантности уже в нашей среде – например, на неконтролируемое расширение границ «уместного», ставшее причиной того, что

ныне англосаксонская система образования переживает трудности, связанные с новым восприятием толерантности как обязательной системы ценностей.

Заключение

Российская толерантность на сегодняшний день оформилась так, что её можно определить как самостоятельное, уникальное явление; понятие «толерантность» в этом смысле является лишь конвенцией для обозначения цивилизационного мировоззренческого аспекта. С современной отечественной точки зрения все люди равны вне зависимости от национальности, вероисповедания и прочих особенностей: несмотря на то, что в советский период страна руководствовалась принципом монологичности [2, с. 86] (т. е. плавильного котла, не подразумевающего равноправность Другого), сейчас имеет место культивирование принципа всеобщего равенства с учётом отличий большинства от меньшинства. Пока западное общество признаёт важность не только всеобъемлющего признания тех, кто ранее угнетался – например, гомосексуалистов или потомков рабов, – но и их поощрения в виде квотирования в системе образования и научной среде, отечественная «толерантность» реализуется через фестивали дружбы народов, проводимые при университетах, организацию этнических и религиозных праздников.

Отсутствие в нашей системе тех материальных стимулов, которые западное образование предлагает молодёжи, связано с тем, что у России нет ни исторических, ни культурных предпосылок для того, чтобы чувствовать «стыд» за события прошлого. Западная цивилизация видит в своей истории повод для покаяния, и благой почвой для него оказывается совершенная несправедливость в отношении некогда маргинальных групп. Механизмы академической среды, учитывая потворнически-либеральный склад ума большинства учеников, становятся инструментами для того, чтобы абсолютизировать толерант-

ность, которая ныне стала самоцелью. Отечественное представление о том, что люди равны вне зависимости от их национальности, вероисповедания и прочих особенностей, в рамки евроатлантического мировоззрения просто не укладывается:

если раньше большинство должно было угнетать меньшинство, то сейчас ситуация стала обратной.

Статья поступила в редакцию 04.04.2024.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гуторов В. А. Современные концепции толерантности: философские и политико-технологические аспекты (опыт дискурсивной аналитики) // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2022. № 1. С. 11–23.
2. Ильинская С. Г. Парадоксы толерантности и терпимости. Западный и российский опыт // Свободная мысль. 2023. № 3 (1699). С. 73–88.
3. Логинов А. В. Религиозный аргумент в публичной сфере: толерантность и идентичность // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2018. № 2. С. 229–235.
4. Луман Н. Реальность массмедиа / пер. А. Ю. Антоновского. М.: Праксис, 2005. 256 с.
5. Мареева С. В., Слободенюк Е. Д., Аникин В. А. Толерантность к социальным неравенствам в эпоху неопределённости в России: важна ли субъективная мобильность? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 1. С. 39–60.
6. Петренко В. Ф. Гуманитарная культура и образование – основа толерантности и сохранения национальной идентичности // Образовательная политика. 2011. № 2 (52). С. 81–87.
7. Прохода В. А. Образование как фактор формирования толерантности в России и других европейских странах // АНИ: педагогика и психология. 2020. № 3 (32). С. 377–380.
8. Синенко В. Я., Бондарева Я. В. Интеграционные процессы как основа метапредметности в системе образования (философско-педагогический дискурс) // Современные философские исследования. 2023. № 3. С. 68–75.
9. Чимитова И. З. Права человека и межэтническая толерантность в условиях России // Образование. Наука. Научные кадры. 2022. № 2. С. 110–114.
10. Justice for George Floyd and a Reckoning for Global Mental Health [Электронный ресурс] / S. Weine, B. A. Kohrt, P. Y. Collins, J. Cooper, R. Lewis-Fernandez, S. Okpaku, M. L. Wainberg // Global Mental Health. 2020. № 7 (22). URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC7490771> (дата обращения: 10.12.2023).

REFERENCES

1. Gutorov V. A. [Modern Concepts of Tolerance: Philosophical and Politicotechnological Aspects (An Experience of Discursive Analytics)]. In: *Vestnik Russkoj hristianskoj gumanitarnoj akademii* [Review of the Russian Christian Academy for the Humanities], 2022, no. 1, pp. 11–23.
2. Ilinskaya S. G. [Paradoxes of the Toleration and Tolerance. Western and Russian Praxes of Tolerance]. In: *Svobodnaya mysl'* [Free Thought], 2023, no. 3 (1699), pp. 73–88.
3. Loginov A. V. [Religious Argument in the Public Sphere: Tolerance and Identity]. In: *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sociologiya* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2018, no. 2, pp. 229–235.
4. Luhmann N. Die Realitat der Massenmedien (Rus. ed.: Antonovsky A. Yu., transl. *Real'nost' massmedia*. Moscow, Praksis Publ., 2005. 256 p.).
5. Mareeva S. V., Slobodenyuk E. D., Anikin V. A. [Public Tolerance for Social Inequalities in Turbulent Russia: Reassessing the Role of Subjective Mobility]. In: *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes], 2022, no. 1, pp. 39–60.
6. Petrenko V. F. [Humanitarian Culture and Education – the Basis of Tolerance and Preservation of National Identity]. In: *Obrazovatel'naya politika* [Educational Policy.], 2011, no. 2 (52), pp. 81–87.
7. Prokhoda V. A. [Education as a Factor of Tolerance Formation in Russia and other European Countries]. In: *ANI: pedagogika i psihologiya* [Azimuth of Scientific Research: Pedagogy and Psychology], 2020, no. 3 (32), pp. 377–380.
8. Sinenko V. Ya., Bondareva Ya. V. [Integration Processes as the Basis of Meta-Subject Matter in the

- Education System (Philosophical and Pedagogical Discourse)]. In: *Sovremennye filosofskie issledovaniya* [Contemporary Philosophical Research], 2023, no. 3, pp. 68–75.
9. Chimitova I. Z. [Human Rights and Interethnic Tolerance in Conditions of Russia]. In: *Obrazovanie. Nauka. Nauchnye kadry* [Education. The Science. Scientific Personnel], 2022, no. 2, pp. 110–114.
10. Weine S., Kohrt B. A., Collins P. Y., Cooper J., Lewis-Fernandez R., Okpaku S., Wainberg M. L. Justice for George Floyd and a Reckoning for Global Mental Health. In: *Global Mental Health*, 2020, no. 7 (22). Available at: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC7490771> (accessed: 10.12.2023).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Виноградов Андрей Иванович – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и социальных наук Мурманского арктического университета;
e-mail: andvinogradov00@mail.ru

Зенов Егор Всеволодович – старший преподаватель кафедры иностранных языков Мурманского арктического университета;
e-mail: yegzenov@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Andrey I. Vinogradov – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Prof., Murmansk Arctic University;
e-mail: andvinogradov00@mail.ru;

Egor V. Zenov – Senior Lecturer, Foreign Languages Department of the Murmansk Arctic University;
e-mail: yegzenov@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Виноградов А. И., Зенов Е. В. Восприятие феномена толерантности в российской образовательной среде // Современные философские исследования. 2024. № 2. С. 76–83.
DOI: 10.18384/2949-5148-2024-2-76-83

FOR CITATION

Vinogradov A. I., Zenov E. V. Perception of the Phenomenon of tolerance in the Russian Educational Environment. In: *Contemporary Philosophical Research*, 2024, no. 2, pp. 76–83.
DOI: 10.18384/2949-5148-2024-2-76-83

УДК 316.74

DOI: 10.18384/2949-5148-2024-2-84-94

ОБ ИСТОРИЧЕСКОЙ МИССИИ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ПОДХОДА

Гурьянова А. В.¹, Тимофеев А. В.²

¹Самарский государственный экономический университет

443090, Самарская обл., г. Самара, ул. Советской Армии, д. 141, Российская Федерация

²Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева

443086, Самарская обл., г. Самара, ул. Московское шоссе, д. 34, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Проанализировать понятия и идеи цивилизационного подхода, релевантные геополитической ситуации современности, выявить через их посредство специфику взаимоотношений России и Европы, место и роль нашей страны в общем контексте мировой истории.

Процедура и методы. В исследовании последовательно рассматриваются следующие проблемные аспекты цивилизационного подхода: потенциал понятия «культурно-исторического типа» в качестве инструмента структурирования мировой истории; мировоззренческая установка европоцентризма, её негативное воздействие на Россию, вызвавшее к жизни «болезнь европейничания»; специфические особенности славянского культурно-исторического типа; определение исторической миссии России в духе цивилизационной концепции Н. Я. Данилевского. В качестве основных методов в исследовании используются исторический и логический, компаративный и структурный, а также методы аналогии и абстрагирования.

Результаты. В исследовании выделены и проанализированы понятия и идеи цивилизационного подхода, соответствующие актуальной для нашей современности модели многополярного мира. На примере работы Н. Я. Данилевского «Россия и Европа» выделены те из них, которые могут выступить мировоззренческими ориентирами определения вектора развития России, её места и роли в общем контексте мировой истории. В качестве таковых рассматриваются нетождественность России и Европы; специфика России как особого культурно-исторического типа; потенциал её будущей самореализации в рамках становления «всеславянского союза»; важность «восточного вопроса»; отказ от европоцентризма с сопутствующим преодолением «болезни европейничания» и др.

Теоретическая и/или практическая значимость. Теоретическая значимость исследования связана с предпринятой в нём попыткой спроецировать основные понятия и идеи цивилизационного подхода на современную геополитическую ситуацию, рассмотреть через их призму ряд экзистенциально значимых для нашей страны проблем, в том числе проблему взаимоотношений России и Европы. Практическая значимость исследования обусловлена тем, что его положения и выводы могут быть положены в основу урегулирования сложных геополитических конфликтов, выстраивания справедливой системы международных отношений на принципах многополярности и поликультурности, с признанием особой исторической миссии в этом процессе современной России.

Ключевые слова: болезнь европейничания, Европа, европоцентризм, культурно-исторический тип, Россия, цивилизация

ON HISTORICAL MISSION OF RUSSIA IN THE CONTEXT OF A CIVILIZATIONAL APPROACH

A. Guryanova¹, A. Timofeev²

¹*Samara State University of Economics*

ul. Sovetskoi Armii 141, Samara 443090, Samara Region, Russian Federation

²*Samara National Research University*

ul. Moskovskoe shosse 34, Samara 443086, Samara Region, Russian Federation

Abstract

Aim. To analyze the concepts and ideas of the civilizational approach relevant to the contemporary geopolitical situation, to identify through them the specifics of relations between Russia and Europe, the place and role of our country in the general context of world history.

Methodology. The study consistently examines the following problematic aspects of the civilizational approach: the potential of the concept of “cultural-historical type” as a tool for structuring world history; the worldview position of eurocentrism, its negative impact on Russia, which caused the “disease of Europeanization”; the specific features of the Slavic cultural-historical type; the definition of the historical mission of Russia in the context of the civilizational conception of N. Ya. Danilevsky. The main methods used in the study are historical and logical, comparative and structural, as well as methods of analogy and abstraction.

Results. The study identifies and analyzes the concepts and ideas of the civilizational approach that correspond to the model of a multipolar world relevant to nowadays. Using as an example N. Ya. Danilevsky's work “Russia and Europe”, the work highlights those of them that can be the worldview orientations for determining the vector of Russia's development, its place and role in the general context of world history. These include non-identity of Russia and Europe; specifics of Russia as a special cultural-historical type; potential for its future self-realization within the framework of the formation of the “all-Slavic union”; importance of the “eastern question”; rejection of eurocentrism with related overcoming of the “disease of Europeanization”, etc.

Research implications. The theoretical significance of the study is related to the attempt to project the basic concepts and ideas of the civilizational approach to the modern geopolitical situation, to consider through their prism a number of existentially significant problems for our country, including the problem of relations between Russia and Europe. The practical significance of the study is due to the fact that its ideas and conclusions can be used as a basis for the regulation of intractable geopolitical conflicts, constructing an equitable system of international relations based on the principles of multipolarity and multiculturalism, with recognition of the special historical mission in this process of modern Russia.

Keywords: disease of Europeanization, Europe, Eurocentrism, cultural-historical type, Russia, civilization

Введение

Глобальные и противоречивые процессы, развёртывающиеся в современном мире, с неизбежностью затрагивают Россию, влекут закономерные изменения внутри нашего общества, политики, экономики, а также сознания, мировоззрения и системы ценностей. Это в значительной степени актуализирует проблематику самоопределения России, поиска ею своей идентичности, определения места и роли

в общем контексте мировой истории. Следует отметить, что перечисленные проблемы для нашей страны отнюдь не новы. Различными вариациями на эту тему могут считаться и исторически сложившаяся, а затем из века в век заявлявшая о себе концепция «Москва – третий Рим», и знаковая в прогностической противопоставленности своих основных полюсов полемика западничества и славянофильства. Это также обширная интеллектуальная

традиция поисков Россией своего исторического пути, сформированная усилиями почвенничества и народничества, иммиграционными прозрениями евразийцев, многочисленными рефлексиями о сущности «русской души», «русской идеи», соборности и мн. др.

Некоторые из вышеперечисленных проблем активизировались ещё на заре становления российской государственности, будучи связаны с инициативами объединения народов, заселявших огромные территории нашей страны, с попытками нахождения общего вектора и направленности её развития, с противоречивой ситуацией двоеверия, сопровождавшей процесс христианизации Руси и закрепления в ней православного вероисповедания. Другие добавились позже, в ходе мировоззренчески ориентированных дискуссий о сущности и специфике России, её месте среди других стран, народов и цивилизаций, об особенностях сложившегося национального характера, загадочности русской души, о цели и смысле существования России в общем контексте мировой истории, её исторической миссии и призвании.

Вполне очевидно, что указанная проблематика имеет ярко выраженную историсофскую направленность [1, с. 10], приобретшую особую актуальность в нашей современности с её сложными геополитическими реалиями [7, с. 104], их подчас неконтролируемой динамикой и содержательной неоднозначностью.

Культурно-исторические типы как инструмент цивилизационного подхода

В настоящее время в контексте философского (историсофского) осмысления истории выделяются два основных подхода к анализу эволюции человечества – подход формационный и подход цивилизационный. В самых общих чертах суть формационного подхода заключается в том, что его сторонники исследуют общество, его историю и развитие, а также закономерности смены в истории различных типов государств с точки зрения изменений каче-

ственного характера, которые происходят в экономике. Важными в контексте этого подхода представляются изменения в сфере производственных отношений и, как следствие, в классовой структуре самого общества. В основе формационного подхода лежит идея объединения государств в рамках определённой общественно-экономической формации.

Сущность цивилизационного подхода в том, что в его рамках любое общество трактуется как целостное и многогранное образование. Поэтому при его анализе должны приниматься во внимание не только экономика и сфера производства, но и области политики и права, социальная и культурная среда, сферы идеологии и религии и пр. Должны также учитываться особенности духовной жизни человека, свойственные ему формы сознания и мировоззрения, особенности исторического развития и географического расположения страны, специфика её обычаев и традиций и мн. др. В своей совокупности все вышеперечисленные факторы образуют то, что принято называть понятием «культуры». Культура представляет собой конкретную человеческую общность, специфический способ бытия определённого народа. Совокупность родственных культур формирует цивилизацию.

В целом значимость цивилизационного подхода заключается в том, что через его посредство оказывается возможным представить ход исторического развития как многогранный и полифоничный и, в частности, дать ответ на вопрос, почему разные общества и государства развиваются не одномерно и выбирают разные пути своего развития. В такой многоплановости, собственно, и заключается ведущая тенденция выстраивания исторической эволюции человечества. Согласно сторонникам цивилизационного подхода, «прогресс ... состоит не в том, чтобы идти всё в одном направлении (в таком случае он скоро бы прекратился), а в том, чтобы исходить всё поле, составляющее поприще исторической деятельности человечества, во всех направлениях. Поэтому ни одна

цивилизация не может гордиться тем, что она представляла высшую точку развития, в сравнении с её предшественницами или современницами...» [2, с. 135].

Одним из основоположников цивилизационного подхода по праву считается русский философ Николай Яковлевич Данилевский. Его самое известное произведение «Россия и Европа» впервые увидело свет в 1870 г. В этой уже давно признанной классической работе была предложена оригинальная авторская версия развёртывания исторического процесса, не сводящая его к традиционной схеме линейнообразного толкования. Такая исследовательская инициатива ранее не имела аналогов в отечественной исследовательской традиции, что подтверждают многие современники философа [3]. Основными историософскими идеями, которые Н. Я. Данилевский изложил в своей работе, были идея божественного провидения, идея циклизма исторического процесса, а также идея локальных цивилизаций или, точнее, как их обозначал сам мыслитель, «культурно-исторических типов».

Согласно Н. Я. Данилевскому, самобытный культурно-исторический тип формирует «...всякое племя или семейство народов, характеризующееся отдельным языком или группой языков, довольно близких между собою, ... если оно вообще по своим духовным задаткам способно к историческому развитию и вышло уже из младенчества» [2, с. 113]. Понимаемые таким образом культурно-исторические типы не статичны, – они находятся в постоянном противоборстве – как между собой, так и с окружающей их средой. И в процессе подобного противостояния они неизбежно претерпевают изменения и трансформируются.

Именно у Н. Я. Данилевского (биолога по профессии) впервые была представлена гипотеза о том, что каждый культурно-исторический тип проходит цикл эволюции по аналогии с развитием живого биологического организма, включая естественные для него стадии зарождения, ста-

новления, расцвета, увядания и неминуемой гибели. Тем самым многие проявления органической жизни проецировались на жизнь историческую. Данную аналогию русского философа впоследствии возьмут на вооружение многие видные теоретики цивилизационного подхода, в том числе О. Шпенглер, А. Тойнби, С. Хантингтон [4, с. 113]. Сам же Н. Я. Данилевский, иллюстрируя её поясняющим примером, указывал, что «ход развития культурно-исторических типов всего ближе уподобляется тем многолетним одноплодным растениям, у которых период роста бывает неопределённо продолжителен, но период цветения и плодоношения – относительно короток и истекает раз [и] навсегда их жизненную силу» [2, с. 114].

В концепции Н. Я. Данилевского выделяется ряд разнородных культурно-исторических типов, которые в своей совокупности формируют качественно многообразный путь исторической эволюции человечества. В качестве ведущих культурно-исторических типов, успешно реализовавших себя и оставивших значимый след в мировой истории, философ выделял египетский культурно-исторический тип, китайский, индийский, греческий и ряд других. Особое внимание Н. Я. Данилевский уделял германо-романскому (или европейскому, фаустовскому) культурно-историческому типу, ярко проявлявшему себя в современности философа и не утратившему своей цивилизационной значимости и в наши дни.

Критика европоцентризма в концепции Н. Я. Данилевского

Ещё во времена Н. Я. Данилевского со стороны германо-романского культурно-исторического типа неизменно исходила установка на собственную исключительность и универсальность, а также безусловное доминирование над всеми прочими культурами и цивилизациями. Данная установка нашла резко критичный отклик в работе русского философа. Исходя из общего контекста разработанной им

теории культурно-исторических типов, Н. Я. Данилевский даёт негативную оценку мировоззренческой позиции европоцентризма или, его собственными словами, «европеизма», что, в принципе, было типично для консервативных направлений его современности (славянофильство, почвенничество, евразийство) [6, с. 539]. В качестве мировоззренческой установки европоцентризм ориентирован на то, чтобы «судьбы Европы, или германо-романского племени, были отождествлены с судьбами всего человечества» [2, с. 102].

По мнению Н. Я. Данилевского, такая установка неприемлема, поскольку ориентирует на унификацию культур, их понимание и оценку в контексте и параметрах исключительно европейской культуры. При этом к вопросу о специфике европейской идентичности философ подходит не с географической, а именно с культурно-исторической точки зрения. Согласно Н. Я. Данилевскому, «Европа есть поприще германо-романской цивилизации – ни более, ни менее; или, по употребительному метафорическому способу выражения, Европа есть сама германо-романская цивилизация» [2, с. 74]. И эта цивилизация ни в коей мере не может претендовать на то, чтобы считаться цивилизацией «общечеловеческой». По этому поводу Н. Я. Данилевский специально подчёркивал, что господство единственного культурно-исторического типа, распространяемое по всему миру, закономерно означает его постепенную деградацию. И, напротив, множественность и самобытность цивилизаций исключает саму возможность монополизации существующего миропорядка [5, с. 90].

Ещё раз напомним, что философ сознательно отказывался от общепринятой периодизации мировой истории, в соответствии с которой она подразделялась на периоды, последовательно сменявшие друг друга по направлению от древности к современности. По Н. Я. Данилевскому, такое деление неприемлемо, поскольку оно «привязывает» явления разнородного порядка к этапам исключительно ев-

ропейской истории. В соответствии с выстроенной самим философом концепцией культурно-исторических типов, единой общечеловеческой истории, как, впрочем, и монолитной мировой цивилизации, быть в принципе не может. Именно поэтому следует признать равноправное существование отдельных культурно-исторических типов в качестве самобытных цивилизаций. И Европа, несомненно, является одной из таких цивилизаций – одной из многих.

Ещё одним принципиально важным для Н. Я. Данилевского моментом был вопрос о принадлежности нашей страны к европейскому миру: «Принадлежит ли... Россия к Европе?» На этот вопрос философ дал отрицательный ответ: «К сожалению или к удовольствию, к счастью или к несчастью – нет, не принадлежит. Она не питалась ни одним из тех корней, которыми всасывала Европа как благотворные, так и вредоносные соки... Она не причастна ни европейскому добру, ни европейскому злу; как же может она принадлежать к Европе? Ни истинная скромность, ни истинная гордость не позволяют России считаться Европой...» [2, с. 75–76]. Именно поэтому попытка «прививки» на российской почве базовых основ западноевропейской цивилизации, её системы ценностей и мировоззренческих установок не может быть воспринята иначе как препятствие, мешающее формированию самобытной русской культуры [8, с. 70].

У России должен быть собственный, отличный от германо-романского путь развития, учитывающий её территориальную специфику, социокультурный колорит, а также историю и традиции всех многочисленных населяющих её народов. При этом контакты с Европой, естественно, должны сохраняться, оставаясь при необходимости довольно тесными, но не родственными. Утверждая подобное, Н. Я. Данилевский не является принципиальным противником Европы, как это может показаться на первый взгляд. Он выступает против «европейничания», т. е. бездумного копирования и пересадки на российскую по-

чуву историко-культурного опыта народов Европы вне его критического осмысления и без сопутствующих адаптационных процедур.

Для Н. Я. Данилевского «европейничанье» – это обширная «болезнь русской жизни» [2, с. 315], которая нуждается в преодолении во всех её многочисленных формах и проявлениях. Наиболее опасными проявлениями «европейничания» философ считал искажение форм народного быта путём их замены на формы чуждые, исторически нам не присущие, перенос на русскую почву различных иностранных учреждений и институтов путём их точного копирования без какой бы то ни было адаптации к новым для них российским реалиям, а также однозначную и категоричную оценку всех вопросов и отношений русской действительности исключительно с европейских позиций, искажающих их истинное значение и подчас меняющих их смысл на прямо противоположный.

На страницах «России и Европы» русский философ одним из первых поднял животрепещущий для нашей современности вопрос о причинах враждебного отношения европейской цивилизации к России. Причём им сразу же было опровергнуто расхожее мнение об агрессивности России и исключительно завоевательном характере её интересов. Россия, согласно Н. Я. Данилевскому, никогда не совершала ни национального увечья, ни национального убийства, она не была «гасительницей света и свободы» [2, с. 58] и не препятствовала развитию европейского мира. Так в чем же тогда кроется причина неизбывной европейской враждебности к России? Ответ на этот вопрос находим в работе Н. Я. Данилевского: «Как ни рыхл и ни мягок оказался верхний, наружный, выветрившийся и обратившийся в глину слой, всё же Европа понимает или, точнее сказать, инстинктивно чувствует, что под этой поверхностью лежит крепкое, твёрдое ядро, которое не растолочь, не размолотить, не растворить, которое, следовательно, нельзя будет себе ассимилировать, претворить в свою кровь и плоть, которое

имеет и силу и притязание жить своей независимой, самобытной жизнью» [2, с. 66].

По всей видимости, именно в этом притязании на самобытность, в наглядной демонстрации потенциальной возможности быть вне Европы, выйти за рамки традиционных европейских стандартов и кроются предпосылки исторически формировавшейся неприязни европейского мира по отношению к нашей стране. Именно поэтому «Европа видит ... в Руси и в Славянстве не чуждое только, но и враждебное начало» [2, с. 66]. Не является исключением из правила и наша современность, когда европейские государства, сплотившись в едином порыве, демонстрируют (и словом, и делом) удивительную солидарность в показном презрении и ненависти к России и всему славянскому миру (феномен русофобии). Согласно Н. Я. Данилевскому, Европа уже очень давно на уровне некоего заложенного в ней «исторического инстинкта» воспринимает Россию как «нечто ей чуждое», глубоко враждебное, вызывающее страх.

При таком отношении оказывается невозможным достижение столь желанного Россией состояния партнёрства со странами европейского мира, продуктивного взаимодействия и сотрудничества, основывающегося на принципах равноправного диалога-коммуникации. Тем более неактуальной становится тактика «заискивания милости Европы». Преодоление «болезни европейничания» для современной России превращается в насущную потребность, о которой ещё 150 с лишним лет назад удивительно прозорливо писал русский философ Н. Я. Данилевский: «... сама борьба с Германо-Романским миром, без которой невозможна славянская независимость, должна послужить лекарством для искоренения той язвы подражательности и рабского отношения к Западу, которая въелась в славянское тело и душу путём некоторых неблагоприятных условий их исторического развития» [2, с. 610].

О специфике славянского культурно-исторического типа

Принципиально критичное отношение Н. Я. Данилевского к мировоззренческой установке европоцентризма закономерно повлекло за собой восприятие «славянского мира» в качестве особого культурно-исторического типа – жизнеспособного, самобытного и независимого от Европы [1, с. 20]. Характеризуя его, философ целенаправленно выделял и исследовал «надежды и свойства славянского мира», «характер славянской религиозности», «способность к государственности», «особый характер русской политической деятельности», «отсутствие владений и колоний», «общественный и экономический строй России» и др. [2, с. 812]. Противопоставляя Россию и Европу, Н. Я. Данилевский акцентировал разницу в психическом устроении населявших их народов (соответственно, русская терпимость и европейская насильственность), в их вероисповеданиях (православие и католицизм), в развитии культуры и искусств, указывал на «различия в ходе исторического воспитания» и пр.

Следует признать, что для современной России прогноз Н. Я. Данилевского относительно той колоссальной роли, которую уже в самом обозримом будущем предстоит сыграть в общем ходе мировой истории славянскому культурно-историческому типу, представляется экзистенциально значимым. Учитывая тот факт, что со времени его появления прошло уже более 150 лет, его вполне можно спроецировать на реалии нашей современности. И это несмотря на то, что данный тип всё ещё находится на начальной стадии своего формирования, не воплотив и не развив в полной мере заложенный в нём потенциал. По признанию самого Н. Я. Данилевского, заслуги славянского мира «весьма незначительны», особенно в сравнении с неоспоримой значимостью достижений греческого или романо-германского миров.

Философ целенаправленно акцентирует экзистенциально сложные условия, в которые исторически была поставлена Россия,

вступившая на путь своего цивилизационного развития значительно позже стран европейского мира. Учитывая свою колоссальную географическую протяжённость и уникальные особенности месторасположения, Россия тратила колоссальные силы на противостояние внешним врагам, отставляя свою территориальную целостность как на западных, так и на восточных рубежах. Таким образом, выстраивать свою цивилизационную идентичность России приходилось в довольно затруднительных условиях, постоянно отвлекаясь на обеспечение безопасности существования, сохранение своего суверенитета и основ государственности. Несмотря на это, можно говорить как о состоявшейся о начальной ступени формирования уникального славянского культурно-исторического типа. В чём же заключается его специфика по Н. Я. Данилевскому?

Дело в том, что большинство представленных в мировой истории культурно-исторических типов являются основными. Так, в основании еврейской культуры лежит религиозная основа; у культуры греческой – это основа художественная; Древний Рим был знаменит высочайшей степенью развития своей политической культуры. Наряду с основными Н. Я. Данилевский утверждал существование более сложных, двухосновных культурно-исторических типов, примером которых может служить тип романо-германский (западноевропейский). Его своеобразие заключается в том, что он имеет двойственную основу и в силу этого формирует особую политическую культуру, обладающую одновременно и научной, и индустриальной направленностью развития.

Ещё более сложным в структурном плане может стать славянский культурно-исторический тип, который, по прогнозам Н. Я. Данилевского, имеет все необходимые задатки для того, чтобы состояться в качестве первого «полного четырёхосновного культурно-исторического типа» [2, с. 611]. При условии его полноценной реализации в нём в полной мере проявят себя

и религиозное, и научное (т. е. технологическое, индустриальное, творческое), и политическое, и экономическое (общинное) начала. В этом кроется принципиальное отличие славянского мира от всех предшествовавших, более элементарных в плане своего внутреннего организационного устройства культурно-исторических типов.

Однако такая исключительная роль России в мировой истории, согласно выводам русского философа, вовсе не является чем-то однозначно предначертанным, фатально предопределённым к свершению. Напротив, новый славянский культурно-исторический тип может как реализоваться, так и не раскрыть заложенный в нём потенциал, превратившись в обычный «этнографический материал», миссия которого сводится лишь к тому, чтобы сыграть роль «строительного материала» в деле самореализации и продвижения других – более успешных народов и культур. Но несмотря на то, что однозначно постулировать «великую историческую будущность» славянского культурно-исторического типа в принципе невозможно, как, впрочем, и делать какие-то однозначные прогнозы в этом направлении, Н. Я. Данилевский всё же считает важным наметить для России некоторые приоритетные направления будущего развития. В качестве таковых философ рассматривает, в частности, преодоление «болезни европейничания», приоритет «восточного вопроса» и, в перспективе, создание «всеславянского союза».

Н. Я. Данилевский об исторической миссии России

Очевидно, что современная Россия сознательно дистанцирует себя от судеб европейского мира и, соответственно, от давно уже предначертанного ему неизбежного «заката» [9, с. 1]. Она отказывается отождествлять себя с Европой, во всеуслышание заявляет о необходимости самоопределения, постулирует свою инаковость, неевропейскость, избрав собственный, отличный от западного путь развития.

Современная Россия последовательно реализует исторически заложенный в ней потенциал самореализации в качестве нового, самостоятельного культурно-исторического типа – славянского.

Размышляя о судьбах и исторической миссии России в контексте разработанного им цивилизационного подхода, Н. Я. Данилевский выделил два диаметрально противоположных мнения, традиционно высказываемых по этому поводу. Первое из них было сформулировано для России Европой, т. е. навязывалось ей извне, со стороны, являлось чуждой стратегической инициативой. В соответствии с этим мнением, историческим предназначением России должно было быть её продвижение по пути европеизации. Причём этот путь должна была избрать не только сама Россия, её историческая миссия и призвание состоят якобы в том, чтобы транслировать идеалы и ценности европейского мира всем прочим азиатским народам.

Следует отметить, что подобная интерпретация исторической миссии России Н. Я. Данилевского категорически не устраивала. Философ справедливо указывал на бессмысленность «тысячу лет строиться, обливаясь потом и кровью, и составить государство в восемьдесят миллионов ... для того, чтобы потчевать европейской цивилизацией пять или шесть миллионов кокандских, бухарских и хивинских оборванцев, да, пожалуй, ещё два-три миллиона монгольских кочевников...» [2, с. 79]. Абсурдность понимаемого таким образом «великого назначения» России вполне очевидна, несмотря на веками высказываемую убеждённость Запада в правильности именно этой прогностической модели. Европа настойчиво предписывала России всемирно-историческую роль «носителницы европейского просвещения», а также транслятора ценностей европейской цивилизации в страны азиатского мира.

Что же в таком случае следует считать подлинной исторической миссией России? Согласно Н. Я. Данилевскому, эта миссия

состоит в сознательном культивировании и последующем сохранении собственно-го, славянского культурно-исторического типа, что приведёт к его дальнейшему развитию и процветанию. При этом, по мнению автора «России и Европы», перед славянским миром отнюдь не стоит задача обновления или перестройки всей человеческой цивилизации, как не стоит и задача разрешения общечеловеческих проблем (языком нашей современности, проблем глобальных). Россия – это особый культурно-исторический тип, имеющий право на самостоятельность и самовыражение, рядом и параллельно с которым должны существовать и полноценно развиваться иные культурно-исторические типы.

Заключение

Следует признать, что проанализированные выше идеи цивилизационного подхода, принадлежащие его основоположнику Н. Я. Данилевскому, предвосхитили многие экзистенциально значимые проблемы, обрётшие актуальность в XX и в особенности в текущем XXI столетии. Многие поставленные Н. Я. Данилевским вопросы – «Европа ли Россия?» «Принадлежит ли Россия к Европе?» «Почему Европа враждебна России?» «Права или не права Европа в том, что считает нас чем-то для себя чуждым?» «Гниёт ли Запад?» «Вероятно ли в настоящее время появление новой (славянской) культуры?» «Способен ли русский народ к свободе?» [2, с. 806–813] – не сходят с повестки дня нашей современности¹. Важно то, что русский философ не только сформулировал все эти дискуссионные вопросы, но и предложил на них собственные оригинальные ответы, заложив тем самым основания для будущей углублённой рефлексии геополитической проблематики в контексте цивилизационного подхода.

¹ Козырев А., Миронов В., Пушаев Ю. Европа ли Россия? Беседа о Николае Данилевском и главном труде его жизни [Электронный ресурс]. URL: https://ruskline.ru/opp/2019/sentyabr/30/evropa_li_rossiya/?ysclid=lrucb0y42v408838310 (дата обращения: 15.01.2024).

Основными, выработанными Н. Я. Данилевским геополитическими константами можно считать следующие: Россия не является Европой и не принадлежит к ней; Россия представляет собой самобытный культурно-исторический тип, принципиально отличный от германо-романского; этот новый, славянский культурно-исторический тип пока ещё находится на стадии становления, не реализовав в полной мере заложенный в нём потенциал; для его полноценной самореализации необходимо преодолеть веками тормозившую развитие России «болезнь европейничания», избавиться от настойчиво навязываемой ей Западом роли пассивного транслятора европейских ценностей в направлении Азии и населяющих её народов. Важно также обратить особое внимание на «восточный вопрос» и способствовать будущему формированию «всеславянского союза».

В своей совокупности перечисленные меры позволят России исполнить свою подлинную историческую миссию – состояться в качестве самобытного, независимого от всех прочих культурно-исторического типа, но при условии ясного осознания прав других цивилизаций на существование и самовыражение. Именно такой – независимой и самостоятельной, уникальной и самобытной, великой, но при этом уважающей право на самореализацию других народов и культур – виделась Россия будущего известному русскому философу Н. Я. Данилевскому. Его идеи могут быть положены в основание урегулирования сложнейшей геополитической ситуации, сложившейся в современном мире, осуществления корректной международной политики, построения справедливой системы межкультурной коммуникации на принципах многополярности и поликультурности, с признанием особой исторической роли в этом процессе современной России.

Статья поступила в редакцию 06.02.2024.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гурьянова А. В. Историческая эпистемология: проблемное поле и эволюция представлений. Самара: СамЛюксПринт, 2009. 238 с.
2. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М.: Институт русской цивилизации, 2011. 816 с.
3. Ефремов А. В. Борьба за историю: концепция Н. Я. Данилевского в оценке современников. М.: Горячая линия-Телеком, 2023. 134 с.
4. Киселев С. Г. Н. Я. Данилевский о войне и конфликтах цивилизаций // Философские науки. 2021. Т. 64. № 6. С. 110–124.
5. Крестовский А. А. Теория культурно-исторических типов Н. Я. Данилевского и перманентная стратегическая нестабильность // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2021. № 2 (67). С. 88–95.
6. Осипов И. Д. Философская критика идеологии европоцентризма в русском консерватизме // Россия в глобальном мире. 2016. № 8 (31). С. 539–545.
7. Савенков Р. В. Отражение идей Н. Я. Данилевского в «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Журнал политических исследований. 2023. Т. 7. № 1. С. 104–114.
8. Чернышева Л. И. Проблема России и Европы в творчестве Н. Я. Данилевского и реалии современного мира // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2016. № 2. С. 68–75.
9. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Образ и действительность / пер. Н. Ф. Гарелина. М.: Попурри, 2023. 656 с.

REFERENCES

1. Guryanova A. V. *Istoricheskaya epistemologiya: problemnoe pole i evolyuciya predstavlenij* [Historical Epistemology: Problem Field and Evolution of Ideas]. Samara, SamLyuksPrint Publ., 2009. 238 p.
2. Danilevsky N. Ya. *Rossiya i Evropa* [Russia and Europe]. Moscow, Institut russkoj civilizacii Publ., 2011. 816 p.
3. Efremov A. V. *Bor'ba za istoriyu: koncepciya N. YA. Danilevskogo v ocenke sovremennikov* [The Struggle for History: The Concept of N. Ya. Danilevsky in the Assessment of Contemporaries]. Moscow, Goryachaya liniya-Telekom Publ., 2023. 134 p.
4. Kiselev S. G. [N. Ya. Danilevsky on War and Conflicts of Civilizations]. In: *Filosofskie nauki* [Russian Journal of Philosophical Sciences], 2021, vol. 64, no. 6, pp. 110–124.
5. Krestovskii A. A. [The Theory of Cultural and Historical Types of N. Ya. Danilevsky and permanent strategic instability]. In: *Kaspijskij region: politik, ekonomika, kul'tura* [The Caspian Region: Politics, Economics, Culture], 2021, no. 2 (67), pp. 88–95.
6. Osipov I. D. [Philosophical Criticism of the Ideology of Eurocentrism in Russian Conservatism]. In: *Rossiya v global'nom mire* [Russia in the Global World], 2016, no. 8 (31), pp. 539–545.
7. Savenkov R. V. [Reflection of N. Ya. Danilevsky's Ideas in the "National Security Strategy of the Russian Federation"]. In: *Zhurnal politicheskikh issledovanij* [Journal of Political Research], 2023, vol. 7, no. 1, pp. 104–114.
8. Chernysheva L. I. [Problem of the Relations between Russia and Europe in N. Ya. Danilevsky's Works and Realities of the Modern World]. In: *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta* [Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University], 2016, no. 2, pp. 68–75.
9. Spengler O. *Der Untergang des Abendlandes* (Rus. ed.: Garelin N. F. *Zakat Evropy. Ocherki morfologii mirovoj istorii. Obraz i dejstvitel'nost'*). Moscow, Popurri Publ., 2023. 656 p.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Гурьянова Анна Викторовна – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и истории Самарского государственного экономического университета;
e-mail: annaguryanov@yandex.ru

Тимофеев Александр Вадимович – кандидат педагогических наук, доцент кафедры информационных систем и технологий Самарского национального исследовательского университета имени академика С. П. Королева;
e-mail: timofeev_av@list.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Anna V. Guryanova – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Head of the Department, Philosophy and History Department, Samara State University of Economics;
e-mail: annaguryanov@yandex.ru

Alexander V. Timofeev – Cand. Sci. (Pedagogy), Assoc. Prof., Department of Information Systems and Technologies, Samara National Research University;
e-mail: timofeev_av@list.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Гурьянова А. В., Тимофеев А. В. Об исторической миссии России в контексте цивилизационного подхода // Современные философские исследования. 2024. № 2. С. 84–94.

DOI: 10.18384/2949-5148-2024-2-84-94

FOR CITATION

Guryanova A. V., Timofeev A. V. On Historical Mission of Russia in the Context of a Civilizational Approach. In: *Contemporary Philosophical Research*, 2024, no. 2, pp. 84–94.

DOI: 10.18384/2949-5148-2024-2-84-94

УДК 373.31

DOI: 10.18384/2949-5148-2024-2-95-101

«ТВОРЧЕСКАЯ ЛИЧНОСТЬ»: СУЩНОСТЬ ПОНЯТИЯ И ХАРАКТЕРИСТИКИ

Жаворонкова Г. А.*Государственный университет просвещения**141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Статья посвящена анализу понятия «творческая личность», выявлению его сущности и основных особенностей.

Процедура и методы. Рассмотрены архетипы человека как закодированные в его психике коллективные символы мыслеформы, которые становятся фундаментом его духовности; даётся анализ понятия «творческий потенциал личности» как соотношения диалектической пары возможности и действительности; исследована сущность эмпирического, рефлексивного и духовного уровней развития личностного бытия человека.

Результаты. Проведённый анализ позволяет утверждать, что личность – это духовная монада, а творчество – это атрибут личности. На основании этого даётся определение понятия «творческая личность».

Теоретическая и/или практическая значимость. Значимость статьи заключается в авторском подходе к анализу характерных особенностей таких феноменов, как уровни личностного бытия, личность, творчество и творческая личность.

Ключевые слова: архетип, творческая личность, творческий потенциал, творчество, трансцендирование, уровни духовного развития

“CREATIVE PERSONALITY”: ESSENCE OF THE CONCEPT AND ITS FEATURES

G. Zhavoronkova*Federal State University of Education**ul. Very Voloshinoy 24, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation*

Abstract

Aim. To analyse the concept of “creative personality”, identify its essence and main features.

Methodology. The archetypes of a person are considered as collective symbols of thought forms encoded in his psyche, which become the foundation of his spirituality; an analysis of the concept of “personal creative potential” is given as a correlation between the dialectical pair of possibility and reality; the essence of the empirical, reflexive and spiritual levels of development of a human’s personal existence has been studied.

Results. The analysis carried out allows us to assert that personality is a spiritual monad, and creativity is an attribute of personality. Based on this, a definition of the concept of “creative personality” is given.

Research implication. The significance of the article lies in the author’s approach to the analysis of the characteristic features of such phenomena as levels of personal existence, personality, creativity and creative personality.

Keywords: archetype, creative personality, creative potential, creativity, transcendence, levels of spiritual development

Введение

Для понимания феномена «творческая личность» необходимо обратиться к трактовке сущности понятий «архетип человечества» и «творческий потенциал личности».

Ещё Платон утверждал, что врождённо человеку заданы идеальные идеи (эйдосы), а К. Юнг, автор теории архетипов (в переводе «изначальный образ»), рассматривал их как опыт всех поколений, проявляющий себя как «всеобщее основание душевной жизни каждого, будучи по природе сверхличностным» [10, с. 253].

Архетип человечества един для всех людей, и механизм его развёртывания одинаков. Архетип предстаёт в виде коллективной символики мыслеформ и образцов поведения, которые априорно закодированы в человеческом мозге и заложены в глубине его психики, становясь фундаментом его духовной сферы.

Главной особенностью архетипов является их способность формировать символический мир. Человек как природное существо не смог пользоваться животными инстинктами и заменил их существованием в другой надприродной символической реальности. Таким образом, в процессе эволюции человек обрёл способность жить в символическом мире, который можно рассматривать как начало возможности существования человека в духовном над-природном мире.

Отрыв человека от своего природного начала и обретения способности создавать над-природную символическую реальность характеризует открытие у человечества возможности подниматься на новый духовный уровень существования.

Таким образом, в процессе эволюции человек обрёл способность удваивать реальность – существовать в природном и искусственном мире. При этом искусственный мир проявляет себя в двух ипостасях – в культурной среде в ценностях, традициях и нормах и в творческой деятельности с выходом в духовную трансцендентную надреальность.

Способность творить – потенциальная способность в природе человека

Можно утверждать, что потенциально в природу каждого человека заложена способность творить, поднимаясь в над-природный духовный мир. Но не каждый человек может подняться до этого состояния. Всё зависит от того, насколько развит индивид.

Задатки творческих возможностей заложены в каждого представителя человеческого рода в виде потенции. Чтобы эта возможность осуществилась в действительность, необходимо наличие объективных и субъективных предпосылок. Творческий потенциал содержит в себе предрасположенность к созиданию, которая закладывается в архетипе человечества и в генетике конкретного человека как механизм самореализации его природных ресурсов в процессе жизнедеятельности. Творческий потенциал проявляет себя как специфическое качество человека видеть необычные нюансы в получаемой извне информации и использовать её для создания нового, ранее не существующего.

Природные возможности человека – это его задатки, комбинация которых проявляется в способностях. Если задатки – это генетическое начало, то способности зарождаются в процессе получения знаний, умений и навыков. Если задатки – наследственные, то способности раскрываются в результате социально-культурного освоения мира.

Творческий потенциал человека начинает проявляться как ответ на внутреннюю потребность. Потребность проявляет себя как дискомфорт, нужда в чём-то, требующая приведения человеческого организма в стабильное комфортное состояние. В этом случае потребность выступает как импульс его преодоления. Потребность в творчестве проявляет себя в создании новых социально-культурных ценностей для других и в самореализации своих сущностных сил.

Главной побудительной силой человека к самореализации является цель, кото-

рая видится как идеальный желаемый образ её реализации на основе ценностных ориентаций. С. С. Бубнова рассматривает ценностные ориентации как «устойчивые социально-обусловленные отношения человека к определённым материальным, духовным, общественным благам и идеалам, которые рассматриваются как цели и средства для удовлетворения потребностей человека в процессе его жизнедеятельности» [2, с. 8].

Если человеком рождаются, то личность становятся. Уже Плотин выделял три уровня человеческого бытия: уровень бессознательного господства инстинктов, уровень рефлексивного сознательного бытия и духовный уровень [6]. Принимая во внимание рассуждения Плотина, можно выявить следующие три уровня индивидуального развития человека.

Первый, низший уровень повседневно-го эмпирического существования, когда сознание человека занято удовлетворением телесных потребностей и чувственного существования. На этом витальном уровне человек бессознательно подчиняется внешним силам, копируя поведение других, а его активность проявляется как мастерство, которое является формой приспособления к окружающей среде.

На этом уровне человек живёт чужой жизнью, как бы растворяется в других людях. Так, С. Л. Рубинштейн пишет: «...первейшее из первых условий жизни человека – это другой человек» [7, с. 262–263]

Второй уровень – рефлексивный. На этом уровне формируется способность взглянуть на свои действия как бы со стороны и оценить их как внешние явления. Рассудочная деятельность ограничивает поведение, направляя его в определённое русло. Здесь начинает формироваться самосознание.

Следующий, высший уровень развития – разумный или сознательный. Именно на этом уровне формируется личность как духовный феномен. На этом духовном уровне личностного бытия человек не просто достигает поставленных целей, но и пытается её наиболее свободно и целена-

правленно реализовывать, совершенствуя свои возможности выхода за пределы реальности к возвышенным ценностям. Если рассудочное мышление ориентировано на объективную активность, то духовно-ориентированное мышление ориентировано на постоянное свободное самосовершенствование и творческую активность с выходом за границы реальности. На этом уровне личность существует как самостоятельная духовная субстанция, способная создавать трансцендентные образы и взаимодействовать с ценностно-смысловыми структурами.

Таким образом, низший уровень, по словам В. Н. Волкова, – «уровень предличностного бытия», когда личность ещё не ведает о своих способностях, второй уровень – уровень личностного становления, когда личность ощущает себя только как самобытие, достигаемое в процессе совместной деятельности [3, с. 130]. Только высший уровень бытия – духовный, ибо основан на формировании способности к выходу за пределы реальности и самоопределению своего существования как в реальном, так и в ином мире символических структур и экзистенциальной среде, который являет собой субъективированное личностное бытие.

Если человеку на уровне предличностного бытия духовное бытие закрыто, ибо он живёт по принципу «бытие определяет сознание», погружаясь в материальный опыт, то на уровне личностного становления человек живёт уже по принципу «идеальное сознание определяет материальное бытие» и сознание утверждает своё господство путём создания идеальных образов в реальном бытии, а на уровне духовного бытия личность обретает специфическую особенность – постоянно самосовершенствоваться и саморегулироваться, наделяя реальные явления новым ценностным смыслом.

Поэтому личность как духовная субстанция обладает творческой уникальностью и способностью путём трансцендирования творить свой неповторимый «ценностный внутренний мир, осмысливая, бескорыстно

оценивая и чувственно переживая полученную информацию на основе общечеловеческих норм нравственности, и направлять свою деятельность на достижение истины, добра, красоты и любви в процессе самосовершенствования» [5, с. 51–52].

Творческая деятельность – это диалектический процесс

Достигнуть духовного бытия могут многие люди, так как оно потенциально заложено их природой, но жить духовной жизнью могут только те, которые постоянно совершенствуют себя, создавая новое, неповторимое в процессе трансцендирования. Духовность нельзя заимствовать. Она индивидуальна.

Творчество – особая деятельность, а не просто её разновидность. Оно больше, чем деятельность. Творчество – проявляется как сущность человеческого рода и форма его существования, а также как специфическое качественное состояние деятельности.

Творчество – это набор задатков, наследуемых от природы, и качеств, сформированных в процессе жизни. Оно принадлежит как к объективному (материальному), так и субъективному (духовному) миру. Творчество – это способность к внутреннему и внешнему переживанию, к диалогу, т. е. к со-бытию с другими поновому интерпретировать полученную информацию и в трансценденции преодолевать замкнутость и конечность своего существования.

Так, С. Л. Франк писал, что тайна личности заключается в «способности возвышаться над собой, быть по ту сторону самой себя – по ту сторону всякого физического своего состояния и даже своей физической общей природы» [9, с. 407].

Человек всё время ощущает конечность своего существования, но устремлён к бесконечности. Открываясь другим людям в общении с ними, человек преодолевает свою замкнутость. Но если природное тело смертно, то сознание человека относится к нематериальному, но внутреннему его миру. Способностью к транс-

цендированию обладает только сознание, которое воспринимается как «собственно Я». Трансценденция – это вне-бытие, которое никогда не будет реальным миром, это духовное проявление Я, где личность, выходя за пределы реальности, как бы достраивает себя в диалоге с Другим или с Универсумом, дополняя своё несовершенство уникальностью и ценностью Другого для себя.

Г. С. Батищев утверждал: «Нет на свете более творческого дела, нежели межсубъективное общение. И нет более общительного процесса, нежели собственно творчество. Творчество по самой сути своей коммуникативно» [1, с. 436].

В процессе трансцендирования личность расширяет свои границы другой реальностью внутри своей реальности, ощущая таким образом свою бесконечность. Изменяя себя в процессе достраивания творческая личность начинает перерабатывать полученную информацию, запуская механизм творческого процесса.

Творчество – это преобразовательно-культурная деятельность человека, который поднялся на духовный уровень личностного бытия, представляющий собой выход на процессы глобальной эволюции.

Творческая деятельность проявляется в двух ипостасях: новое ценностно значимое для личности (субъективно значимое), и неповторимое уникальное для других (социокультурно значимое).

Для личности (духовного человека) творчество является атрибутом её бытия, способом её существования, это осознанная смыслонаправленная активная жизнедеятельность.

Основные характеристики творчества – это новизна и ценность. Новизна проявляет себя как неизвестный алгоритм решения проблемы, а ценность – и как внутренняя удовлетворённость результатом свободного поиска этого решения, и как новый шаг социокультурного развития, то есть как удовлетворённая потребность и гармонизация внутреннего и внешнего.

Но не любое новое – это благо для человека, а только то, что утверждает общече-

ловеческие ценности или выявляет новые приёмы и способы достижения поставленных целей.

Творческая деятельность проявляется в двух основных видах – информационном и действенном. Информационный вид творческой деятельности основан на обработке (распредмеченности) поступающих идей и информации в авторском ракурсе, которая приводит к выявлению её личностного смысла. Второй её вид – это результат достижения цели путём материализации («опредмечивания») преобразованного объекта новым качеством.

Для творца существовать – это значит, по словам Э. Мунье, «развёртывать себя вовне» [4]. Творческая личность существует, находясь в постоянном становлении, и её внутренний мир в своей потенции неисчерпаем.

Таким образом, творческая деятельность – это диалектический процесс, когда замысел творца, который родился в его сознании при обработке поступающей информации, преобразовался в реальное творческое действие – рождение нового качественного преобразования объекта. Другими словами, диалектическая пара – «распредмечивание» и «опредмечивание» прошли полный цикл преобразования.

Духовность как особая форма личностного бытия

Она основана на постоянном стремлении к самоизменению. Духовность как форма бытия личности имеет свою природу и сущность. Её природа идеальна (т. к. обладает способностью к трансценденции, выходя за пределы своего реального существования, и творить трансценденцию путём перехода от трансцендентного бытия к самобытию) и диалектична, (проходит цикл от реального бытия к трансцендентному и от трансцендентного бытия – к самобытию). Эти переживания являются собой идеализированные чувства. При этом сущность человеческой духовности выражается в экзистенции как ценностном внутриличностном переживании [8].

Таким образом, природа духовности творческой личности отражается в трансценденции, которая начинает формироваться в архетипе человечества в формах сопричастности к общечеловеческим ценностям и ответственности за всё живое в мироздании. Духовные ценности – это закодированные архетипические символы, которые призваны хранить идеал человеческого в человеке.

Особенность личности, которая поднялась на духовный уровень развития – сознательный выбор подчинения должному и ценному для человечества. Духовные ценности – то смысловые установки на выживание и прогресс мировой цивилизации.

Человечество – часть саморазвивающейся суперсистемы Универсума, которая развивается по законам самоорганизации, которые направлены на сохранение своего устойчивого состояния). Главным из них является закон оптимальной целесообразности, который в условиях человеческого сообщества проявляет себя в виде нравственных законов его жизнедеятельности и норм нравственности. Нравственные нормы основаны на: признании за другими людьми таких же прав, какими обладает Я, бескорыстии, требовании непринуждения других, сопричастности, взаимопомощи.

Нравственные нормы являются законам развития Универсума, заложенными в архетипе человечества в виде общечеловеческих ценностей: Истины, Добра и Красоты.

Нравственность проявляет себя как закона оптимальной целесообразности развития Универсума, потому что она упорядочивает общественное бытие и направляет развитие социального организма в сторону его одухотворения. Пренебрежение нравственными законами проявляется в психических нарушениях и здоровье людей, а проявление духовного выражается в чувстве любви.

Высшее проявление духовного осуществляется в чувстве любви. Человек в своём архетипе – это целостное существо, но в реальном мире он представитель одного пола, т. е., по В. Соловьёву, он – это «пол-

человека». Однако в нём заложено стремление к целостности своего существования, которая обретается только в любви, где Я существует как Я и как Другой Я. Бескорыстно отдавая себя Другому как части своего Я, человек обретает свою целостность. В любви, чем больше ты отдаёшь Другому, тем больше получаешь сам. Поэтому этот принцип любви становится принципом личного духовного самосовершенствования и одновременно совершенствования Универсума.

Заключение

Таким образом, «творческая личность» – это человек, который в своём развитии поднялся на духовный уровень бытия, где обрёл способность в процессе трансцендирования выходить за пределы своего реального бытия, создавая новые общезначимые ценности.

Статья поступила в редакцию 06.04.2024.

ЛИТЕРАТУРА

1. Батищев Г. С. Введение в диалектику творчества. СПб.: Русский христианский гуманитарный институт, 1997. 463 с.
2. Бубнова С. С. Системообразующие факторы индивидуальности – ценностные ориентации личности и ПВК объекта деятельности. Чебоксары: Новое время, 2015. 74 с.
3. Волков В. Н. Онтология личности. Иваново: Ивановский государственный университет, 2001. 378 с.
4. Мунье Э. Манифест персонализма / пер. И. С. Вдовиной, В. М. Володина. М.: Республика, 1999. 559 с.
5. Некрасова Н. А., Некрасов С. И. Духовность: сущность и проявление. М.: Полиграф сервис, 2014. 139 с.
6. Плотин. Пятая Эннеада / пер. Т. Г. Сидаша. СПб.: Квадривиум, 2019. 393 с.
7. Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. СПб.: Питер, 2017. 287 с.
8. Тригубенко Ф. А., Некрасов С. И., Некрасова Н. А. К вопросу о сущности сознания и его структуры // Научные ведомости Белгородского государственного университета. 2017. № 3 (252). Вып. 39. С. 153–157
9. Франк С. Л. Душа человека. М.: ARCHIVE PUBLICA, 2020. 261 с.
10. Юнг К. Аналитическая психология / пер. А. А. Чечиной. М.: АСТ, 2020. 368 с.

REFERENCES

1. Batishchev G. S. *Vvedenie v dialektiku tvorchestva* [Introduction to the Dialectics of Creativity]. St. Petersburg, Russian Christian Humanitarian Institute Publ., 1997. 463 p.
2. Bubnova S. S. *Sistemoobrazuyushchie faktory individual'nosti – cennostnye orientacii lichnosti i PVK ob'ekta deyatel'nosti* [System-Forming Factors of Individuality – Value Orientations of the Individual and the Internal Values of the Object of Activity]. Cheboksary, Novoe vremya Publ., 2015. 74 p.
3. Volkov V. N. *Ontologiya lichnosti* [Ontology of Personality]. Ivanovo, Ivanovo State University Publ., 2001. 378 p.
4. Mounier E. *Manifeste au service du personnalisme* (Rus. ed.: Vdovina I. S., Volodin V. M., transl. *Manifest personalizma*. Moscow, Respublika Publ., 1999. 559 p.).
5. Nekrasova N. A., Nekrasov S. I. *Duhovnost': sushchnost' i proyavlenie* [Spirituality: Essence and Manifestation]. Moscow, Poligraf servis Publ., 2014. 139 p.
6. Plotinus. *The Enneads V* (Rus. ed.: Sidash T. G., transl. *Pyataya Enneada*. St. Petersburg, Kvadrivium Publ., 2019. 393 p.).
7. Rubinshtejn S. L. *Bytie i soznanie* [Being and Consciousness]. St. Petersburg, Piter Publ., 2017. 287 p.
8. Trigubenko F. A., Nekrasov S. I., Nekrasova N. A. [To a Question about the Nature of Consciousness and Its Structure]. In: *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Belgorod State University Scientific Bulletin], 2017, no. 3 (252), iss. 39, pp. 153–157
9. Frank S. L. *Dusha cheloveka* [The Human Soul]. Moscow, ARCHIVE PUBLICA Publ., 2020. 261 p.
10. Jung C. *Zwei Schriften uber analytische Psychologie* (Rus. ed.: Chechina A. A., transl. *Analiticheskaya psihologiya*. Moscow, AST Publ., 2020. 368 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Жаворонкова Галина Анатольевна – аспирант кафедры философии государственного университета просвещения;
e-mail: zhavoronkova.1974@inbox.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Galina A. Zhavoronkova – Postgraduate Student, Department of Philosophy, Federal State University of Education;
e-mail: zhavoronkova.1974@inbox.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Жаворонкова Г. А. «Творческая личность»: сущность понятия и характеристики // Современные философские исследования. 2024. № 2. С. 95–101.
DOI: 10.18384/2949-5148-2024-2-95-101

FOR CITATION

Zhavoronkova G. A. “Creative Personality”: Essence of the Concept and Its Features. In: *Contemporary Philosophical Research*, 2024, no. 2, pp. 95–101.
DOI: 10.18384/2949-5148-2024-2-95-101

УДК 378

DOI: 10.18384/2949-5148-2024-2-102-109

ОСНОВНЫЕ СТРУКТУРНО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВУЗА КАК ИСТОЧНИКА ПОРОЖДЕНИЯ И МЕХАНИЗМА ТРАНСФЕРА ЗНАНИЙ

Кокоева И. А.*Государственный университет просвещения**141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Выявление основных структурно-функциональных особенностей вуза как источника порождения и механизма трансфера знаний в едином культурно-образовательном пространстве.

Процедура и методы. Использованы системный метод и метод структурно-функционального анализа. Проведён сравнительный анализ функциональной структуры российских и зарубежных вузов. Исследованы основные функции вузов и особенности их инновационного развития.

Результаты. Выделены основные структурно-функциональные особенности вуза. Сформулированы базовые функции вуза. Проанализированы основные типы российских вузов. Указаны основные позитивные тенденции трансформации современного российского высшего образования.

Теоретическая и/или практическая значимость данного исследования состоит в возможности на базе сформулированных идей проанализировать причины негативных характеристик конкретных вузов и наметить реальные пути их эффективного позитивного преобразования. Кроме того, на базе данного исследования можно усилить успешность прогнозов развития высшего образования в России.

Ключевые слова: высшее учебное заведение, знание, порождение знания, структурно-функциональные особенности, трансфер знания, функции

THE MAIN STRUCTURAL AND FUNCTIONAL FEATURES OF THE UNIVERSITY AS A SOURCE OF GENERATION AND MECHANISM OF KNOWLEDGE TRANSFER

I. Kokoeva*Federal State University of Education**ul. Very Voloshinoy 24, Moscow Region, Mytishchi 141014, Russian Federation*

Abstract

Aim. To identify the main structural and functional features of the university as a source of generation and mechanism of knowledge transfer in a single cultural and educational space.

Methodology. The system method and the method of structural and functional analysis were used. A comparative analysis of the functional structure of Russian and foreign universities is carried out. The main functions of universities and the features of their innovative development are investigated.

Results. The main structural and functional features of the university are highlighted. The basic functions of the university are formulated. The main types of Russian universities are analyzed. The main positive trends in the transformation of modern Russian higher education are indicated.

Research implications. Based on the ideas proposed in this study, it is possible to analyze the causes of negative characteristics of specific universities and outline real ways of their effective positive transformation. In addition, based on this study, it is possible to strengthen the success of forecasts for the development of higher education in Russia.

Keywords: higher education institution, knowledge, generation of knowledge, structural and functional features, knowledge transfer, functions

Введение

Современные вызовы, стоящие перед российским высшим образованием, стимулируют постепенную трансформацию нашей образовательной системы, заставляя изменять формы и методы образовательной деятельности от репродуктивных к интерактивным, меняя её базовую парадигму, заимствуя передовой опыт и методики других стран, и не пренебрегая при этом огромным интеллектуальным наследием, оставленным нам великими российскими учёными и педагогами. Для реализации своих образовательных функций и построения единого культурно-образовательного пространства вуза как стимулирующей интеллектуальной питательной среды для порождения и трансфера знания вузы должны обладать соответствующей структурно-функциональной организацией. Это организация, как, собственно, и само содержание, и формат учебного процесса, в России традиционно довольно сильно отличается от принятых в зарубежных вузах, хотя по ряду причин и сходств между вузами разных стран можно отметить немало.

Основные структурно-функциональные особенности вуза

Можно выделить несколько типичных структурно-функциональных особенностей любых вузов.

Во-первых, это наличие академической организационной структуры. В России вузы традиционно делятся на факультеты, иногда на институты, которые специализируются на определённой отрасли знания. Факультеты обычно делятся на кафедры, проводящие обучение и исследования по конкретным дисциплинам [11].

Во-вторых, всегда существует тщательно разработанная система учебных программ основных, специализированных и факультативных курсов, система аккредитации и поддержания качества образования. Это обеспечивает эффективное систематическое образование.

В-третьих, для вузов характерна научно-исследовательская деятельность для генерации нового знания в разных областях науки и техники, проведение фундаментальных и прикладных исследований, наличие научных центров, лабораторий, кабинетов; обязательная публикационная активность, регулярное проведение конференций и т. п.; формирование научных инкубаторов и центров трансфера технологий; активное сотрудничество с научными и промышленными партнёрами.

В-четвёртых, любой вуз характеризует высококвалифицированный персонал – преподаватели и научные сотрудники, обеспечивающие успешную генерацию и трансфер знания.

В-пятых, обязательно присутствующая в структуре вуза система библиотек и доступа к научным информационным ресурсам (электронным базам знаний, онлайн-образованию и т. п.).

В-шестых, важное место занимает организация студенческой жизни: проведение спортивных мероприятий, создание клубов, научных сообществ, организация культурных мероприятий, конкурсов, фестивалей, экспедиций, экскурсий, участие в гражданских акциях [8].

В-седьмых, у любого вуза обязательно есть административный аппарат: ректораты, деканаты, кадровая, юридическая, финансовая, хозяйственная службы, управление охраны и другие административные подразделения. Задача аппарата – обеспечить нормальное функционирование вуза. Как правило, в российских вузах это иерархически выстроенная вертикальная структура.

В-восьмых, в вузах необходимо наличие современной материально-технической инфраструктуры для обеспечения комфортных условий для обучения и жизни студентов, а также для обеспечения возможности активной научно-исследовательской деятельности.

В-девятых, важное место занимает международное сотрудничество для обмена опытом, для проведения совместных исследований, обмена студентами и стажё-

рами, преподавателями, для совместной публикационной деятельности, для проведения конференций с международным статусом и других научных и образовательных предприятий.

В-десятых, в вузах существует разработанная система практик, стажировок, участия в проектах для практического применения получаемых знаний.

В-одиннадцатых, в вузах обязательно присутствует разработанная система постоянного промежуточного и итогового контроля и оценки получаемых знаний.

Таким образом, структурные особенности вуза поддерживают выполнение его основных функциональных задач – формирования знаний, умений, навыков у обучаемых, обеспечения качества образования, создания условий для развития творческих способностей студентов, вовлечения студентов в различные виды социально значимой деятельности [5; 6; 7].

Для истории российского образования с середины XVIII в. характерен интересный структурно-функциональный принцип: «...университет становился своеобразным центром образовательной системы, который готовил для себя обучающихся в подчинённых себе образовательных учреждениях с помощью им же подготовленных учителей, получил своё развитие и определённую нормативную завершённость в начале XIX века. Это позволяло достаточно эффективно решать проблему создания необходимой подготовительной базы для развития высшего образования в стране, в силу целого ряда причин объективного порядка не имевшей в тот период развитой системы общего образования. Заложенный более двух столетий назад принцип построения образовательной системы, центром которой является университет, сегодня во многом возрождается. Конечно, предпосылки для этого другие, нежели те, что были в XVIII–XIX вв. Однако сохраняется главное. Ориентированный на фундаментальное образование, основанное на новейших достижениях науки, университет не может быть изолированным образовательным учреждением. Он неизбежно

аккумулирует вокруг себя структуры, позволяющие обеспечить интеграцию различных ступеней образования, создание и развитие мощной материальной и научно-методической базы, способной обеспечить современное образование мирового уровня» [9].

Этот принцип успешно реализуется в современном российском образовании. Отличный пример – Саратовский государственный университет, в состав которого помимо классических факультетов входят «Педагогический институт, Балашовский институт (филиал), Институт дополнительного профессионального образования, Колледж радиоэлектроники им. П. Н. Яблочкова, Геологический колледж, Зональная научная библиотека им. В. А. Артисевич, Поволжский региональный центр новых информационных технологий, научно-исследовательские институты и целый ряд других структур» [9]. Благодаря такой структуре возникает мощный университетский комплекс.

Нужно отметить, что современная ситуация в мировом высшем образовании удивительно плюралистична, предлагая огромное количество моделей университетов с их структурно-функциональными особенностями. Эти особенности относятся с определённой долей условности ко всем вузам, а не только к университетам.

Основные функции вуза

Выбор модели конкретного университета сложно зависит от множества факторов, включая культуру страны, исторические традиции, цели и задачи образовательного учреждения. И. Н. Емельянова и Л. М. Волосникова отмечают, что выбор модели университета зависит от значения удельного веса одной из пяти основных функций, выделенных классиками «идеи университета»: обучающей, исследовательской, профессиональной, социокультурной, воспитательной [1, с. 84]. Анализируя тексты миссий российских и зарубежных университетов, указанные авторы выделили базовые темы,

составляющие основные функции университетов.

Функция обучения:

- формирование новых способов мышления;
- создание академической среды (стандарты интеллектуально-познавательной деятельности: критическое мышление, творческие способности, культура сотрудничества, этические нормы, поведения, коммуникативность, социальная адаптивность, гражданственность, самодисциплина, ответственность, новаторский дух, толерантность, инициативность, амбициозность)

- создание образовательных сервисов для вузовского и послевузовского образования;

- продвижение знаний по всему миру [1, с. 84].

Исследовательская функция:

- глобальный контекст исследования (междисциплинарные, кроссдисциплинарные, мультидисциплинарные исследования);

- передовые исследования;
- инновационность результатов исследования;
- международная открытость и сотрудничество [1, с. 85–86].

Профессиональная функция:

- экономическая и предпринимательская активность;
- исследования в бизнесе и промышленности;

- подготовка профессиональных кадров;

- устойчивое развитие региона;
- экспертная функция [1, с. 87–88].

Социокультурная функция:

- служение обществу, нации, миру;
- сотрудничество и обмен культурами;
- опора на исторические корни и традиции;

- развитие духовности [1, с. 88–89].

Воспитательная функция:

- формирование жизнеутверждающих ценностей;
- личностный и интеллектуальный рост;

- воспитание лидеров, способных принимать решения;

- стимулирование конкурентоспособности [1, с. 89].

О. Н. Пономарева пишет, что для высшего образования России характерны несколько типов университетов:

- Национальный исследовательский университет: ведёт межпредметные научные исследования, отличается хорошим взаимодействием образовательной и исследовательской функций, отличается высокой эффективностью и результативностью инновационной деятельности. Пример: МГТУ им. Н. Э. Баумана, НИУ ВШЭ и др.

- Федеральный университет – территориальный научно-образовательный центр, активно взаимодействует с бизнесом и академической наукой, сотрудничает с российскими и зарубежными вузами, проявляет высокую степень и результативность инновационной активности. Пример: Балтийский Федеральный Университет им. Иммануила Канта, Дальневосточный федеральный университет.

- Региональный университет – центр классического образования региона, для которого осуществляет инновационную деятельность, активно взаимодействует с региональным бизнесом и является центром международного сотрудничества и социально-экономического развития региона [10]. Пример: Кемеровский государственный медицинский университет, Вятский государственный университет, Челябинский государственный университет и др.

Ещё одной важной современной моделью стал так называемый корпоративный университет. «Образовательный процесс в корпоративном университете характеризуется следующими чертами:

- самостоятельное изучение учебных материалов;

- практические занятия: решение смоделированных производственных задач, мозговые штурмы и т. д.;

- обучение коллег коллегами;

– немедленное применение получаемых знаний и навыков;

– существенная роль в образовательном процессе технологий дистанционного обучения.

Целью корпоративного университета является формирование определённых профессиональных навыков и компетенций у студентов. Имеется тенденция перехода от обучения с целью выработки практических навыков, применимых на рабочем месте «здесь и сейчас», к обучению с целью обеспечения овладения студентами более широкими, в том числе общими, компетенциями (умение решать типовые производственные задачи, критическое мышление, анализ, общие коммуникативные навыки и т. д.). Корпоративный институт является эффективным и принципиально новым механизмом решения проблемы взаимодействия промышленности и высшего образования» [12, с. 22–23].

Надо отметить, что многие современные университеты могут совершенно органично совмещать несколько моделей своей организации или адаптировать их под свои нужды и стратегические цели.

Важно подчеркнуть, что в современном мире существуют очень разные модели инновационного развития: помимо упоминавшегося нами предпринимательского университета есть модели университета-технополиса, университетский кластер, вертикальный и матричный университет, французская, шведская, датская, китайская, южнокорейская и другие модели [2, с. 91].

О. И. Кондрашова и И. Ф. Колонтаевская считают, что инновационное развитие зарубежных вузов базируется на пяти принципах единой концептуальной основы:

- 1) предпринимательства;
- 2) сильного административного ядра;
- 3) усиленно развивающейся периферии;
- 4) фандрайзинга (мобилизации капитала) и формируемой по своему усмотрению многоканальной базы финансирования, что даёт университету свободу действий;
- 5) заинтересованности в преобразованиях основных подразделений университета [2, с. 91].

указали: «Исследование инновационного развития зарубежных вузов, проведённое в 2012–2013 гг. на кафедре управления инновациями Российского государственного университета инновационных технологий и предпринимательства (РГУИТП), выявило особенности инновационного развития университетов, характерные для всех стран:

1. Усиление автономии и независимости вузов.

2. Тщательная разработка инновационных организационных моделей университетов.

3. Соответствие направлений подготовки, предлагаемых университетами, самым востребованным в обществе специальностям, а также научным и технологическим процессам.

4. Реализация триады «наука – образование – производство». Сближение университетов с реальным сектором экономики: с промышленными предприятиями и бизнесом.

5. Применение инновационных интерактивных средств, форм и методов обучения (в том числе информационно-коммуникационных технологий – ИКТ, технологии реального времени).

6. Создание инновационных кластеров.

7. Создание межвузовских центров коллективного пользования оборудованием.

8. Интернационализация, транснационализация и глобализация высшего образования; сближение систем высшего образования западных стран.

9. Новый уровень развития международного рынка образовательных услуг; открытость и доступность международного образования. Увеличение академической мобильности студентов и преподавателей» [2, с. 91–92].

Основные черты позитивной трансформации российских вузов

Все эти процессы инновационной трансформации характерны не только для зарубежных, но и для российских вузов. Опыт последних лет показывает, что наша

система образования постепенно трансформирует свои структурно-функциональные особенности для своего соответствия потребностям российского социума и современной экономики:

1) наши вузы во многом обретают академическую самостоятельность;

2) значительно модернизируют свою материально-техническую базу и инфраструктуру;

3) активно ведут финансовую деятельность, привлекая внебюджетное финансирование со стороны частного бизнеса и выполняя госзаказы;

4) переходят к процессно-ориентированному и проектному управлению своей деятельностью;

5) создают собственные предпринимательские структуры;

6) организуют межпредметные научные сообщества и инновационно-технологические центры;

7) постоянно повышают квалификацию преподавателей и сотрудников, приглашают на временную работу известных учёных и высококвалифицированных преподавателей извне;

8) ориентируются на формирование индивидуальной образовательной траектории каждого студента [3];

9) активно используют методы электронного обучения и дистанционного образования;

10) реализуют концепцию опережающего непрерывного образования, внедряя системы довузовской подготовки, послевузовского обучения и повышения квалификации специалистов; создают академии для взрослых и т. п. [14];

11) диверсифицируют спектр предлагаемых интеллектуальных услуг и интеллектуальных продуктов;

12) адаптируют перечень специальностей к потребностям экономики и социума;

13) расширяют список своих функций;

14) постоянно меняют свою функционально-организационную структуру для постоянного совершенствования и развития вуза;

15) увеличивают число его связей с другими социально-экономическими акторами [4];

16) внедряют систему управления знаниями как главным ресурсом вуза;

17) трансформируют вуз в крупную экосистему;

18) используют идею вуза как многофункциональной платформы для сотрудничества и глобального коммуникационного центра [13, с. 43].

Заключение

В заключение мы должны сформулировать несколько принципиально важных тезисов.

Во-первых, любой вуз по своей организационно-функциональной структуре является так называемой сложной организацией.

Во-вторых, любой вуз является специализированным механизмом порождения и трансфера разных типов знания.

В-третьих, любой вуз потенциально превращается в развитую экосистему.

Статья поступила в редакцию 14.03.2024.

ЛИТЕРАТУРА

1. Емельянова И. Н., Волосникова Л. М. Функции современных университетов: сравнительный анализ миссий отечественных и зарубежных вузов // Университетское управление: практика и анализ. 2018. Т. 22. № 1. С. 83–92.
2. Кондрашова О. И., Колонтаевская И. Ф. Зарубежный опыт инновационного развития вузов // Альманах современной науки и образования. 2013. № 11 (78). С. 91–93.
3. Костин Г. А., Юмашева И. А. Управление образовательной системой вуза на основе разработки и внедрения технологии индивидуальной траектории обучения // Экономика и управление. 2020. Вып. 26. № 3 (173). С. 315–321.
4. Орлов С. Н. Формирование единого культурного пространства региона: институты и практики // Культурное наследие России. 2022. № 1 (36). С. 101–106.

5. Оселедчик М. Б. Знание как бионический концепт // Бионика – 2022: сборник статей Второй Международной научно-практической конференции, Москва, 23–24 декабря 2022 г. М.: Ассоциация технических университетов, 2023. С. 65–72.
6. Оселедчик М. Б. Когнитивное неравенство и проблема трансфера знаний // Человек и общество в контексте современности: II философские чтения памяти профессора П. К. Гречко: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. М.: Директ-Медиа, 2023. С. 187–192.
7. Оселедчик М. Б. Функциональная теория знания [Электронный ресурс] // Гуманитарный вестник. 2022. № 4. URL: <http://dx.doi.org/10.18698/2306-8477-2022-4-797> (дата обращения: 08.05.2024).
8. Особенности социального, эмоционального и культурного интеллекта и распознавания эмоций у представителей России и стран Азии / Н. Б. Карабущенко, Т. С. Пилишвили, Т. В. Чхиквадзе, Н. Л. Сунгурова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2020. № 2. С. 394–404.
9. Поздняков А. Н. Становление российского университета как центра образовательной системы // Образование в современном мире: сборник научных статей. Вып. 4 / под ред. Ю. Г. Голуба. Саратов: Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского, 2009. С. 64–68.
10. Пономарева О. Н. Модели и функции современных университетов [Электронный ресурс] // Вестник Евразийской науки. 2020. № 5. URL: <https://esj.today/PDF/68ECVN520.pdf> (дата обращения: 08.05.2024).
11. Резник С. Д., Сазыкина О. А. Проректоры российского университета: социологический портрет и структурные изменения // Университетское управление: практика и анализ. 2020. Вып. 24. № 1. С. 119–132.
12. Типология университетов, модели и инструменты организационного развития / под ред. В. С. Ефимова. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2018. 52 с.
13. Трансформация моделей университетов: анализ стратегий развития вузов мира / Д. А. Штырно, Л. В. Константинова, Н. Н. Гагиев, Е. А. Смирнова, О. Д. Никонова // Высшее образование в России. 2022. Т. 31. № 6. С. 27–47. DOI: 10.31992/0869-3617-2022-31-6-27-47
14. Шибанова Е. К. Моделирование системы высшего образования: зарубежный опыт и российские тенденции // Современные проблемы науки и образования: [сайт]. 2015. № 4. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=20877> (дата обращения: 08.05.2024).

REFERENCES

1. Emelyanova I. N., Volosnikova L. M. [Functions of Modern Universities: Comparative Analysis of Missions of International and National Universities]. In: *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz* [University Management: Practice and Analysis], 2018, vol. 22, no. 1, pp. 83–92.
2. Kondrashova O. I., Kolontaevskaya I. F. [Foreign Experience of Higher Education Institutes Innovative Development]. In: *Al'manah sovremennoj nauki i obrazovaniya* [Almanac of Modern Science and Education], 2013, no. 11 (78), pp. 91–93.
3. Kostin G. A., Yumasheva I. A. [Higher Education System Management Based on the Development and Implementation of the Personalized Learning Path Approach]. In: *Ekonomika i upravlenie* [Economics and Management], 2020, vol. 26, no. 3 (173), pp. 315–321.
4. Orlov S. N. [Formation of a Unified Cultural Space of the Region: Institutions and Practices]. In: *Kul'turnoe nasledie Rossii* [Cultural Heritage of Russia], 2022, no. 1 (36), pp. 101–106.
5. Oseledchik M. B. [Knowledge as a Bionic Concept]. In: *Bionika – 2022: sbornik statej Vtoroj Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Moskva, 23–24 dekabrya 2022 g.* [Bionics – 2022: Collection of Articles of the Second International Scientific and Practical Conference, Moscow, December 23–24, 2022]. Moscow, Association of Technical Universities Publ., 2023, pp. 65–72.
6. Oseledchik M. B. [Cognitive Inequality and the Problem of Knowledge Transfer]. In: *Chelovek i obshchestvo v kontekste sovremennosti: II filosofskie chteniya pamyati professora P. K. Grechko: sbornik materialov Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [Man and Society in the Context of Modernity: II Philosophical Readings in Memory of Professor P. K. Grechko: Collection of Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference]. Moscow, Direkt-Media Publ., 2023, pp. 187–192.
7. Oseledchik M. B. [Functional Theory of Knowledge]. In: *Gumanitarnyj vestnik* [Humanitarian Bulletin], 2022, no. 4. Available at: <http://dx.doi.org/10.18698/2306-8477-2022-4-797> (accessed: 08.05.2024).
8. Karabuschenko N. B., Pilishvili T. S., Chkhikvadze T. V., Sungurova N. L. [Features of Social, Emotional and Cultural Intelligence and Recognition of Emotions by Russian and Asian Students]. In: *Vestnik*

- Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Sociologiya [RUDN Journal of Sociology]. In: *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Sociologiya* [Features of Social, Emotional and Cultural Intelligence and Recognition of Emotions among Representatives of Russia and Asian Countries], 2020, no. 2, pp. 394–404.
9. Pozdnyakov A. N. [Formation of the Russian University as a Center of the Educational System]. In: *Obrazovanie v sovremennom mire. Vyp. 4* [Education in the Modern World]. Saratov, Saratov State University named after N. G. Chernyshevsky Publ., 2009, pp. 64–68.
 10. Ponomareva O. N. [The Eurasian Scientific Journal]. In: *Vestnik Evrazijskoj nauki* [Bulletin of Eurasian Science], 2020, no. 5. Available at: <https://esj.today/PDF/68ECVN520.pdf> (accessed: 08.05.2024).
 11. Reznik S. D., Sazykina O. A. [Russian University Pro-Rectors: Sociological Portrait and Structural Changes]. In: *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz* [University Management: Practice and Analysis], 2020, vol. 24, no. 1, pp. 119–132.
 12. Efimov V. S., ed. *Tipologiya universitetov, modeli i instrumenty organizacionnogo razvitiya* [Typology of Universities, Models and Tools of Organizational Development]. Krasnoyarsk, Siberian Federal University Publ., 2018. 52 p.
 13. Shtykhno D. A., Konstantinova L. V., Gagiev N. N., Smirnova E. A., Nikonova O. D. [Transformation of University Models: Analysis of the Development Strategies of Universities in the World]. In: *Vyshee obrazovanie v Rossii* [Higher Education in Russia], 2022, vol. 31, no. 6, pp. 27–47. DOI: 10.31992/0869-3617-2022-31-6-27-47
 14. Shibanova E. K. [Modeling of the System of Higher Education: Foreign Experience and Russian Trends]. In: *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* [Modern Problems of Science and Education], 2015, no. 4. Available at: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=20877> (accessed: 08.05.2024).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кокоева Ирина Александровна – ассистент кафедры непрерывного образования Центра повышения квалификации и профессиональной переподготовки Государственного университета просвещения;
e-mail: kokoevaia@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Irina A. Kokoeva – Assistant, Department of Continuous Education of the Center for Advanced Training and Professional Retraining, Federal State University of Education;
e-mail: kokoevaia@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Кокоева И. А. Основные структурно-функциональные особенности вуза как источника порождения и механизма трансфера знаний // Современные философские исследования. 2024. № 2. С. 102–109.
DOI: 10.18384/2949-5148-2024-2-102-109

FOR CITATION

Kokoeva I. A. The Main Structural and Functional Features of the University as a Source of Generation and Mechanism of Knowledge Transfer. In: *Contemporary Philosophical Research*, 2024, no. 2, pp. 102–109.
DOI: 10.18384/2949-5148-2024-2-102-109

УДК: 177.7

DOI: 10.18384/2949-5148-2024-2-110-118

ТЕМПОРАЛИЗМ ВОЛОНТЁРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Майкова О. А.*Международный юридический институт**127427, г. Москва, ул. Кашёнкин Луг, д. 4, Российская Федерация**Международный юридический институт, Королёвский филиал**141070, Московская обл., г. Королёв, б-р Октябрьский, д. 12, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Выявить факторы, влияющие на развитие и распространение темпорализма в волонёрской деятельности, а также проанализировать их влияние на реализацию различных волонёрских проектов.

Процедура и методы. Методологией исследования выступает историко-философский подход к совершенствованию волонёрской деятельности, основанной на идее темпорализма. Проведён социально-философский анализ спектра областей, в которых образуются волонёрские движения на принципах темпорализма.

Результаты. В результате исследования выявлены факты, влияющие на развитие и распространение темпорализма в волонёрской деятельности. Показано, что целью волонёрства является не только конкретный результат в виде помощи нуждающимся и реализации определённых проектов, но и формирование глубокого понимания человеческой солидарности и взаимной ответственности за судьбу нашего общества. Результаты исследования подтверждают значимость временного фактора в успешной реализации волонёрских проектов и осуществления волонёрской деятельности в целом, позволяя выделить оптимальные временные рамки для достижения максимальных результатов.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования помогают более глубоко понять сущность временных факторов в волонёрском движении и предлагают практические рекомендации по оптимизации использования временных ресурсов волонёрами и их организациями.

Ключевые слова: альтруизм, благотворительность, волонтерство, социальное предпринимательство, темпорализм

TEMPORALISM OF VOLUNTEER ACTIVITY

O. Maykova*The International Law Institute**ul. Kashenkin Lug 4, Moscow 127427, Moscow Region, Russian Federation**The International Law Institute, Korolev branch**boul. Oktyabrsky 12, Korolev 141070, Moscow Region, Russian Federation*

Abstract

Aim. To identify the factors influencing the development and spread of the idea of temporalism in volunteer activity, as well as to assess their impact on various volunteer activities.

Methodology. The research methodology is the historical and philosophical approach to the problem of improving volunteer activities, based on the idea of temporalism. A social-philosophical analysis of the spectrum of areas in which volunteer movements are formed based on the principles of temporalism is carried out.

Results. As a result of the research, facts have been revealed that influence the development and spread of themproliferation in volunteer activities. It is shown that the purpose of volunteering is not only a specific result in the form of assistance to those in need or the implementation of certain projects, but also the formation of a deep understanding of human solidarity and mutual responsibility for the fate of our society. The results of the study confirm the importance of the time factor in the successful implementation of volunteer projects and the implementation of volunteer activities in general, allowing us to allocate the optimal time frame to achieve maximum results.

Research implications. The results of the analysis help to better understand the essence of temporary factors in the volunteer movement and offer practical recommendations for optimizing the use of time resources by volunteers and their organizations.

Keywords: altruism, charity, volunteering, social entrepreneurship, temporalism

Введение

Использование волонтерами темпорализма в качестве инструмента для осуществления своей деятельности стало наиболее востребованным в современном мире.

Темпорализм – это понятие, которое описывает кратковременную и несистематическую волонтерскую активность. В философии темпорализму дается следующее определение. «Темпорализм – термин эпистемологии – бытовое, эмпирическое или научное описание представления или теории, концепции, проблемы времени эпохи в индивидуально-персональной или культурно-исторической окрашенности» [1, с. 9].

В данной статье рассмотрению подлежат временные аспекты такого явления, как волонтерство. Темпорализм, основной функцией которого является использование своего свободного времени и индивидуальных способностей для помощи другим людям, нашёл своё отражение в многочисленных волонтерских проектах, охватывающих широкий спектр областей: от помощи нуждающимся категориям населения до экологических и культурных инициатив.

Поведение, методы осуществления волонтерской деятельности напрямую зависят от динамики развития данного движения в целом.

Социально-философский анализ спектра областей волонтерского движения

У волонтерской деятельности имеется своя история развития, и на каждом её этапе у человечества было своё отношение к её осуществлению, как и область деятельности, в которых население особо нуждалось. Но всегда волонтерская деятельность оказывала содействие в социальной сплочённости группы лиц, объединённой единой целью. Поскольку волонтерская деятельность основана на бескорыстной поддержке наиболее нуждающихся слоёв населения, то в результате её осуществления формируется философско-нравственный, духовный мир человека. Как правило, происходит обмен материального с нематериальными ресурсами и в каждый временный исторический отрезок эти ресурсы являются различными.

Время, способность и способы управления им используется волонтерами в качестве основного ресурса, обеспечивающего деятельность волонтеров при оказании им поддержки населению. Нередко получается так, что человек, решивший заниматься волонтерской деятельностью, в итоге посвящает себя ей полностью, используя для этого всё своё время, в результате чего вывод об избрании им пути социального служения человечеству напрашивается сам собой.

Так, основатель Международного комитета Красного Креста Анри Дюнан, швейцарский предприниматель, получивший в итоге Нобелевскую премию мира, полно-

стью посвятил себя общественной деятельности. Оказавшись невольным участником событий, произошедших в Италии (Битва при Сольферино), он изменил взгляды на жизнь и её смысл.

Нобелевскую премию мира получил также философ Альберт Швейцер, показавший пример беззаветного служения человечеству. Доктор философских наук, талантливый музыкант добровольно посвящает себя оказанию помощи африканскому населению.

Люди, посвятившие себя социальному служению, целиком погружаются в решение наиболее значимых задач, проблем, назревших в обществе, и, как правило, не имеющих достаточного механизма их правового регулирования. Обращаясь к термину «социальное служение», мы можем провести ассоциации с такими качествами, присущими человеку, как нравственное воспитание, гуманность, альтруизм, призвание, миссия и т. д. На каждом временном отрезке, сталкиваясь с человеком, или группой лиц, готовыми помогать на безвозмездной основе, указанные определения человеческих качеств стоят на первом месте.

Несомненно, что общение с нуждающимися в помощи оставляет неизгладимый отпечаток в формировании личностных характеристик человека, становлению философской позиции, а в зрелом возрасте – способствует порой полному переосмыслению жизненных ценностей, совершенствованию духовной сферы человека, что в совокупности отражается на духовно-нравственной жизни общества.

Ведь в связи с глобальными изменениями в социальных системах феномен духовно-нравственных ценностей приобретает иной статус и требует соединения различных отраслей знаний и форм познавательного опыта воедино [9].

Поскольку волонтерство помогает решать общественно-важные проблемы, государство заинтересовано в его развитии с целью дальнейшего экономического развития страны. Временная работа позволяет организациям сократить затраты на оплату труда, а волонтерам – получить

новые навыки и опыт, несмотря на отсутствие постоянной заработной платы. Это открывает возможности для участия большего числа людей в волонтерских мероприятиях и обеспечивает экономическую устойчивость проектов, основанных на волонтерстве.

Рассматривая волонтерство через призму времени, можно прийти к заключению, что на любом историческом этапе его развития основной целью его являлось сохранение человеческих ресурсов для формирования целостного, сплоченного общества, способного участвовать в решении задач на политическом уровне.

Считается, что точкой отсчёта группового осуществления волонтерской деятельности послужило распространение «Чёрной смерти» в Европе XIV в. Люди стали добровольно объединяться, чтобы минимизировать её дальнейшее распространение, посвятив себя всецело этому делу. В России началом добровольчества принято считать основание Ярославом Мудрым сиротских домов. В период ведения военных действий волонтерство приобретало весомое значение на любом историческом отрезке времени, особенно начиная с XVII в., когда во Франции люди добровольно шли служить в армию. Данный поступок впоследствии приобрёл масштабное значение и безусловно отразилось на повышении уровня патриотического воспитания человечества.

В итоге волонтерская деятельность вышла на мировой уровень, вовлекая всё больше и больше людей, готовых заниматься оказанием помощи социально-незащищённым слоям населения. Это привело к созданию благотворительной организации IAVE, участниками которой являются, помимо России, такие страны, как Аргентина, Канада, Бельгия, Германия, Грузия и ещё более 90 стран мира. Необходимо отметить известную корпорацию «Гринпис», образованную в Ванкувере в 1971 г., основной целью которой был протест против ядерных испытаний. В настоящее время волонтерство корпорации «Гринпис» также имеет существенное влияние в реше-

нии проблемы мирового масштаба: загрязнения планеты токсичными отходами.

На сегодняшний день Генпрокуратура Российской Федерации признала нежелательной деятельность «Гринпис» в России из-за антироссийской пропаганды, финансирования иноагентов и попыток вмешательства во внутренние дела страны. По мнению ведомства, работа организации связана с воспрепятствованием осуществлению выгодных стране инфраструктурных и энергетических проектов с помощью информационных кампаний и несогласованных массовых акций. С начала спецоперации на Украине активисты «Гринпис» начали заниматься антироссийской пропагандой, они призывают к дальнейшей экономической изоляции России и ужесточению санкций против неё¹. Минюст внёс «Гринпис» в список неправительственных организаций, деятельность которых признана в России нежелательной.

Что касается России, то волонтерство активно стало развиваться с момента образования Всесоюзного ленинского коммунистического союза молодёжи (ВЛКСМ), затем образовалась Всесоюзная пионерская организация имени В. И. Ленина (ВПО имени Ленина), образованная решением II Всероссийской конференции РКСМ, принявшей 19 мая 1922 г. резолюцию «Детское движение», из которого сформировалось отдельное движение добровольцев-тимуровцев.

На современном этапе волонтерское движение стремительно развивается по различным направлениям. Особенно увеличилось число волонтеров в период пандемии. Образовалось Всероссийское общественное движение «Волонтеры-медики», Ассоциация волонтерских центров и Общероссийский народный фронт запустили Всероссийскую акцию «МыВместе» и открыли горячую линию адресной поддержки. Сегодня в её рядах трудятся свыше 115 тыс. волонтеров, и их число продолжа-

ет расти. Волонтерские центры действуют во всех регионах, поддержку от них получили уже более 1,5 млн человек².

Образованы Благотворительные фонды «Правмир» и «Созидание» в помощь социально незащищённым слоям населения, поддерживаемые государственной системой здравоохранения.

С момента ведения СВО волонтеры оказывают поддержку в форме направления бойцам в зоны боевых действия медикаментов, инструментов, одежды, и других предметов первой необходимости, что не может не отразиться на формировании чувства патриотизма в первую очередь у молодого поколения. Волонтерская деятельность, осуществляемая добровольцами в военной сфере, противостоит внедрению западоцентристской «общечеловеческой» истории, в которой России отводится отнюдь незавидная роль страны-изгоя, не желающего жить по «европейским» стандартам³. Затронув военную тематику, нельзя обойти стороной образованное добровольцами движение «Бессмертный полк», повлекшее за собой необходимость в создании специальных координирующих данное движение центров с целью соблюдения общественного порядка в стране. «Бессмертный полк» есть явное проявление работы сверхценностной компоненты сознания. Людей в этой массе, объединяемой всегда вокруг и посредством знака-символа, стягивает идея сверхценностной патриотичной детерминации [5]. Примером поддержки государством инициативы добровольцев служит организация им в последствии акции «Бессмертный полк России», тем са-

¹ РИА Новости от 19.05.2023. Генпрокуратура РФ признала Greenpeace нежелательной организацией. Справка [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ntv.ru/novosti/2765621> (дата обращения: 01.09.2023).

² Новости РБК + от 16.06.2020. Волонтерское движение выдержало проверку пандемией. Справка. [Электронный ресурс]. URL: <https://plus.rbc.ru/partners/5ee7aefd7a8aa9a16bf9706d?ysclid=ln3bw hj110118655340> (дата обращения: 01.09.2023)

³ Бельский В. Ю., Марченя П. П. Нужно встать на плечи предков. Рецензия на книгу: Кикнадзе В. Г. Российская политика защиты исторической правды и противодействия пропаганды фашизма, экстремизма и сепаратизма. Москва: Прометей. 2021. 800 с. // Наука. Общество. Оборона. 2024. Т. 9. № 3 (28). С. 28. DOI: 10.24412/2311-1763-2021-3-28-28.

мым подняв патриотическое настроение населения.

Волонтерство получило своё развитие и в образовательной среде. Так, в 2022 г. был создан проект, направленный на оказание методической помощи для всех участников образовательного процесса (волонтеры в образовании). В данном проекте участвуют 1000 волонтеров-учителей. Необходимо упомянуть о появлении в образовательной среде такого понятия, как социально-педагогическая адвокация, сутью которой является организация деятельности по защите конкретного нарушенного права или законного интереса несовершеннолетнего, влияющего на его успешную социализацию и воспитание. Среди родителей как субъектов социально-педагогической адвокации выделяются в том числе активисты. Родитель-активист может в последующем инициировать подобные адвокационные кампании в помощь другим детям и их родителям, находящимся в схожей ситуации [3].

Тенденции развития российского образования также находят своё отражение в реализуемом с 2019 по 2024 гг. национальном проекте «Образование», включающем в себя в том числе Федеральный проект «Социальная активность», направленный на создание условий для развития и поддержки добровольчества (волонтерства) как ключевого элемента социальной ответственности развитого гражданского общества [4].

Необходимо также отметить, что почти во всех вузах страны увеличивается количество студенческих волонтерских движений с целью развития у учащихся профессиональных компетенций и формирования у них мировоззренческих взглядов в целом.

Это связано с введением в некоторые вузы требований об использовании педагогами новых форматов воспитания и обеспечения студентам возможности рефлексивного погружения в первые профессиональные пробы и выбор студентами профессиональной траектории воспитательной деятельности (тьюторство, волон-

терство, классное руководство, вожатство, организация воспитательной работы в школе и системе дополнительного образования) [2, с. 177].

Таким образом, становится очевидно, что общество переходит на другой уровень своего развития, поскольку перечислены далеко не все волонтерские организации и указаны не все сферы, в которых участвуют добровольцы России. С каждым годом роль волонтерской деятельности возрастает, что, несомненно, требует правового регулирования организаций волонтерских движений, возрастает необходимость в создании специальных программ для подготовки желающих к ведению волонтерской деятельности. Всё это нужно для недопущения развития лжеволонтерства, подрывающего истинные ценности добровольчества. Примерами являются образованные общественные организации Арт-группа «Война», движение «Молодёжный антинаркотический спецназ» (МАС) и другие, ликвидированные впоследствии государством. С целью сохранения общественного порядка в стране пришлось внести изменения в законодательные акты России и политически-общественные объединения перестали существовать как организационно правовая форма.

Кроме того, дополнена определением добровольческой (волонтерской) деятельности статья Федерального закона от 11.08.1995 г. № 135-ФЗ, а также изменено название самого закона. В настоящее время данный закон называется «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)».

Заключение

Таким образом, поле для исследований учёными сферы волонтерской деятельности остаётся открытым, поскольку в России это до сих пор новое направление и имеются вопросы относительно мотивационной сферы человека для осуществления добровольчества, для философов же есть материал по исследованию формирования мировоззренческих взглядов волонтеров, влияния волон-

тёрской деятельности на ценностный аспект личности, структуру общественных отношений, формирующих гражданское общество современной России; для социологов, правоведов, менеджеров также возникает множество вопросов по урегулированию, а в дальнейшем совершенствованию института волонтерства, ведь это приведёт к возникновению эволюционных процессов в развитии социально-политических, экономических отношений в стране. Исследование волонтерства через призму времени показывает, как общественно-политические события способствуют появлению новых форм добровольческой деятельности, и как время используется волонтерами в качестве основного ресурса для выполнения ими основных задач, направленных на поддержку населения.

К новым формам волонтерской деятельности можно отнести образование социального предпринимательства, которое принимает все более активное участие в реализации национальных проектов, устанавливает приоритетные направления развития страны, реализация которых имеет не просто стратегическое значение, но и напрямую отражается на уровне жизни населения. Целью ведения социальной предпринимательской деятельности является решение проблем, имеющих наиболее острый характер для общества, требующих коллективного вмешательства [8].

Между тем, ещё Аристотель считал неприемлемыми мотивы деятельности предпринимателей, которые заключались в их в стремлении к наживе. По его мнению, это является причиной разрушения естественного уклада в обществе [7].

Т. Гоббс увязывал предпринимательство и труд человека с позиций внимания к ним со стороны государства. Он отмечал, что необходимо поощрять различного рода промыслы, судоходство, земледелие, рыболовство и все отрасли промышленности. А предпринимательство через труд несёт в себе благо социальное ¹.

¹ Ерышев А. А. История политических и правовых учений: учебное пособие. 3-е изд., стереотип. К.: МАУП, 2002.

В России пока мало кто готов организовывать своё дело с целью отдачи большей части прибыли, полученной в результате предпринимательской деятельности, на решение какой-либо социальной проблемы. Основной причиной является неосведомлённость граждан о позитивных изменениях, наступивших вследствие осуществления социального предпринимательства, получившей своё развитие в наиболее развитых странах.

Нацеленность предпринимателей на решение наиболее значимых социальных проблем означает изменение мотивов в осуществлении деятельности, связанной с предпринимательством. Безусловно, движущей силой по осуществлению человеком любой деятельности являются потребности, установленные в обществе. Социальное предпринимательство фактически является синонимом волонтерства, деятельность которого нацелена на удовлетворение социальных и духовных потребностей, формирующих мотивационную сферу к действию.

Участие социального предпринимательства в реализации национальных проектов означает переход на новый уровень отношений между государством и обществом, готовность к взаимодействию друг с другом для достижения единых целей, что влечёт за собой трансформацию общественного сознания, в частности в области ведения предпринимательской деятельности.

Необходимо отметить, что, приобретая статус «социальный предприниматель», субъект малого (среднего) бизнеса автоматически становится участником национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы», по которому может рассчитывать на финансовую поддержку со стороны государства.

Тем самым подтверждается гипотеза мыслителя Н. Н. Алексеева о необходимости самому государству подчиняться определённым ценностям, которые имеют неизменное, вечное значение в обществе [6].

В настоящее время в России зарегистрировано 2880 предпринимателей, включённых в решение проблем социального характера. Московская область занимает первое место по зарегистрированным социальным предприятиям (291 социальное предприятие). Второе место занимает Ханты-Мансийский автономный округ (201 предприниматель), третье место – Республика Башкортостан (193 предпринимателя).

Кроме социального предпринимательства появились такие направления волонтерской деятельности, как корпоративное волонтерство, событийное волонтерство, инклюзивное волонтерство, культурное и патриотическое волонтерство.

Отдельно необходимо упомянуть о волонтерах-рекрутерах, фактически являющихся наставниками людей, желающих заниматься волонтерской деятельностью. Это люди, прошедшие специальную подготовку для возможности осуществления своей работы. Появление волонтеров-рекрутеров свидетельствует о необходимости в организации групп людей, имеющих даже самые бескорыстные намерения, поскольку даже такая деятельность может привести к необходимости в осуществлении новых мероприятий для ликвидации последствий предыдущего.

Так, добровольцы, освобождающие территории земли от мусора, могут оказаться вне правового поля государства. Член федерального штаба проекта «Чистая Арктика» Андрей Нагибин отметил следующее: «Когда мы начинаем убирать что-то из воды, мы нарушаем действующее законодательство. Для того чтобы вытащить железяку из воды, необходимо пройти государственную экологическую экспертизу, сделать расчёт по объёму тех биоресурсов, жизнь которых мы можем нарушить. Когда мы вытаскиваем это на берег, мы начинаем работать в водоохранной зоне. Мы уже должны выйти с проектно-сметной документацией на конкурс, чтобы это собрать»¹.

¹ Задера С. Почему экологические волонтеры оказались вне закона // Российская газе-

Он отмечает, что необходимо организовать отдельное место для временного хранения собранных волонтерами отходов с целью недопущения создания свалки в другом месте, на создание которой разрешительной документации не имеется: «Мы уже обратились в Совет Федерации и в Комитет Государственной Думы по экологии с просьбой каким-то образом решить вопрос обратного фрахта. Нам необходимо стимулировать паромное судоходство, потому что и судовладельцу, и тем, кто арендует суда, невыгодно везти мусор, в том числе металл, обратно. И здесь, безусловно, без поддержки государства, без каких-то стимулов нам не обойтись»².

Необходимо отметить вид волонтерства, связанный с направлением людей в другие страны с целью оказания помощи социально незащищённым слоям населения. Данный вид волонтерской деятельности распространён в большей степени на Западе. Из года в год около 1,5 миллионов волонтеров направляются помогать людям за границу. Между тем, как считает The New York Times, волонтерство в последнее время больше напоминает бюджетный способ путешествовать, чем действительно помогать³.

Таким образом, очевидно, что темпорализм как философия волонтерства привлекает всё большее количество людей во всем мире. Многие из них осознают истинное значение времени и его ценность для создания позитивных изменений. Каждая отдельная минута, проведённая волонтерской работой, приносит с собой непередаваемую радость и удовлетворение, несмотря на трудности или ограничения, которые могут возникнуть на пути. В статье показано, что волонтерская деятель-

та. 30.08.2022 № 8840 [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2022/08/30/kriterii-chistoty.html?ysclid=lnhmkwqavx245653158> (дата обращения: 01.12.2023).

² Там же.

³ Белова А. Обратная сторона волонтерства за рубежом // Аргументы недели [Электронный ресурс]. URL: <https://argumenti.ru/society/2019/03/605663?ysclid=lscvtpq1r929099705> (дата обращения: 01.12.2023).

ность, основанная на идее темпорализма, является одним из самых ярких проявлений философии и альтруизма в современном мире. Между тем с развитием данного направления возникает необходимость в наиболее тесном сотрудничестве с органами государственной власти, с целью со-

блюдения установленного общественного порядка в стране, что влечёт за собой организацию для добровольцев просветительской работы, помогающей им эффективно осуществлять свою деятельность.

Статья поступила в редакцию 19.02.2024.

ЛИТЕРАТУРА

1. Социальная сплочённость как категория темпорализма в контексте современности: коллективная монография / под науч. ред. В. Ярской-Смирновой. М.: Вариант, 2017. 464 с.
2. Воспитание детей с ограниченными возможностями здоровья: научно-методологические основы и эффективные практики: коллективная монография / под общ. ред.: А. А. Алмазова, Е. И. Адамян. М.: Московский педагогический государственный университет, 2022. 208 с.
3. Алехина Е. В. Особенности ролевых позиций субъектов социально-педагогической адвокации // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2019. Вып. 3 (42). С. 54–61. DOI: 10.24411/2078-1024- 2019-13004
4. Быков А. К. Внешние и внутренние тенденции развития российского образования // Философские и методологические проблемы исследования российского общества: сборник трудов Пятой международной научной конференции, Москва, 25 ноября 2021 г. / под общ. ред. Г. В. Бариновой, Л. Н. Блонского, Л. Н. Климова. Москва: РУТ (МИИТ): РОАТ, 2022. С. 67–76.
5. Колесниченко Ю. В. Истинные ценности российской новейшей истории и способы их аксиологизации в молодёжном сознании («Бессмертный полк») // Философия образования и проблемные пространства детства: сборник научных трудов на основе материалов XXVIII Международной конференции к 225-летию РГПУ им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, 13–15 апреля 2022 г. СПб.: Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, 2022. С. 87–91.
6. Кроткова Н. В. Экспертный «круглый стол» «Идеи евразийства в российском праве: теоретико-философские основания и практика реализации» // Журнал государство и право. 2023. № 1. С. 178–193. DOI: 10.31857/S102694520024145-0
7. Кузнецов О. Ю. К вопросу об эволюции теорий предпринимательства // Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов. 2008. № 2 (20). С. 38–43.
8. Майкова В. П., Данилова О. А. Роль социального предпринимательства в реализации национальных проектов // Национальный проект «Демография»: от цели к решениям: материалы XXV межрегиональных научных социальных чтений, Сургут, 17 марта 2020 г. / под ред. Э. К. Иосифовой. Сургут: Ресурсный центр развития социального обслуживания, 2020. С. 285–290.
9. Молчан Э. М. Феномен духовно-нравственных ценностей в социальных системах // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2019. № 1 (47). С. 119–125.

REFERENCES

1. Yarskoj-Smirnova V., ed. *Social'naya splochyonnost' kak kategoriya temporalizma v kontekste sovremennosti* [Social Cohesion as a Category of Temporalism in the Context of Modernity]. Moscow, Variant Publ., 2017. 464 p.
2. Almazov A. A., Adamyan E. I., eds. *Vospitanie detej s ogranichennymi vozmozhnostyami zdorov'ya: nauchno-metodologicheskie osnovy i effektivnye praktiki* [Raising Children with Disabilities: Scientific and Methodological Foundations and Effective Practices]. Moscow, Moscow Pedagogical State University Publ., 2022. 208 s.
3. Alekhina E. V. [Features of the Role Positions of Subjects of Social and Pedagogical Advocacy]. In: *Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta* [Vestnik of Maykop State Technological University], 2019, vol. 3 (42), pp. 54–61. DOI: 10.24411/2078-1024- 2019-13004
4. Bykov A. K. [External and Internal Trends in the Development of Russian Education]. In: *Filosofskie i metodologicheskie problemy issledovaniya rossijskogo obshchestva: sbornik trudov Pyatoy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, Moskva, 25 noyabrya 2021 g.* [Philosophical and Methodological Problems of Research of Russian Society: Collection of Proceedings of the Fifth International Scientific Conference, Moscow, November 25, 2021]. Moscow, RUT (MIIT): ROAT Publ., 2022, pp. 67–76.

5. Kolesnichenko Yu. V. [True Values of Russian Modern History and Methods of Their Axiologization in Youth Consciousness ("Immortal Regiment")]. In: *Filosofiya obrazovaniya i problemnye prostranstva detstva: sbornik nauchnykh trudov na osnove materialov XXVIII Mezhdunarodnoj konferencii k 225-letiyu RGPU im. A. I. Gercena, Sankt-Peterburg, 13–15 aprelya 2022 g.* [Philosophy of Education and Problem Spaces of Childhood: A Collection of Scientific Works based on the Materials of the XXVIII International Conference for the 225th Anniversary of the Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen, St. Petersburg, April 13–15, 2022]. St. Petersburg, Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen Publ., 2022, pp. 87–91.
6. Krotkova N. V. [Expert "Round Table" "Ideas of Eurasianism in Russian Law: Theoretical and Philosophical Grounds and Practice of Implementation"]. In: *Zhurnal gosudarstvo i pravo* [Journal of State and Law], 2023, no. 1, pp. 178–193. DOI: 10.31857/S102694520024145-0
7. Kuznetsov O. Yu. [On the Issue of the Evolution of Theories of Entrepreneurship]. In: *Zhurnal nauchnykh publikacij aspirantov i doktorantov* [Journal of Scientific Publications of Graduate Students and Doctoral Students], 2008, no. 2 (20), pp. 38–43.
8. Maykova V. P., Danilova O. A. [The Role of Social Entrepreneurship in the Implementation of National Projects]. In: *Nacional'nyj proekt «Demografiya»: ot celi k resheniyam: materialy XXV mezhregional'nykh nauchnykh social'nykh chtenij, Surgut, 17 marta 2020 g.* [National Project "Demography": From Goals to Solutions: Materials of the XXV Interregional Scientific Social Readings, Surgut, March 17, 2020]. Surgut, Resource Center for the Development of Social Services Publ., 2020, pp. 285–290.
9. Molchan E. M. [The Phenomenon of Spiritual and Moral Values in Social Systems]. In: *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya* [Bulletin of Tver State University. Series: Philosophy], 2019, no. 1 (47), pp. 119–125.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Майкова Олеся Александровна – преподаватель Международного юридического института г. Москвы, Королевского филиала;
e-mail: lesik_1983@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR:

Olesya A. Maykova – Lecturer, The International Law Institute, Korolev branch;
e-mail: lesik_1983@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Майкова О. А. Темпорализм волонтерской деятельности // Современные философские исследования. 2024. № 2. С. 110–118.
DOI: 10.18384/2949-5148-2024-2-110-118

FOR CITATION

Maykova O. A. Temporalism of Volunteer Activity. In: *Contemporary Philosophical Research*, 2024, no. 2, pp. 110–118.
DOI: 10.18384/2949-5148-2024-2-110-118

УДК [101.1+316.4]: 366.636

DOI: 10.18384/2949-5148-2024-2-119-127

ТРАНСФОРМАЦИЯ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ В КОНТЕКСТЕ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

Смирнова К. В., Михеев М. И.

Тверской государственный технический университет

170026, Тверская обл., г. Тверь, наб. Афанасия Никитина, д. 22, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Описать взаимосвязь разнообразных социальных отношений в фокусе трансформации способов коммуникации и средств массовой информации как инструментов идеологии. Проследить данную динамику в социально-философском контексте XX в.

Процедура и методы. Выводы проведённого исследования базируются на принципах философского, социального и междисциплинарного исследования. Используется анализ взглядов экспертов относительно трансформаций социальных областей.

Результаты. По итогам исследования сделан вывод о безусловной зависимости появления модификаций в коммуникационной сфере от эволюционных этапов развития социума. Сделано итоговое заключение об актуальном состоянии референтивного компонента актуального общественного порядка.

Теоретическая и/или практическая значимость. В работе даётся описание особенностей становления информационного общества. Выявляется взаимосвязь между коммуникативными процессами и средствами массовой информации с различными социальными явлениями. Отображается необходимость непрерывной рефлексии стремительных изменений, вносящих коррективы в бытие.

Ключевые слова: интернет, информационное общество, коммуникация, общество потребления, производственные отношения, средства массовой информации, «фордизм»

MEDIA TRANSFORMATION IN THE CONTEXT OF SOCIAL DEVELOPMENT: SOCIO-PHILOSOPHICAL ANALYSIS

K. Smirnova, M. Mikheev

Tver State Technical University

nab. Afanasiya Nikitina 22, Tver 170026, Tver Region, Russian Federation

Abstract

Aim. To describe the interrelation of various social relations in the focus of transformation of communication methods and mass media as tools of ideology. To trace this dynamic in the socio-philosophical context of the 20th century.

Methodology. The conclusions of the conducted research are based on the principles of philosophical, social and interdisciplinary research. The analysis of experts' views on the transformations of social areas is used.

Results. According to the results of the study, the conclusion is made about the unconditional dependence of the appearance of modifications in the communication sphere on the evolutionary stages of the development of society. The final conclusion is made about the current state of the referential component of the current public order.

Research implications. The paper describes the features of the formation of the information society. The interrelation between communicative processes and mass media with various social phenomena is revealed. It shows the need for continuous reflection on rapid changes that make adjustments to being.

Keywords: Internet, information society, communication, consumer society, industrial relations, mass media, "Fordism"

Введение

В своей речи В. В. Путин констатировал: «Весь мир проходит сейчас через переломный период, и лидером станет тот, кто готов и способен к изменениям, тот, кто действует, идёт вперёд»¹.

Это подтверждает, что мир находится в состоянии революционных трансформаций, создавая всё новые вызовы и разрушая устоявшиеся описательные стратегии. Появляется потребность в непрерывной рефлексии в широком междисциплинарном спектре: философском, социальном, историческом, психологическом и других. Однако анализ настоящих событий необходимо рассматривать только в причинно-следственной его обусловленности, а, следовательно, и учитывая уже накопленный научный опыт. При этом любое социальное явление нужно изучать в его сложной взаимосвязи: идеологической, политической, экономической и т. д.

Одними из актуальных дискуссионных тем современной науки являются трансформация коммуникативных процессов и роль средств массовой информации. Именно в этих сферах происходят весьма значительные изменения, которые оказывают огромное влияние на социальные, психологические, политические и культурные процессы. При этом трансформация происходит как в идеологической, так и технологической сферах, которые во многом определены и сформированы диалектическими антагонизмами недавнего прошлого. Н. Л. Полякова пишет: «Именно материальные концепции общества являются наиболее пригодным инструментом для концептуализации исторически конкретных социальных состояний, а также для понимания исторической трансформации этих состояний, процессов и форм» [9, с. 9].

М. Маклюэн в своей работе «Галактика Гутенберга» говорит о революционном влиянии трансформаций средств массо-

вой коммуникации на общество. Бумага появилась во II в. н. э., печатный станок и первые книги, набранные типографическим методом, – в IX в, однако информационная революция произошла только в XV в., интегрируя все эффекты предшествующих изобретений, т. е. технические открытия не приводят к их непосредственному внедрению и воздействию на общество. Необходимы сопутствующие причины, такие как изменение в производственных отношениях, приводящие к реорганизации общества, что в свою очередь влияет как на способы, так и на концепты коммуникации. Кроме того, средства массовой информации всегда использовались как ретрансляторы идеологии, как способ воздействия на массы. В XX в. объект применения идеологии непрерывно трансформировался, тем самым меняя значение как средств массовой коммуникации, так и создавая новые концепции и технологии. Американский автор П. Мэйсон в своей книге «Посткапитализм: путеводитель по нашему будущему» рассматривает историческую значимость XX в. через экономическое прошлое, выделяя три основных кинетических вектора: Кондратьевские циклы, циклы Шумпетра и диалектический антагонизм капитала и общества [8, с. 284]. В тоже время Н. Срничек в своей книге «Капитализм платформ» рассуждает о том, что способы производства прошли три основные фазы: фордизм, тайотизм, постиндустриализм [10, с. 17–19].

Однако с нашей точки зрения можно говорить о трёх этапах трансформации общества, которые проходили под влиянием экономического контекста: фордизм, общество потребления, информационное общество.

Модификация основных векторов развития конвейерного, потребительского, информационного обществ: коммуникативный аспект

С появлением конвейерного производства в 1913 г. формируется система производства «фордизм» с характерной для него

¹ Послание президента Федеральному собранию [Электронный ресурс]. URL: <https://inance.ru/2018/03/poslanie-fedsobru-putina-2018> (дата обращения: 20.12.2023).

эффективностью труда, движущейся сборочной линией, стандартизацией.

Фордизм способствовал через совместную деятельность больших групп людей созданию коллективной и корпоративной идентичности, осознанию общности целей и задач, взаимоподдержке и взаимовыручке.

С появлением «фордизма» произошли изменения в социальной среде. Сформировался статус «массового работника», характеризуемого коллективной идентичностью, равенством трудовых условий. В то же время повышение квалификации содействовало взаимному просвещению (обучение чтению, агитация и т. д.), стремлению к политической осведомлённости и активной социальной позиции. Запрос на высококвалифицированного и образованного человека способствовал внедрению знания в жизнь рабочего класса путём развития системы образования, появления публичных библиотек, телевидения, прессы, кино и роста социальной и географической мобильности [8, с. 284].

При осуществлении механических действий прекращается непосредственная коммуникация, и разум становится открытым для пассивного восприятия информации. Характеризуя производственную сферу, Г. Дебор отмечал, что труд заменён монотонными механическими движениями сборщика на конвейере. Происходит всеобщее отчуждение трудящихся от продуктов их деятельности, которое способствует минимизации непринуждённого общения между рабочими об объекте их деятельности.

В рамках научно-технического прогресса в данный период происходит актуализация радио, изобретённого А. Поповым в 1895 г., позволяющего осуществлять непрерывный информационный поток, транслировать разнообразные нарративы и императивы в фоновом режиме, зачастую подавляя субъективные и рефлексивные компоненты коммуникации. Ещё В. И. Ленин говорил о радио, что это «газета без бумаги и расстояний» [3, с. 176], по-

зволяющая обращаться к массам, осуществляя воздействие на человека.

Радио имеет оперативный характер передачи информации, описывая события почти одновременно с подачей, не требуя от аудитории для восприятия особого уровня подготовленности. «Отсутствующий» говорящий интонацией и тембром способен убедить слушателей в объективности и достоверности оценки передаваемых сведений.

Радио ориентировано, прежде всего, на пассивное восприятие информации, минимизирующее непосредственное общение. Подаваемая информация носит декларативный, реляционный характер, формируется в соответствии с социально-политическими, экономическими, агитационными, воспитательными задачами. В условиях высокоразвитой индустриальной системы складывается «организованное» общество, а увеличение применения радиовещания ещё больше способствует коллективной пропаганде, интеграции, формированию общественного мнения. Несмотря на то, что происходит подавление личности, традиционные связи между людьми минимизируются, а между индивидами устанавливаются отчуждённые, овеществлённые отношения, препятствующие подлинному общению, предоставление разнообразных данных побуждает человека к осмыслению освещаемых событий.

С развитием средств массовой коммуникации межличностные отношения сокращаются и язык всё больше заменяет опыт. Всё больше увеличивается доверие к услышанному, поданному в средствах массовой информации. Хрестоматийным примером является радиопостановка по Г. Уэллсу «Война миров» в 1938 г., когда в процессе освещения прогноза погоды и радиотрансляции концерта «Рамона Ракелло и его оркестра» неоднократно прерывали сообщения о странных вспышках на Марсе. Несмотря на то, что после продолжительного времени звучали напоминания о вымышленности описываемых событий, множество слушателей приняли передаваемые репортажи за действитель-

ность и принялись предпринимать действия. Целью истории была возможность продемонстрировать то, как же легко управлять толпой с помощью средств массовой коммуникации.

Трансформации XX в. проходили под пристальным вниманием теоретиков социальной философии, которых в первой половине данного столетия, с одной стороны, поражали гигантские технические возможности, а с другой – тотальный корпоративный террор. Особую роль играли представители франкфуртского института социальных исследований. Они отмечали, что в результате жёсткого разделения труда и всех экономических функций, гигантского производства, детального разграничения между руководителями и исполнителями конкретных задач происходит отрыв исполнителей от принятия решений, люди перестали понимать общие идеи, личность превратилась в «мыслящий автомат», выполняющий приказы начальства. В человеческом сознании формируется восприятие себя как некоторой детали гигантской социально-экономической мегамашины, в которой человек – лишь маленькая составляющая, не имеющая возможности оказывать влияние. Как говорил М. Хоркхаймер, «Мы пришли к заключению, что общество станет развиваться по направлению к тотально управляемому миру. Что всё будет регулироваться, всё!»¹.

В книге «Одномерный человек. исследование идеологии развитого индустриального общества» (1964 г.) Г. Маркузе пишет: «Технический прогресс, охвативший всю систему господства и координирования, создаёт формы жизни (и власти), которые, по видимости, примиряют противостоящие системе силы, а на деле сметают или опровергают всякий протест во имя исторической перспективы свободы от тягостного труда и господства» [7, с. XIV].

Наряду с дальнейшим развитием производства значительную роль в социальных

процессах начинает играть всё более развивающееся потребление. В основе общества в данный период лежат отношения, строящиеся на принципах индивидуальных потребностей. Выбор в процессе приобретения материальных благ исходит из престижного статуса товаров, а не нуждемости в них. Происходит трансформация всех уровней социального бытия, в том числе и коммуникативной сферы, и способов подачи информации. Наиболее яркой рефлексией начала этого процесса стала работа французского философа Ж. Бодрийяра «Общество массового потребления», написанная в 1970 г., в которой он говорит, что потребление стало алогической самоцелью для каждого.

С точки зрения социальной логики, потребление является эквивалентом языка и процессом социальной дифференциации, оно присоединяет к определённой группе. Это своего рода процесс, в результате которого каждый вписывается в общество в соответствии с потребительной ценностью предмета. Ж. Бодрийяр констатирует: «Потребности, таким образом, ориентированы не столько на предметы, сколько на ценности, и их удовлетворение имеет, прежде всего, смысл присоединения к этим ценностям» [2, с. 86].

Общество потребления – это социальная система, система обмена и коммуникаций, эквивалент языка. В работе «Мифологии» Р. Барт описывает коммуникативную систему данного периода, обозначая её как «миф». Автор акцентирует внимание на форме передачи, способе обозначения в процессе реализации коммуникативного процесса: «Определяющим для мифа является не предмет его сообщения, а способ, которым оно высказывается; у мифа имеются формальные границы, но нет субстанциальных.... Любой предмет этого мира может из замкнуто – немого существования перейти в речевое состояние, открыться для усвоения обществом – ведь никакой закон, ни природный, ни иной, не запрещает нам говорить о чём угодно» [1, с. 265], т. е. при употреблении семантических единиц происходит отсыл к опреде-

¹ Дамье В. Философия Франкфуртской школы [Электронный ресурс] URL: http://samlib.ru/m/magid_m_n/frankfurt.shtml (дата обращения 20.12.2023).

лённому способу восприятия, нагруженному положительными и отрицательными литературными реакциями, образами, к материальности прибавляется определённое социальное применение. Р. Барт пишет: «носителем мифического слова способно служить всё... не только письменный дискурс, но и фотография, кино, репортаж, спорт, спектакли, реклама» [1, с. 266].

Расширение возможности воздействия на общественность появилось с появлением телеобработки данных (телевидения). Ключевым аспектом работы новой технологии является массовое влияние на сознание, поскольку именно с появлением «картинки» увеличивается степень доверия получаемой информации. П. Варильо в своей книге «Машина зрения» отмечает: «включая телевизор, зрители оказываются в поле телевидения, вмешаться в которое, очевидно, не в их силах» [4, с. 117].

Г. Дебор в своей работе «Общество спектакля» полагает: «Изоляция служит основанием для технического прогресса, и технический прогресс, в свою очередь, также приводит к изоляции. От автомобиля до телевизора – все товары, выбираемые по указке спектакля, одновременно являются орудиями постоянного навязывания условий изоляции “одиноким толпам”» [6, с. 33].

Идеология общества массового потребления, распространяя свои представления с помощью набора коллективных образов, устанавливая иллюзорную недифференцированность социальных классов, превращает реальный мир в образ мира. Р. Барт по-своему развивает современный ему критический лейтмотив: «свою классовую власть буржуазия утвердила благодаря научно-техническому прогрессу, в бесконечном процессе преобразования природы – в идеологии же она представляет природу первозданно нетронутой; первые философы буржуазии глубоко проникли в мир значений, рационально упорядочив все вещи, объявив их предназначенными для человека» [1, с. 304].

В рамках семиотической концепции Р. Барта миф отправляет человека к неко-

му прототипу, который живёт вместо него, подавляет изнутри и ставит его деятельности узкие пределы, в которых он не может ничего поменять в мире. Мифы способствуют тому, чтобы люди узнавали себя в представленном ими конкретном образе, который создан для них [1, с. 319].

С критических позиций высказывается о современном ему обществе Э. Фромм. В своей книге «Иметь или быть» мыслитель рассматривает вопрос первоочередной необходимости обладания предметами материальной культуры или осмысления бытия, когда человек осознаёт и наслаждается каждым мигот скоротечной жизни.

Естественно, что для жизненного функционирования каждый должен обладать набором вещей. Однако в обществе, в котором «иметь» является основной целью, понятие «быть» приобретает тождественно значение «иметь», т. е. существует только тот, кто что-то имеет.

Автор ссылается на К. Маркса, считавшего, «что роскошь – это такой же порок, как и нищета; что целью нашей жизни должно быть стремление “быть в состоянии”, а не “иметь состояние”, то есть быть многим, а не обладать многим» [11, с. 15]. Однако по результатам анализа автор делает вывод: «обладание и бытие – это две совершенно разные формы человеческих переживаний: от наличия и интенсивности той или иной формы зависят различия индивидуальных и коллективных характеров» [11, с. 15].

Г. Дебор анализирует общество массового потребления, рассматривая реальность как некий псевдо-мир, состоящий из образов, образ жизни которого представлен в информации, пропаганде, рекламе, непосредственном потреблении развлечений. По мнению мыслителя, современная ему промышленность подчинена «спектаклю», выражающему образ господствующей экономики, главной добродетелью которой является развитие [6, с. 28].

Формирование информационного общества – это особая фаза не только социального, но и философского, экономического, политического, технического

развития. Современный капитализм направлен на получение особого типа сырья – данных, проходящих определённые уровни: сбор, сортировка и упорядочивание в стандартизированные форматы. Сбор данных базируется на действиях пользователей, происходит анализ потребительских предпочтений, что создаёт общую картину понимания необходимых функционалов для разработки новых продуктов, услуг и разработки рекламной политики.

С появлением компьютеров в середине XX в. произошёл большой скачок в сфере информационных технологий, появилась возможность дистанционной передачи и обработки больших объёмов данных. Компьютер выполняет роль помощника в различных областях интеллектуальной деятельности: автоматизации производства, конструировании оборудования, управлении транспортом, медицинской диагностике и др. Появление компьютера способствовало автоматизации рабочих операций (рабочих мест), изменению возможностей работы с информацией, удешевлению информации и её доступности. Попытки объединения компьютеров и рабочих мест в единую сеть в пределах отдельных учреждений стали мотивом создания цифровой сети Интернет.

Информационно-компьютерная революция легла в основу формирования новой ступени общественного развития, включающей: исследование новых форм социализации, строящихся на открытом доступе к информации, её обработке и использовании; изучение изменения форм социального поведения, активности и идентификации себя в обществе.

Информация приобретает статус особой важности, идентифицирующий её как властный, идеологический аспект причинно-следственного бытия как отдельного человека, так и общества в целом.

Новые сетевые объединения базируются на виртуальной коммуникации, имеющих иллюкативные эффекты, детерминированные цифровой средой.

Деятельность всё больше ориентирована на манипуляции с символами и ощу-

щениями, продукт труда переходит из производственного в контент в области услуг, культуры, знаний, и впечатлений. Получение данных является первоочередной целью сегодняшней экономики. Оно базируется на действиях пользователей, происходит анализ потребительских предпочтений, что создаёт общую картину понимания необходимых функционалов для разработки новых продуктов, услуг и разработки рекламной политики. Всё это легло в основу формирования новой бизнес-модели – информационной платформы. Н. Срничек в книге «Капитализм платформ» пишет: платформы – это «цифровые инфраструктуры, которые позволяют двум и более группам взаимодействовать, поэтому они позиционируются как посредники, соединяющие между собой различных пользователей – покупателей, рекламодателей, поставщиков услуг и товаров, производителей и даже физические объекты» [10, с. 46].

С развитием постиндустриального общества роль знания в производстве материальных товаров возрастает, становясь их неотъемлемой частью. Навыки, коммуникативное действие теперь лежат в основе производства. Распространение интернета и совершенствование информационных технологий породили острую зависимость промышленной сферы от цифровых коммуникаций, позволяя дистанционно координировать труд работников, нанимать сотрудников в режиме аутсорсинга, оптимизировать производственные процессы. Увеличился рост перевода в различных отраслях коммуникаций в онлайн-формат.

Появление цифровых платформ повлекло за собой формирование «сетевых эффектов»: её ценность в глазах других напрямую зависит от количества пользователей. Выбор платформы осуществляется по принципу большего присутствия на ней наших знакомых, аналогично работают и поисковые платформы (например, Google). Постоянный рост пользователей формирует стремление к модели монополии, стимулируя к расширению спектра деятельности и способствуя накоплению

данных. Увеличение масштабов деятельности и занятие лидирующих позиций за счёт сетевых эффектов способствует уменьшению себестоимости данной бизнес-модели [10, с. 44].

Отношение общественности к СМИ выстроено по принципу равной доступности и реализации взаимодействия. Наличие возможности использования общедоступной информации формирует ощущение общественной идентичности (интерактивность, алгоритмы подачи изменились, непрерывная включённость в потоки информации).

Современное медиaprостранство (браузеры, мессенджеры, социальные сети) формирует глобальную, всеобъемлющую виртуальную реальность, способную манипулировать общественным сознанием, абстрагирующую от естественной среды взаимодействия.

Изменилась культура потребления информации. Формируется такой тип, строящийся на ценностях, в основе которых лежит приобретение благ, получение информации и использование их как символов своего статуса и успеха. Общество узнает о своих потребностях из сфер коммуникационного пространства. Эпоха потребления привлекает человека к участию в различных социальных связях, обеспечивающих его нахождение в сообществе ему подобных. Статус ключевых элементов общественной жизни трансформируется из реального в нематериальный.

Размышляя об этой проблеме, в своём труде «Культура потребления и реклама» Н. Н. Вотинцева и А. Н. Ильин пишут: «Пришло господство культуры, основанной на информационном хаосе и вещизме как объективации индивидуальной и общественной жизни различными гаджетами. Инфраструктура потребления представляет собой целую «систему повседневного бытия, погружающую личность в мир символов определённого образа жизни. Она создаёт импринтинг идентичности, убеждений, ценностей и поведенческих стереотипов» [5, с. 6].

Наряду с большим развитием в области минимизации времени и пространства в процессе передачи информации и модернизации способов обработки информации, нельзя не обратить внимания на неблагоприятные последствия цифровизации. Общественная активность замещается пассивным потреблением информации. Принятие готовых моделей минимизирует уровень размышления, дефицит которого является базисом в осуществлении манипуляции общественным сознанием с помощью коммуникативных средств. Информационная перегрузка всё больше этому способствует. Таким образом, восприятие окружающей действительности, а также формирование идентичности осуществляется через постижение цифровой реальности.

Немецкий мыслитель Ю. Хабермас разворачивает апологию нового человека и его новой реальности. Он идентифицирует человека не через деятельность, а через осуществление коммуникативных практик. Индивид, рефлектирующий предметный мир, сам становится предметом познания через осуществляемую им взаимосвязь повседневной практики и повседневных коммуникаций.

Заключение

Таким образом, для полного понимания эволюционной картины коммуникативного развития в проведённом исследовании были рассмотрены три состояния общественной организации (фордизм, общество потребления, информационное общество), модификации которых обусловлены следующими аспектами: форма производства, организация социума, способы коммуникации, актуализация СМИ, идеология, философская рефлексия.

Социальные проблемы, возникающие у общества в ходе его развития, подменяются перетасовкой различных нарративов. Речь не идёт о решении проблемы, а о бесконечной дискуссии о ней.

Рассуждая о статусе объекта – знака в сформированном информационном

обществе – можно отметить, что знак сегодня выступает коэффициентом счастья. Престижность, ценность, реальность исходит из обладания знаком (объектом). Реальная жизнь, непосредственные отношения трансформируются под влиянием формирующихся информационных образов. Коммуникативное взаимодействие трансформировалось из неформального общения в область виртуальной реальности. Ж. Бодрийяр провидчески отмечал: «Знаковое потребление охватывает всю жизнь людей, начиная от потребления вещей и до потребления среды человеческой жизни, куда входят труд, досуг, культура, социальная сфера, природа. Всё названное входит в человеческую жизнь в виде потребляемых знаков, “симулякров”, превращая всю её в симуляцию, в манипуля-

цию знаками. Знак, “симулякр”, как бы помогает человеку овладеть реальностью, но одновременно он уничтожает реальное, заменяя его собой» [2, с. 172]. Виртуальный знак (объект) задаёт определённые потребительские характеристики, которые в свою очередь выполняют функцию дифференциации или интеграции общества. Интернет как средство коммуникации обладает безграничными возможностями, обеспечивая коммуникативное взаимодействие, реализацию личностного потенциала, получение непрерывного потока актуальной информации, ведение бизнеса, получение образования, осуществление трудовой деятельности.

Статья поступила в редакцию 25.12.2023.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барт Р. Мифологии / пер. С. Зенкина. 5-е изд. М.: Академический Проект, 2023. 351 с.
2. Бодрийяр Ж. Общество потребления / пер. Е. А. Самарской. М.: АСТ, 2020. 320 с.
3. Вдовина Е. А. Зарождение ранних форм радиотеатра на примерах «Устной газеты РОСТА» и «Радиогазеты РОСТА» // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств: журнал теоретических и прикладных исследований. 2022. № 60. С. 175–180. DOI: 10.31773/2078-1768-2022-60-175-180
4. Вирильо П. Машина зрения / пер. А. В. Шестакова. СПб.: Наука, 2004. 144 с.
5. Вотинцева Н. Н., Ильин А. Н. Культура потребления и реклама. Пермь: ПИЭФ, 2014. 132 с.
6. Дебор Г. Общество спектакля: сборник / пер. А. Уриновского. М.: Опустошитель, 2014. 232 с.
7. Маркузе Г. Одномерный человек / пер. А. Юдина. М.: RELF-book, 1994. 368 с.
8. Мэйсон П. Посткапитализм: путеводитель по нашему будущему / пер. А. Дунаева. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. 416 с.
9. Полякова Н. Л. XX век в социологических теориях общества. М: Логос, 2004. 384 с.
10. Срничек Н. Капитализм платформ / пер. М. Добряковой. 2-е изд. М.: Высшая школа экономики, 2020. 128 с.
11. Фромм Э. Иметь или быть? (Новая философия) / пер. Э. М. Телятниковой. М.: АСТ, 1976. 318 с.

REFERENCES

1. Barthes R. Mythologies (Rus. ed.: Zenkin S., transl. *Mifologii*. Moscow, Akademicheskij Proekt Publ., 2023. 351 p.).
2. Baudrillard J. La société de consommation: ses mythes et ses structures (Rus. ed.: Samarskaya E. A., transl. *Obshchestvo potrebleniya*. Moscow, AST Publ., 2020. 320 p.).
3. Vdovina E. A. [The Early Forms of Radio Drama in Case of Ustnaya Gazeta ROSTA and Radiogazeta ROSTA]. In: *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv: zhurnal teoreticheskikh i prikladnykh issledovaniy* [Bulletin of the Kemerovo State University of Culture and Arts: Journal of Theoretical and Applied Research], 2022, no. 60, pp. 175–180. DOI: 10.31773/2078-1768-2022-60-175-180
4. Virilio P. La machine de vision (Rus. ed.: Shestakov V. A., transl. *Mashina zreniya*. St. Petersburg, Nauka Publ., 2004. 144 p.).
5. Votinceva N. N., Il'in A. N. *Kul'tura potrebleniya i reklama* [Consumption Culture and Advertising]. Perm', PIEF Publ., 2014. 132 p.
6. Debord G. La societe du spectacle (Rus. ed.: Urinovskiy A., transl. *Obshchestvo spektaklya: sbornik*. Moscow, Opustoshitel' Publ., 2014. 232 p.).

7. Marcuse H. Der eindimensionale Mensch (Rus. ed.: Yudin A., transl. *Odnomernyj chelovek*. Moscow RELF-book, 1994. 368 p.).
8. Mason P. PostCapitalism. A Guide to Our Future (Rus. ed.: Dunaev A., transl. *Postkapitalizm: putevoditel' po nashemu budushchemu*. Moscow, Ad Marginem Press Publ., 2016. 416 p.).
9. Polyakova N. L. *XX vek v sociologicheskikh teoriyah obshchestva* [XX Century in Sociological Theories of Society]. Moscow, Logos Publ., 2004. 384 p.
10. Srnicek N. Platform Capitalism (Rus. ed.: Dobryakova M., transl. *Kapitalizm platform*. Moscow, Vysshaya shkola ekonomiki Publ., 2020. 128 p.).
11. Fromm E. Haben oder Sein (Rus. ed.: Telyatnikova E. M., transl. *Imet' ili byt'? (Novaya filosofiya)*. Moscow, AST Publ., 1976. 318 p.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Смирнова Кристина Васильевна – учебный мастер, соискатель кафедры психологии, истории и философии Тверского государственного технического университета;
e-mail: smirnova_kv91@mail.ru

Михеев Михаил Игоревич – кандидат философских наук, доцент кафедры психологии, истории и философии Тверского государственного технического университета;
e-mail: egil0519@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Kristina V. Smirnova – Educational Master, Applicant, Department of Psychology, History and Philosophy, Tver State Technical University;
e-mail: smirnova_kv91@mail.ru

Mikhail I. Miheev – Cand. Sci. (Philosophy), Assoc. Prof., Department of Psychology, History and Philosophy, Tver State Technical University;
e-mail: egil0519@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Смирнова К. В., Михеев М. И. Трансформация средств массовой информации в контексте общественного развития: социально-философский анализ // Современные философские исследования. 2024. № 2. С. 119–127.

DOI: 10.18384/2949-5148-2024-2-119-127

FOR CITATION

Smirnova K. V, Mikheev M. I. Media Transformation in the Context of Social Development: Socio-Philosophical Analysis. In: *Contemporary Philosophical Research*, 2024, no. 2, pp. 119–127.

DOI: 10.18384/2949-5148-2024-2-119-127

УДК 316.33

DOI: 10.18384/2949-5148-2024-2-128-138

ГОРОДСКИЕ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ТИПЫ

Шимко А. В.*Государственный университет просвещения**141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Предложить систематику городского населения.**Процедура и методы.** Признаковая группировка онтологически равнообразных разрядов явлений.**Результаты.** Продемонстрировано: техника сосредоточения фигур интеракции по таксономическим единицам не имеет линейного представления, обусловлена динамичной координацией видоотличительных параметров соматического, психического, социального, культурного, экзистенциального свойства.**Теоретическая и/или практическая значимость.** Полученные результаты находят применение в социально-политической рефлексии объёмного процесса урбанизации, принципов поведенческого самозаявления его агента – homo urbanus, равно как и в тематизации вопросов антропной систематики в курсах социальной и политической философии.**Ключевые слова:** город, городские типы, городское население, таксономия, урбанизация

URBAN ANTHROPOLOGICAL TYPES

A. Shimko*Federal State University of Education**ul. Very Voloshinoy 24, Moscow Region, Mytishchi 141014, Russian Federation*

Abstract

Aim. To propose a taxonomy of the urban population.**Methodology.** The characteristic grouping of ontologically diverse categories of phenomena.**Results.** It is demonstrated that the technique of concentrating the figures of interaction according to taxonomic units does not have a linear representation; it is due to the dynamic coordination of species-distinguishing parameters of somatic, mental, social, cultural, existential properties.**Research implications.** The results obtained are used in the social and political reflection of the voluminous process of urbanization, the principles of the behavioral self-manifestation of its agent – homo urbanus, as well as in the thematization of issues of anthropic systematics in courses of social and political philosophy.**Keywords:** city, urban types, urban population, taxonomy, urbanization

Введение

Типология – группировка, систематическое упорядочение, ранжирование признаково родственных, морфологически, функционально схожих явлений фиксированного эмпирического поля. Понятие последних генерализируется «таксонами» – разрядно-иерархическими единицами уподобляемых объектов. В случае городской реальности выстраивание систематики обуславливается учётом неких доминирующих (привилегированных) факторов, позволяющих структурировать материал по инвариантным особенностям, консолидируемым в устойчивые (равнообразные) совокупности-единства – типы.

Городской антропотип ввиду сказанного передаёт отличительные качества самозаявления homo urbanus.

Учитывая многогранную природу сапиента, техника разнесения фигур обмена деятельностью «особей» по классам, не имея линейного представления, неоднозначна, подвижна, определяется динамичной комбинацией видоразличительных поведенческих параметров.

За основу предлагаемой антропотипологии homo urbanus принимается характер исполнения им обусловливаемых его положением в интеракции ролей; исходим при этом из того существенного обстоятельства, что базис высших подразделений антропной систематики полифундаментален – представляет комплексную функцию соматических, психологических, социальных, культурных, экзистенциальных аспектов.

Соматический аспект

Необходимая предпосылка человеческой самореализации (и её концептуализации) – физиологическая нормальность, органическая стандартность, биологическая правильность, делающая осмысленной типизацию. Выход из «порядка» по телесной конституции, исключая введение регулизирующего нормосообразия, предублаживает выход в систематизацию «патологии».

Палеонтология человечности по веренному измерению «тело» складывается из учёта гормонального, гуморального, нейрогуморального фона, регулирующего и координирующего физиологическую активность организма через кровь, лимфу, тканевую жидкость. В широком ходу систематика проведения по особенностям вегетативной (симпатической и парасимпатической) нервной системы, модифицирующей деятельность внутренних органов количеством гормонов и медиаторов в биохимических, физиологических процессах.

По присутствию адреналина, норадреналина, дофамина различают: адренало-

вый (А); норадреналовый (НА); смешанный (А+НА) типы, склонные:

– А-тип – к критичному отношению к реалиям;

– НА-тип – к закрытости в общении, властности;

– А+НА-тип – к неумности, эмоциональности [8, с. 177].

В контексте деятельностных диспозиций (беря в расчёт опыт первых лиц – предводителей городов) устремительными воплощениями охарактеризованных типажей оказываются: А-типа – энергичный инициатор; НА-типа – осмотровый хозяйственник; А+НА-типа – артистичная личность.

На морфологических особенностях «телесно-органического» заострили внимание Кречмер и Шелдон, различавшие в телесной конституции пикнический, атлетический, астенический типаж и связывавшие их с «функционально-поведенческим» через характер высшей нервной деятельности.

Ролевая проекция телесной организации: пикнический тип – поклонник фитнеса, спортивных состязаний, соревнований от участия на любительском уровне до заядлой поддержки любимого клуба; астенический – «ботаник», посетитель музеев, библиотек, театров, интернет-площадок; атлетический – завсегдатай «качалок», развлекательно-увеселительных мероприятий.

Развёртывание соматической парадигмы повлекло усиление мотива нейрогуморальной регуляции физиологических процессов, завершившееся оформлением типологии темпераментов (Гиппократ-Гален-Павлов). Основные их виды:

– меланхолик – депрессивный подавленно-впечатлительный тип;

– сангвиник – активный повышенно-возбудимый тип;

– флегматик – пассивный понижено-возбудимый тип;

– холерик – неуравновешенный импульсивно действующий тип, – характеризуют поведение не столько человека городского, сколько вообще человека со стороны ин-

дивидуальной динамической специфики. Хотя сама по себе объективная обстановка городской жизни непосредственно индуцирует те или иные предрасположенности, крены:

- замыкание в себе (меланхолик) при демонстрации несправедливости;
- импульсивности акций (сангвиник) при сознательном выборе, десижонистских ситуациях персонального самоопределения;
- снижение психической активности (флегматик) при недостаточности общественного признания;
- повышение психической активности (холерик) при устойчивом карьерном росте.

Движение в сюжете «соматика» обращает внимание на характерное «сдвигологическое» явление в теоретической философии, связанное с переоценкой фактора «умственное» в ущерб «телесному». Со времён Декарта философия человека стала «трансцендентальной», сосредоточенной на концептуализации антропного как когитального.

Между тем человек есть психо-физическая целостность, понимание чего методологически отменяет как когитальный редукционизм, так и психо-физический дуализм (параллелизм). В восстановлении адекватного взгляда на природу вещей правильно опереться на богатейший опыт рефлексии телесного измерения сапиента, – таковы доктринальные «радикализации животелесности – интуиций дыхания (древнеиндийский психо-космос); растворение тела в потоке жизни (буддизм); влечение тела в мировой процесс (китайская культурная традиция); фигуративности сцепки «тело-дух» (японская культурная традиция); гармонии (античная доктрина совершенности телесных форм); символичности (христианское отношение к телу как оболочке души)» [7, с. 41–42]. Полезную систематизацию подобных подходов проводит Н. Карпицкий [9, с. 131–163]. Вполне оправдана, таким образом, высказываемая В. Ильиным идея о «неправомерности декартова обоснования

приоритетности мыслительного из универсализации принципа *cosito*; на тех же резонах с тем же успехом обосновывается самоочевидная приоритетность телесного (вариации кинестез – опыт тела), – принцип *corpus*» [7, с. 42].

Психический аспект

Определяя характер – множество своеобразных поведенческих проявлений личности, – психическое опосредует протекание персональных самоактуализаций на богатом интервале от патопсихологических и психодинамических акцентуаций характера (1) до заявления бессознательного (2).

В круг (1) входят хорошо исследованные синдромотипические (на грани с психопатологией) акцентуации, как: циклоидность, гипертимность, кабильность, астеничность, депрессивность, шизоидальность, экстравертированность, интравертированность, эмпативность, эпилептоидность, дисфорийность, параноидальность, аффективность, истероидность, ипохондричность, дистимность, конформность и др.

Круг (2) образуют психоаналитические поведенческие модели, подразделяемые на классические и неклассические подходы к трактовке душевных состояний. Классический подход – собственно фрейдизм, догматически поддерживаемый членами берменского психоаналитического общества. Неклассический подход – модификации фрейдизма учениками, последователями, адептами Фрейда (Юнг, Адлер, Фромм, Райх, Хорни и др.), расширяющими интерпретацию бессознательного присутствием сверхиндивидуальных нелибидозных (социальных, коллективных, космических и т. п.) факторов, что с эпистемологической точки зрения представляет проблему: отсутствие когеренции платформ, имеющих единый концептуальный базис, – маркер неадекватности анцестральной формы.

Условия жизни (происхождение) человека влияют на человеческие качества; естественно, проживание в городской

среде оставляет глубокий след на духовном потенциале. Вместе с тем полагать, будто суверенное духовное начало homo urbanus предопределено средой обитания исключительно, было бы сугубой натяжкой. Между тем именно такой презумпцией руководствуется в версификациях реалий классический психоанализ. Гиперболизируется, как видно, неврозогенная обстановка, порождённая цивилизацией и олицетворяемая городом, которого не избежать и от которого не убежать: исключительно город – источник дохода, культуры, комфорта, признания.

В таком курсе трактовка и понимания под сомнение ставится ни больше, ни меньше, как само достоинство-достояние социального прогресса, без которого не было ни цивилизации, ни города, ни человека. (Ср. с негативистской антипрогрессивной линией Руссо).

Радикальная ошибка психоаналитического взгляда на существо происходящего состоит в предубеждении: культура осложняет жизнь постановкой всё более изощренных запретов [13] (с чем в последующем пытались бороться Райх, Маркузе, призывавшие к раскрепощению инстинктов в культуре).

На деле ресурс культуры на больших исторических дистанциях заявляет социальную толерантность – снимает запреты по мере гуманитарного совершенствования человечества.

Недопонимание сказанного влечёт довольно предвзятую нереалистичную модель города, населённого не гражданами, – репрессируемыми невротиками (от чего в моделировании фактуры по сути не избавились неофрейдисты, отстаивавшие идеологию городского невроза [1; 11; 17]).

Социальный аспект

Человекоподобное – полифундаментально; с наиболее далёких рубежей – нормосообразно, что фундируется физиологической, психической, социальной, культурной регулярируемостью. Упоминавшиеся физиологическая, психи-

ческая нормы задают адекватность самоутверждения на базе отсутствия патологии; социальная норма задаёт причастность «роевому» этосу (правила общежития в лице конституируемых популяцией установлений права, морали, традиций [4]).

Приобщённость обществу обеспечивается выполнением ролей: социальных, гражданских, профессиональных, конфессиональных, кастовых, клановых, сословных, племенных, ранговых, символических обязанностей, вытекающих из статусно-ситуативных положений, завязанных на формальные (официальные, должностные и т. п.) инструкции и неформальные экспектации, обуславливающие предсказуемый распорядок деятельностного обмена.

Нерв социально организованной человечности – гарантийность, обеспечиваемая а) надёжностью ролевых позиций; б) ожидаемостью прямых и обратных поведенческих реакций (в интеракционизме – экстраполяция ролей «генерализированных других» с коррекцией самоутверждений и самооценок).

Двоякообусловленность статусно-ситуативных функций в указанных измерениях конкретизируется специфическим проектированием городской интеракции с упором на publicus – privatus.

В одном – программа благоустройства жилья в городской среде. По принятому в России соответствующему национальному проекту к 2030 г. планируется облагородить: 894 города; 65 тыс. объектов городской инфраструктуры; 27,7 тыс. социальных пространств; 37,6 тыс. дворов. Примеры непосредственной реализации проекта – отстраивание

– набережной Урала в Оренбурге (устройство беговых дорожек, тропинок здоровья, скейт-парка, игровых площадок, автомобильных парковок, навесов, беседок);

– театральной площади в Омске (подвесные качели, игровые площадки, зоны отдыха, подсветка);

– парка «Кашкадан» в Уфе (с новым ландшафтным дизайном, площадками для детей и взрослых, игровыми зонами, сце-

нами, амфитеатрами, пирсами для лодочного катания, рыбной ловли, иллюминацией, поющим фонтаном с высотой струи в 25 м).

В другом – мероприятия по насыщению досуга саморазвитием. Довольно сослаться на опыт столицы, где организуются комфортные пункты для общения с полезными занятиями по поддержанию физической формы для возрастных категорий, приобретением знаний для активной жизни, центрами долголетия.

Учитывая, что многие большие города страны (прежде всего государственная и культурная столица, главные города субъектов федерации) полиэтничны, поликонфессиональны, с целью воспроизводства антропологических особенностей населяющих их малых групп создаются специальные учреждения, обеспечивающие изучение, закрепление, передачу, умножение народного достояния – духовного и материального (промыслы) наследия.

Базис распределения по разрядам городских видов по основанию «социальное» составляет учёт конкретных выполняемых людьми функций:

- *homo aestheticus* – потребитель художественных символов;

- *homo artifex, creator, faber* – создатель, производитель, трудящийся на ниве производства материальных и духовных благ;

- *homo consumens* – потребитель предоставляемых обществом богатств;

- *homo eruditus, sciens, litteratus* – образованный, учёный, поглощённый самоутверждением на ниве «концептуирования»;

- *homo politicus, socialis* – публично-политический, обременённый прерогативами, наделённый полномочиями;

- *homo liber, pro se* – свободный, независимый: городская среда в большей мере, нежели деревенская, предрасполагает к либерально-демократической ориентации;

- *homo ludens* – отвергая «игру» как фундамент антропогенеза, мы расцениваем её как неотъемлемый атрибут досугово-времяпрепровождения;

- *homo novus* – город – хороший стартап для встраивания в перспективные социальные лифты.

Культурный аспект

Как механизм выработки, обработки, переработки ценностной формации культура нацелена на производство гуманитарной «идентичности», «толерантности».

Идентичность – многоплановая самоидентификация (от цивилизационной до персональной), в черте города утрирующая понимание корпоративной миссии, поддерживающей «самодостоинство, надлежащую чистоту жизни, цельность сознания» [4]. И через это – купирующей конфликтность, учреждающей когерентный, совместный, сочетаемый способ межиндивидуального взаимодействия.

Во многом прав Мид, толкующий идентичность под углом зрения абсорбирования императивов эффективной жизни малых и больших групп вплоть до национального государства и наднациональных надгосударственных союзов [10]. Главное во всём данном деле состоит в том, что интенсивно коммуницирующие в городской среде агенты, чувствуя взаимную человеческую ответственность, ощущают себя «частями общего целого» [15, с. 369].

Сказанное подводит к оправданной генерализации: идентичность суть социальное самоопределение через встройку в общественный (городской) процесс с выполнением многообразных предписаний всех референтных систем, с какими *homo urbanus* так или иначе связан и какие позволяют ему позиционировать себя в качестве городского жителя.

Толерантность – интенция на «сглаживание углов», методологически оформляемая как содержательный, эвристический сдвиг с диалектики (учение о противоречии, борьбе противоположностей как источнике развития) к аналектике (учение о гармонизации, блокировании противоречий, поиске консенсуса как индуктора прогресса [7, с. 80]). Городская многоуровневая, полифундаментальная, мозаичная

реальность в её укрощении взыскует стратегии не соперничества, но соработничества, намечающей магистраль оптимального (по принципу Парето: выигрыш одного – не проигрыш другого), гибкого (самоадаптируемого) социального регулирования в ситуации неопределенностного – в лапласовском смысле – рискованного сосуществования.

Воплощение толерантной идентичности – особый типаж жителя и управителя города, ориентированных на правозаконность, гибкость, ответственность, гражданский, политический мелиоризм, уважение к оппоненту, недопустимость социо-культурной механизации, радикализации, социальный оптимизм. Выведенный типаж – не казус, но узус, свойственный «просто-человеку» «из народа», проживающему в условиях интенсивной коммуникации, востребующей культивации начал человеколюбия.

Экзистенциальный аспект

Заявление самости в межчеловеческом взаимодействии, достигающее полноты творческой персональной автоэволюции. Здесь именно тот случай, когда самоактуализация «Я» производится в обход налаживанию идентичности с «Мы» (через противопоставление «Я» и «Мы» – «Они») посредством гиперболизации полноценной свободы, достаточности «Я», проецирующего понятие о себе на своё окружение [2].

Социальное пространство, по Сорокину, есть некая вселенная, состоящая из всенародного достояния Земли. Равнообразно экзистенциальное пространство также есть некая Вселенная, только состоящая из всеиндивидуального достояния личности. Определить положение социального явления в социальном многообразии, по тому же Сорокину, означает определить его отношение к «другим социальным явлениям, взятым за такие точки отсчёта» [12, с. 298]. Определить положение экзистенциального явления в экзистенциальном многообразии означает определить его отношение к другим экзистенциальным явлениям и в

первую очередь – к самому себе, взятому за кардинальную антропологическую точку отсчёта.

У истоков изучения человека в социальном пространстве города стояли Теннис, Зиммель, Дюркгейм, Мосс, Хальбвакс, Парк, Вебер, Берджес, Вирт, Шомбар де Лов, Герлин, Кениг, Кастельс, Пел, Харлоу.

Изучением собственно человеческих отношений в антропологическом интерьере города озабочивались Мэйо, Мур, Диксон, Фридман, Лассуэлл, Редфилд, теоретики чикагской школы – Смолл, Знанецкий, Томас и др., привлекавшие внимание к гуманитарным вопросам взаимодействия малых групп, общин, освобождению интеракции от бюрократического давления, властного прессы, организации благоприятного коммуникационного климата в коллективах, достижению согласия на фоне экспансии и гармонизационного государства; правящих элит [18; 19; 20; 21].

Ролевой контур персонализации – единение индивидуального и личностного в человеческом – антропном многообразии городского – представляет, используя лексику Бурдьё, ансамбль просматриваемых связей, формирующих веер самоутвердительных позиций в естественном векторном движении (в языке Редфилда) от «народного общества» через «сельское общество» и от него – к «городскому» как неким «идеальным типам». По учёту проявлений поведенческих фигур самоактуализации, механизмов ценностного обуславливания общественного участия автономизируются более или менее открытые городские разряды:

– маргинал, аллохтон, лимитчик – завозная неквалифицированная рабочая сила, оказывающаяся источником социально-психологических неурядиц. Достаточно сказать, что в Западной Европе, Скандинавии после 21:00 женщинам без сопровождения не рекомендуют выходить на улицы. Колоссальные сложности с культурной, правовой, поведенческой дезадаптацией иммигрантов отмечаются в районах Новой Москвы, поселенческих центрах Нечерноземья,

Урала, Сибири, Дальнего Востока. С позиций социально-политической философии проблема «городские маргиналы» распадается на две: а) «бедность» – требующий общественной поддержки слой граждан, проживающий за чертой прожиточного минимума (лишь 2 показательных цифры: в 1989 г. в Восточной Европе бедняки составляли 14 млн., тогда как в 1996 г. – уже 168 млн.); уменьшившееся их количество к настоящему моменту не снимает остроты общего вопроса «что делать с бедностью?», представляющей уже глобальную проблему; б) «содержание аллохтонов» – в той же Великобритании за 5 последних лет обросло до 110 тыс. нелегалов, на обеспечение которых ежегодно расходуется 5 млрд. долл. Возникает крайне деликатная, просто не решаемая проблема «неокочевников» (Аттали), бесконтрольно прибывающих в Старый и Новый (ситуация в штате Техас на границе с Мексикой) Свет с дальнего Юга и разбалансирующих государственные патронажные программы, ухудшающие положение среднего класса, трудящихся слоёв при вынужденном перераспределении средств на их благоустройство;

– провинциал – приезжающий покорять город полный амбиций активист, переполненный спесью бальзаковского Растиньяка, вступающего в столицу Франции со словами: «Ну, теперь дело между нами».

В подспудье просматривается мотив избранности, как говорил С. Булгаков, – «имманентной (и добавим: авантюрной. – А. Ш.) религии» в собственную счастливую звезду. Вымогательство экзистенциального «чуда», правда, скоро разрушается реалистичным отрезвлением порядка вещей: город – место налаживания «роевой жизни», а не ристалище заложников миссионистских идей;

– коммуникант – «тусовщик», неизбежный постоянный участник массовых мероприятий от разнопрофильных ток-шоу до выставочных перформансов, от флешмоб-акций до демонстраций. Здесь правильно солидаризироваться с психо-

аналитическим подходом, отмечающим наличие бессознательных сил души, движущих нами в обход стандартных понятий сапиента как носителя «рационального». Проявлению исключительно неразумного начала человеческой природы мы обязаны внутренним нерелективным самозавлечением «массового» человека – толпы, расцениваемым как «душевное заболевание». На последнее указывал наш психиатр В. Кандинский, высказывавший: «История общества представляет ... непрерывный ряд примеров, в которых ... побуждения и стремления ... чувства и идеи охватывают ... массу людей и обуславливают, независимо от воли отдельных индивидуумов, тот или другой ряд одинаковых действий. К таким примерам морального и интеллектуального расстройства, мы совершенно вправе приложить название “душевные эпидемии”»¹.

Естественно, велика тут роль суггестии, без надлежащего установления роли которой многие явления массовой городской жизни не получают не то, что полного, но и, по Бехтереву, – адекватного освещения;

– жизнелюб – человек-праздник, кладущий ресурсы города к подножию развлечений. Жизнелюбие как «чувство жизни» наряду с «языком» и «трудом» Аристотель относил к краеугольным началам человеческой самости. Гиперболизация же жизнелюбия как *cosa sensus* реализует непомерное: заслоняет человеческое гедонистическим (в духе киренской школы), существовать по императивам которого означает утрачивать богообразную причастность «высшему промыслу»;

– потребитель – человек-обладатель, владетель, пользователь, распорядитель не столько сконцентрированных в городе плодов цивилизации, сколько приведённых в свою собственность, что позволяет ему соотносить своё высокое «Я» с привилегией управлять объектами, живыми

¹ Кандинский В. Х. Нервно-психический контагий и душевные эпидемии // Санкт-Петербургская психиатрическая больница св. Николая Чудотворца. К 140-летию. Том III. В. Х. Кандинский. СПб.: КОСТА, 2012. С. 95.

существами, делая их своей принадлежностью [14, с. 83]. Между тем смыслами жизни и жизни в городе не может быть «обладание-потребление»; как показал Хайдеггер, «подручное», «приручённое» существование в модусе *vorhanden-sein*, когда субъект «сидит дома перед телевизором, пьёт кофе с коньяком, а у него ... вся Вселенная на посылах, как золотая рыба», – есть путь вырождения человеческого в человеке [6, с. 451];

– провинциал-городской или даже столичный житель, в полной мере не приобщённый к градоопределяющей коммуникативной традиции, атрибутивному городу интерактивному этосу. Особенность поведения, образа действия, манера общения выдают пришельца. Универсальным маркером провинциализма выступает паралингвистический и лингвистический антураж взаимодействия, в первую очередь – фонация, кинесика, просодия, стилистика, вокализация, визуализация, эвфемизация, эвфония, эвритмия и др. – стойки непосредственно «место человека» связывали с «ролью», – «маской». Панецкий учил о 4 основных антропных модификациях, совмещая их с «человеком», «индивидом», «статусом», «профессией». На деле, отмечает В. Ильин, – «масок – оперативных образно-выразительных символических реализаций человека – много больше» [5, с. 73]. В данном случае утрируется непреодолеваемая сетка признаков, выступающая шлейфом от «особого характера субъекта», проявляющаяся в целостном облике «играния ролей»;

– обыватель – городской апатик, замкнутый в узком кругу вершения бытовых жизнеподдерживающих трудов (на современном казенном языке – пребывающий в состоянии «дожития»). Скорлупа обыденного вяло текущего существовательного процесса предобуславливает отличительные человеческие качества: неуверенность, податливость, суггерендность, несамодостаточность, подражательность, подверженность влиянию внешним воздействиям, суженность кругозора.

Именно эта городская страта – объект манипуляции, агент технологий *brain washing*, внедряющих некритические штампы, стереотипы, мыслеобразы по поводу вещей, которые «нам всем не нужны и которые мы не хотим приобретать»; по поводу «политических деятелей, которых мы никогда бы не избрали ... если бы полностью контролировали себя» [14, с. 68]. Рассчитанные на обованивание молчаливого обывательского большинства полу-, а то и гипнотические методы, – отмечает Фромм, – представляют «серьёзную угрозу психическому здоровью ... Обрушивающаяся на население реклама с её чисто суггестивными методами ... является одурманивающей. Специфический результат воздействия этих ... методов состоит в том, что они создают атмосферу полузабытья, когда человек одновременно верит и не верит происходящему, теряя ощущение реальности» [14, с. 88];

– индивидуалист – эгоцентрик – потребитель, приспособляющий потенциал города к удовлетворению частных нужд в духе «все мне должны» и исповедующий асоциальное штирнеровское кредо: «... прочь всякое дело, которое не есть моё дело ... Вы, может быть, думаете, что моим делом по крайней мере должно быть “доброе дело”? Что такое добро? Что такое зло? Ведь моё дело, моя цель – это я сам. Я же – вне добра и зла. Ни то, ни другое не имеет для меня никакого смысла. Для меня нет ничего выше меня» [16, с. 1–2]. Отсюда – отмеченный выше беспринципный аморальный карьеризм в залоге постмодернистского вседозволенного «во что бы то ни стало», подрывающий выкованное в веках критическое убеждение: «человеческое поведение – не одна лишь «игра марионеток» (Кант)» [6, с. 280];

– романтик – не дереализованный романтический герой (типа городских персонажей Достоевского, Белого), но влюблённый в своё место жительства, сросшийся с ним, проросший в него замороженный поклонник одухотворённого топоса-локуса, наделяемого субъектностью. Таков Кенигсберг (с навсегда утверждённым

маршрутом прогулок) для Канта; Москва – для Гиляровского; Вена – для Фрейда; Дублин – для Джойса с тем же субъективно вводимым качеством переживаемых событий.

Психологическое сращение с местопребыванием, где «всё случилось и случается», – источник драмы при выпадении из привычного пространства событий при нежелании и невозможности удовлетвориться ролью изгоя – кочевника в непреодолимой детерриториализации [3];

– фланер – по видимости праздно блуждающий представитель свободных профессий, находящийся в неторопливых, «бесцельных» перемещениях по городу для смены впечатлений источник сюжетов, жизненного опыта, творческого вдохновения, общения. Таковы снискавшие мировую славу гулянья по Люксембургскому, Летнему саду, Тверскому бульвару, Пятигорским бюветам (Лермонтов), набережной Ялты (Чехов) и т. п.

Заключение

На существующую в современном мире систему городов важнейшее влияние оказывает глобализация, в особенности в виде усиления миграционных потоков. Последнее создаёт в городах плотно сбитые инфильтраты – анклавов, сосредоточивающих людей, неинтегрированных в городское целое. Миграция выступает своеобразным «вызовом» «городской цивилизации», на который пока нет чёткого выработанного «ответа».

Урбанизация в условиях усиления миграционных потоков превращается в своеобразную глобальную проблему, стоящую перед человечеством не менее остро, чем загрязнение окружающей среды, предотвращение ядерной войны и т. д. Она обостряет существующие противоречия по линиям Север-Юг, Запад-Восток, требует сбалансированной интернациональной политики.

Статья поступила в редакцию 17.04.2024.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адлер А. Практика и теория индивидуальной психологии / пер. А. Боковой. М.: Прагма, 1995. 248 с.
2. Гоффман Э. Представление себя другим // Современная зарубежная социальная психология: Тексты / под ред. Г. М. Андреевой, Н. Н. Богомоловой, Л. А. Петровской. М.: Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, 1984. С. 188–196.
3. Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? / пер. С. Зенкина. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. 286 с.
4. Ильин В. В. Аксиология. М.: Проспект, 2020. 190 с.
5. Ильин В. В. Теория познания. Символика. Теория символических форм. М.: Московский университет, 2013. 384 с.
6. Ильин В. В. Философия. М.: Проспект, 2018. 479 с.
7. Ильин В. В. Философия кризиса. Человечество на пороге катастрофических перемен. М.: Проспект, 2022. 104 с.
8. Ильин В. В., Панарин А. С., Бадковский Д. В. Политическая антропология. М.: Московский университет, 1995. 254 с.
9. Карпицкий Н. Н. Опыт тела и его судьба в истории культуры // Человек.RU. 2007. № 3. С. 131–163.
10. Мид Дж. Интернализированные другие и самость / пер. А. Гараджи // Американская социологическая мысль: Тексты. М.: Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, 1996. С. 224–227.
11. Райх В. Анализ характера / пер. Е. Поле. М.: ЭКСМО-Пресс, 2021. 516 с.
12. Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. 542 с.
13. Фрейд З. Психоанализ. Религия. Культура / пер. Ю. В. Божко. М.: Ренессанс, 1992. 289 с.
14. Фромм Э. «Иметь» или «быть» / общ. ред. В. И. Добренкова. М.: Прогресс, 1990. 330 с.
15. Хабермас Ю. Европейское национальное государство: его достижения и пределы. О прошлом и будущем суверенитета и гражданства / пер. Л. Е. Переяславцевой // Нации и национализм. М.: Практис, 2022. С. 364–380.

16. Штирнер М. Единственный и его собственность / пер. И. А. СПб.: Сириус, 1910. 276 с.
17. Юнг К. Г. Проблемы души нашего времени / пер. А. М. Боковикова. М.: Прогресс, 1994. 329 с.
18. Halbwachs M. *Classes sociales et morphologie*. Paris: Les Éditions de Minuit, 2022. 461 p.
19. Lasswell H. *The Analysis of Political Behaviour*. London: Paul, Trench, Trubn, 2020. 324 p.
20. Park R. E., Burgess E. W. *Introduction into the Science of Sociology*. Chicago: The University of Chicago Press, 2021. 1040 p.
21. Redfield R. *Human Nature and the Study of Society: The Papers of R. Redfield*. Chicago: University of Chicago Press, 2020. 507 p.

REFERENCES

1. Adler A. *The Practice and Theory of Individual Psychology* (Rus. ed.: Bokovikov A., transl. *Praktika i teoriya individual'noj psikhologii*). Moscow, Pragma Publ., 1995. 248 p.).
2. Goffman E. *The Presentation Self in Every Day Life* (Rus. ed.: *Predstavlenie sebya drugim*. In: Andreeva G. M., Bogomolova N. N., Petrovskaya L. A., eds. *Sovremennaya zarubezhnaya social'naya psikhologiya: Teksty*. Moscow, Moscow State University named after M. V. Lomonosov, 1984, pp. 188–196).
3. Deleuze G., Guattar F. *Qu'est-ce que la philosophie?* (Rus. ed.: Zenkin S., transl. *Chto takoe filosofiya?* Moscow, Institute of Experimental Sociology Publ., St. Petersburg, Aleteja Publ., 1998. 286 p.
4. Ilin V. V. *Aksiologiya* [Axiology]. Moscow, Prospekt Publ., 2020. 190 p.
5. Ilin V. V. *Teoriya poznaniya. Simvologiya. Teoriya simvolicheskikh form* [Theory of Knowledge. Symbolology. Theory of Symbolic Forms]. Moscow, Moscow University Publ., 2013. 384 p.
6. Ilin V. V. *Filosofiya* [Philosophy]. Moscow, Prospekt Publ., 2018. 479 p.
7. Ilin V. V. *Filosofiya krizisa. Chelovechestvo na poroge katastroficheskikh peremen* [Philosophy of Crisis. Humanity is on the Verge of Catastrophic Change]. Moscow, Prospekt Publ., 2022. 104 p.
8. Ilin V. V., Panarin A. S., Badovsky D. V. *Politicheskaya antropologiya* [Political Anthropology]. Moscow, Moscow University Publ., 1995. 254 p.
9. Karpicky N. N. [The Experience of the Body and Its Fate in the History of Culture]. In: *Chelovek.RU*, 2007, no. 3, pp. 131–163.
10. Mead G. *Internalized Others and the Self* (Rus. ed.: Garadzhi A., transl. *Internalizirovannye drugie i samost'*. In: *Amerikanskaya sociologicheskaya mysl': Teksty* [American Sociological thought: Texts]. Moscow, Moscow State University named after M. V. Lomonosov, 1996, pp. 224–227.
11. Reich V. *Character-Analysis* (Rus. ed.: Pole E., transl. *Analiz haraktera*. Moscow, EKSMO-Press Publ., 2021. 516 p.).
12. Sorokin P. *Chelovek. Civilizatsiya. Obshchestvo* [Man. Civilization. Society]. Moscow, Politizdat Publ., 1992. 542 p.
13. Freud S. *Introduction to Psychoanalysis* (Rus. ed.: Bozhko Yu. V., transl. *Psihoanaliz. Religiya. Kul'tura*. Moscow, Renessans Publ., 1992. 289 p.).
14. Fromm E. *Haven Oder Sein?* (Rus. ed.: Dobren'kov V. I., ed. *"Imet'" ili "byt'"*. Moscow, Progress Publ., 1990. 330 p.).
15. Habermas J. *Zur Verfassung Europas* (Rus. ed.: Pereyaslavceva L. E., transl. *Evropejskoe nacional'noe gosudarstvo: ego dostizheniya i predely. O proshlom i budushchem suvereniteta i grazhdanstva*. In: *Nacii i nacionalizm* [Nations and Nationalism]. Moscow, Praxis Publ., 2022, pp. 364–380).
16. Stirner M. *Der Einzige und sein eigentum* (Rus. ed.: *Edinstvennyj i ego sobstvennost'*. St. Petersburg, Sirius Publ., 1910. 276 p.).
17. Jung C. G. *Seelenprobleme der gegenwart* (Rus. ed.: Bokovikov A. M., transl. *Problemy dushi nashego vremeni*. Moscow, Progress Publ., 1994. 329 p.).
18. Halbwachs M. *Classes sociales et morphologie*. Paris, Les Éditions de Minuit, 2022. 461 p.
19. Lasswell H. *The Analysis of Political Behaviour*. London, Paul, Trench, Trubn, 2020. 324 p.
20. Park R. E., Burgess E. W. *Introduction into the Science of Sociology*. Chicago, The University of Chicago Press, 2021. 1040 p.
21. Redfield R. *Human Nature and the Study of Society: The Papers of R. Redfield*. Chicago, University of Chicago Press, 2020. 507 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шимко Алексей Владимирович – старший преподаватель кафедры конституционного и гражданского права Государственного университета просвещения;
e-mail: ashimko83@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexey V. Shimko – Senior Lecturer, Department of Constitutional and Civil Law, Federal State University of Education;
e-mail: ashimko83@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Шимко А. В. Городские антропологические типы // Современные философские исследования. 2024. № 2. С. 128–138.
DOI: 10.18384/2949-5148-2024-2-128-138

FOR CITATION

Shimko A. V. Urban Anthropological Types. In: *Contemporary Philosophical Research*, 2024, no. 2, pp. 128–138.
DOI: 10.18384/2949-5148-2024-2-128-138

This image shows a single sheet of white paper with horizontal ruling lines. The lines are evenly spaced and run across the width of the page. There are no margins, text, or other markings on the paper.



СОВРЕМЕННЫЕ ФИЛОСОФСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

2024. № 2

Над номером работали:

Литературный редактор В. А. Кулакова
Переводчик Ю. А. Назарова
Компьютерная вёрстка – В. А. Кулакова
Корректор И. К. Гладунов

Адрес редакции:

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98
тел. (495) 780-09-42 доб. 6101
e-mail: info@vestnik-mgou.ru
сайт: www.philosmgou.ru

Формат 70x108/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура "Minion Pro".

Тираж 500 экз. Усл. п.л. 8,75, уч.-изд. л. 11,5.

Подписано в печать: 30.06.2024 г. Дата выхода в свет: 16.07.2024 г. Заказ № 2024/06-07.

Отпечатано в ГУП

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А